

СОДЕРЖАНИЕ

V ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Выступления глав государств (Д. А. Медведев, Т. Халонен, Л. Шойом, Т. Х. Ильвес).....	8
Резолюция V Всемирного конгресса финно-угорских народов	18
Кирдяшов В. Ф. (РФ, Мордовия) Всемирные конгрессы финно-угорских народов как фактор единения и конфликтности (к итогам V Всемирного конгресса финно-угорских народов).....	22
<i>Конгрессы финно-угорских народов — яркое событие в жизни Российской Федерации и некоторых стран Европы. Они призваны создавать условия для межкультурного диалога, взаимопонимания и конструктивного решения задач, встающих перед финно-угорскими народами. Автор статьи попытался показать возможность и необходимость духовного объединения и общественно-политической консолидации этих народов и роль, которую призваны сыграть в этом конгрессы.</i>	
Если немного пометчать... Интервью с М. Ханнус	28
<hr/>	
Пустаи Я. (Венгрия) Размышления о будущем финно-угорских языков в Российской Федерации.....	30
<i>Автором рассматривается положение финно-угорских языков в Российской Федерации. Анализируются возможности создания единого литературного (и одновременно государственного) языка, а также терминологии, которая должна содействовать сближению разных вариантов одного языка.</i>	
Мосин М. В. (РФ, Мордовия) Единый мордовский литературный язык: за и против.....	34
<i>Статья посвящена вопросу создания единого мордовского литературного языка на базе мокшанского и эрзянского литературных языков. В качестве одной из возможностей этого автором предлагается расширение ранней основы двух близких языков.</i>	
Куклин А. Н. (РФ, Марий Эл) Финно-угорский мир сквозь призму уральской топонимии.....	40
<i>Автор поднимает вопрос об уральском субстрате в топонимии Урало-Поволжья, увязывая его со сложными и неоднозначными проблемами этногенеза народов уральской расы. Вывод о неосновательности рассмотрения топонимической системы Урало-Поволжья как результата творчества только ныне проживающих там народов: в таком случае игнорируются хронологические срезы и факты воздействия на ее формирование субстратных, суперстратных и иных явлений.</i>	
<hr/>	
Строгальщикова З. И. (РФ, Карелия) Коренные малочисленные народы России в политике государства: формирование законодательства и его реализация в постсоветский период.....	48
<i>В статье исследуются проблемы коренных малочисленных народов на современном этапе существования Российского государства, затрагиваются законодательные, политические и административные вопросы их взаимодействия.</i>	
Никитина Г. А. (РФ, Удмуртия) Бедные, богатые и нищие в удмуртской деревне: историческая и современная интерпретация.....	64
<i>На основе фольклорно-этнографических данных, научных наработок первого удмуртского этнографа Г. Е. Верещагина и собственных полевых материалов по современной удмуртской деревне автором предпринята попытка анализа представлений о социальном неравенстве, его причинах и восприятии его общественным сознанием удмуртского сельского социума конца XIX в. и рубежа XX–XXI вв.</i>	
Конюхов А. К. (РФ, Коми) Национальная идентичность финно-угорских народов.....	74
<i>Автор рассматривает социологический аспект национальной идентичности финно-угорских народов. Проведенный им сложный многокомпонентный анализ позволяет отследить нюансы этнической самоидентификации.</i>	
<hr/>	
Прозес Я. (Эстония) Михкель Веске в Казани: К 165-летию со дня рождения М. П. Веске (1843—1890).....	88
<hr/>	
Бояркин Н. И., Бояркина Л. Б. (РФ, Мордовия) О современной этномузыкологии Волго-Уралья.....	94
<i>В статье освещаются проблемы современной этномузыкологии финно-угорских и тюркских народов Волго-Уральского региона. Анализируются состояние фактологической базы науки, направления и проблематика исследований.</i>	
Ниemi Я. (Финляндия) Стилевые особенности ненецких песен полуострова Канин.....	104
<i>Внимание читателей предлагаются примеры песен ненцев полуострова Канин в Архангельской области. Канинские ненцы — самая западная территориально выделенная группа тундровых ненцев, проживающая на Европейском Севере России. При рассмотрении песенных традиций этой группы ненцев автором определяются основания для их выделения как особой этнографической группы и по музыкальным признакам.</i>	
<hr/>	
Летние университеты Венгрии: практический опыт для финно-угроведов.....	111
«Загляни в прошлое — там ты увидишь будущее», или Немного о международных этнофутуристических фестивалях «Камва» в Перми.....	114
Библиотеки и библиотечное дело в мордовском крае (XVIII — начало XX в.).....	116
Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений.....	117
Древнее Поволжье: историческая реконструкция в творчестве художника М. Связова.....	118

Международный научный журнал
«Финно-угорский мир»
№ 1 (1) 2008

Выходит ежеквартально

Учредитель:
ГОУВПО «Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева»
Издатель:
ООО «Межрегиональный научный центр
финно-угроведения» (Саранск)

Журнал основан в 2008 году

Главный редактор *Н. П. Макаркин*
Ответственный секретарь *А. В. Родняков*
Научные редакторы *В. К. Абрамов,*
Н. И. Бояркин, М. В. Мосин
Редактор *Е. С. Руськина*
Корректор *Н. В. Чернышова*
Подбор иллюстраций и дизайн *К. И. Шапкарин*
Верстка *Н. В. Широкова*
Перевод *О. С. Сафонкина*

Использованы фотографии Н. Инякина,
М. Олыкайна, Н. Сметаниной, Р. Резелова, Э. Ре-
тунского (фотоконкурс Фестиваля «Шумбрат,
Финно-Угрия», Саранск, 2007 г.), М. Евсеева (фон-
ды МРОКМ), (www.admhmao.ru)
В оформлении обложки использован рисунок Густава-
Феодора Паулли «Мордва, черемисы, марийка» и
картина Ю. Лисовского «Чум»

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Большевицкая, 33
Тел./факс: +78342 474423, +78342
478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-31846
от 23 апреля 2008 г.

Рукописи не возвращаются
Мнение редакции может не совпадать с мнением
авторов статей
Перепечатка материалов, помещенных в журнале
«Финно-угорский мир», допускается только с разре-
шения редакции
Подписано в печать 10.11.2008. Формат 60 x 90 1/8.
Усл. печ. л. . Тираж 1000 экз. Заказ № 5204
Отпечатано в ГУП «Типография «Красный Октябрь».
Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а

© ГОУВПО «МГУ им. Н. П. Огарева», 2008
© ООО «Межрегиональный научный центр
финно-угроведения», 2008

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абрамов Владимир Кузьмич, член Исполнительного
комитета Ассоциации финно-угорских народов Российской
Федерации, доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой новейшей истории народов России ГОУВПО «МГУ им.
Н. П. Огарева» (РФ, Мордовия)

Бояркин Николай Иванович, доктор искусствоведения,
профессор, заведующий кафедрой народной музыки ГОУВПО «МГУ
им. Н. П. Огарева» (РФ, Мордовия)

Куклин Анатолий Николаевич, доктор филологических
наук, профессор, и. о. директора Института финно-угроведения
при ГОУВПО «Марийский государственный университет (РФ,
Марий Эл)

Лаллукка Сеппо, доктор исторических наук, профессор,
сотрудник Института «Россия - Восточная Европа» (Финляндия)

Луутонен Йорма, доцент кафедры общего и финно-угорского
языкознания Туркуского университета (Финляндия)

Макаркин Николай Петрович, доктор экономических наук,
профессор, ректор ГОУВПО «МГУ им. Н. П. Огарева», руково-
дитель Межрегионального научного центра финно-угроведения
(РФ, Мордовия)

Марков Валерий Петрович, председатель Международного
Консультативного Комитета финно-угорских народов, Первый
заместитель Председателя Государственного Собрания Респу-
блики Коми (РФ, Коми)

Мишанин Юрий Александрович, доктор филологиче-
ских наук, профессор, директор Поволжского центра культур
финно-угорских народов (РФ, Мордовия)

Мосин Михаил Васильевич, председатель Исполни-
тельного комитета Ассоциации финно-угорских народов Рос-
сийской Федерации, доктор филологических наук, профессор, заве-
дующий кафедрой финно-угорского и сравнительного языкознания
ГОУВПО «МГУ им. Н. П. Огарева» (РФ, Мордовия)

Муллонен Ирма Ивановна, доктор филологических наук,
директор Института языка, литературы и истории Карель-
ского научного центра РАН (РФ, Карелия)

Никитина Галина Аркадьевна, доктор исторических наук,
профессор, заместитель директора по науке Удмуртского ин-
ститута истории, языка и литературы Уральского отделения
РАН (РФ, Удмуртия)

Пустаи Янош, доктор филологии, профессор, директор
Collegium Fenn-Ugricum, заведующий кафедрой уральской фило-
логии Западно-Венгерского университета (Венария)

Родняков Алексей Викторович, заместитель руководи-
теля Межрегионального научного центра финно-угроведения
(РФ, Мордовия)

Рюитель Ингрид, доктор филологии, профессор, президент
Общественного национального совета по фольклору (Эстония)

Сметанин Александр Франсович, кандидат историче-
ских наук, директор Института языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН (РФ, Коми)

Шапкарин Константин Иванович, кандидат историче-
ских наук, начальник Управления по связям с общественностью
ГОУВПО «МГУ им. Н. П. Огарева» (РФ, Мордовия)

Дорогие друзья!

Поздравляю вас с выходом нового международного научного журнала, призванного всесторонне и объективно информировать нас о жизни народов самой многочисленной группы уральской языковой семьи.

Финно-угорские народы в своем большинстве представляют неотъемлемую часть российской нации и населяют обширнейшую территорию современной России. Также финно-угры представляют государствообразующие нации Венгрии, Финляндии, Эстонии. Мы едины генетически, у нас близкое языковое родство. Вместе с тем каждый из наших народов по-своему неповторим. И в этом — наше главное богатство.

Отрадно отметить, что за последние годы заметно расширились рамки нашего сотрудничества с финно-угорскими народами не только на уровне научных и общественных связей, но и на уровне межгосударственных отношений.

Хочу выразить надежду, что журнал «Финно-угорский мир» станет тем средством нового уровня общения между нашими народами и государствами, которое представит научно обоснованное, стратегически и тактически верное развитие науки, образования, культуры наших родственных народов, будет способствовать процессу их интеграции и консолидации.

В добрый путь, «Финно-угорский мир»!

Глава Республики Мордовия Н. И. Меркушкин

Уважаемые друзья!

Искренне рад поздравить редакцию и первых читателей с выходом международного научного журнала «Финно-угорский мир». Сотрудничество органов государственной власти, общественных организаций во многом оптимизировало поиск путей реализации конституционных положений о защите интересов коренных народов, в том числе принадлежащих к финно-угорской группе.

Законодательством Российской Федерации закреплены особые права коренных народов на самобытное социально-экономическое и культурное развитие, на защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни и природопользования.

Правительство Ханты-Мансийского автономного округа — Югры уделяет особое внимание сохранению в современных условиях уникальных северных этносов — ханты и манси, возрождению их культуры, языка и традиций.

В Югре действуют национальные школы, издается учебная, методическая, художественная литература на языках коренного населения Среднего Приобья, осуществляется необходимая материальная поддержка преподавателей за счет средств окружного бюджета. За последние годы количество югорчан, желающих изучать родной язык, увеличилось на четверть — это очевидное свидетельство того, что одно из приоритетных направлений нашей социальной политики развивается последовательно и эффективно.

Убежден, что появление журнала «Финно-угорский мир» позволит сделать акценты на острых и нерешенных проблемах, вовлечь широкую международную аудиторию в осмысление и обобщение уникальных научных, исторических материалов, обсуждение вопросов этнокультурного взаимодействия и духовного просвещения.

Губернатор

Дорогие друзья!

От лица Международного консультативного комитета финно-угорских народов, Государственного Совета Республики Коми, Межрегионального общественного движения «Коми войтыр» и от себя лично поздравляю международный научный журнал «Финно-угорский мир» с выходом первого номера.

Появление подобного издания способствует расширению финно-угорского сотрудничества, возникновению новых общественных, научных и иных связей, обогащению межкультурного взаимодействия.

Хочу пожелать журналу объективности, конструктивности в освещении процессов, происходящих в финно-угорском сообществе, и выразить надежду на то, что он сможет найти такое место, которое бы способствовало развитию языка, литературы, культуры и искусства, взаимопониманию наших народов.

Председатель

Выходит в свет первый номер международного журнала «Финно-угорский мир». Это событие является логичным результатом нарастающего внимания к проблемам финно-угорских народов, которые все отчетливее осознают общность своих истоков, родство языков и культур. Особенно большие в этом отношении изменения произошли в последние десятилетия, которые справедливо именуются периодом всплеска этнической активности и в течение которых у всех финно-угорских народов пробудилось и усиливалось чувство национального самосознания.

Появление журнала «Финно-угорский мир» отвечает объективной потребности в наличии постоянного и широко доступного печатного издания, на страницах которого затрагивались бы наиболее сложные, острые и дискуссионные проблемы, стоящие в современных условиях перед финно-угорскими народами, и давалась бы обширная информация об истории, людях, достижениях этих народов.

Редакционный совет надеется, что журнал с удовлетворением будет принят читательской аудиторией и внесет свой вклад в развитие сотрудничества и солидарности в финно-угорском сообществе.

Главный редактор журнала
ректор Мордовского государственного университета
профессор Н. П. Макаркин

Уважаемые читатели!

Перед вами — первый номер международного научного журнала «Финно-угорский мир», издаваемого Межрегиональным научным центром финно-угроведения Мордовского государственного университета.

Несмотря на то что исследования различных проблем уральских народов, особенно во второй половине XX — начале XXI века, получили широкое освещение во всевозможных научных изданиях многих стран мира, выход в свет нового журнала — весьма примечательное событие в научной жизни финно-угорского сообщества. На его страницах зарубежные и отечественные финно-угроведы достойно представляют финно-угристику как направление мировой науки. Раскрытие авторами исторических событий, разнообразного этнографического материала, уникальных ценностей культуры обогащает современный мир знанием тех богатств, которые создавались в течение ряда тысячелетий и создаются в наше время уральскими народами.

На наш взгляд, главное предназначение данного издания — широкий обмен опытом творческой деятельности научных центров и высших учебных заведений по исследованию многовековой истории, сохранению и развитию богатейшей культуры, разнообразия языков и народных традиций наших народов.

Большая востребованность научного журнала «Финно-угорский мир» обусловлена необходимостью не только в раскрытии и сохранении этнокультурного наследия уральских народов, но и в научном осмыслении процессов, происходящих в современном мире, где развитие межнациональных и межэтнических отношений возможно только при формировании всесторонне согласованного мирового порядка. В этом контексте предлагаемый журнал должен стать одним из популярных изданий, в котором будут обсуждаться результаты постоянно проводимых мониторингов по проблемам сохранения и развития этносов, а также совершенствования и оптимизации межнациональных отношений.

Мы убеждены, что наряду с известными отечественными и зарубежными учеными на страницах журнала будут активно публиковаться молодые ученые и аспиранты, посвятившие себя исследованию исторических, филологических, социально-экономических, культурных, правовых, демографических и других аспектов жизни уральского сообщества.

Исполком Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации надеется, что новый журнал станет интересным и авторитетным научным источником в области исследования этнических, социокультурных и языковых процессов финно-угров в их взаимодействии с другими народами.

Желаю «Финно-угорскому миру» плодотворных научных успехов и доброго пути!

Председатель Исполкома Ассоциации финно-угорских народов
Российской Федерации профессор М. В. Мосин

Уважаемые издатели журнала «Финно-угорский мир»!

Хочу пожелать вам счастливой и успешной осени. Надеюсь, что ваш журнал будет распространяться как можно шире среди финно-угорских читателей. В будущем он может сыграть важную роль в поощрении развития собственного языка и культуры среди финно-угров Российской Федерации.

Генеральный секретарь Общества «Финляндия — Россия»
Мерья Ханнус

Уважаемые друзья, дорогие соплеменники!

От души поздравляю вас с выходом в свет нового научного журнала «Финно-угорский мир». Взаимопонимание, интерес к языкам, культуре, обычаям, истории развития и традициям каждого из народов финно-угорского сообщества и история единения финно-угорских народов мира — прекрасный результат десятилетий партнерского взаимодействия и искренней дружбы. Журнал — свидетельство социально-экономической, политической зрелости наших народов, их богатого творческого, духовного и нравственного потенциала. Он призван поднять уровень взаимной информированности в области гуманитарных наук, образования, культуры, краеведения.

Надеемся, что труды исследователей из Республики Карелия найдут свое место на страницах нового печатного издания: как говорят карелы, «joukon huttu on makei» — «общая каша самая вкусная!»

В добрый путь!

Министр по вопросам национальной политики
и связям с религиозными объединениями Республики Карелия А. А. Манин

Уважаемые коллеги! Дорогие родственники!

Для нас, представителей финно-угорских народов, регионов, стран, финно-угорский мир уже давно является частью нашей жизни, повседневной деятельности. Финно-угорский мир феноменален! Он живет благодаря нашей работе, нашему творчеству, нашему желанию общаться, дружить, реализовать самые различные по тематике совместные проекты. Он связан невидимыми нитями сотрудничества, взаимного интереса и уважения, общения. Новый проект — журнал «Финно-угорский мир» — уникальный ресурс для расширения и упрочения сотрудничества. Я от всей души от имени жителей Удмуртии, родины первого финно-угорского конгресса, поздравляю нас всех с этим замечательным событием, появлением нового пространства для коммуникаций, дискуссий, презентаций и т. д. Желаю творческому коллективу журнала упорства, верных партнеров и друзей. Шудбур но тазалык! Счастья и здоровья!

Министр национальной политики Удмуртской Республики В. Н. Завалин

Уважаемый Николай Петрович!

Примите наши поздравления в связи с выходом в свет первого номера международного журнала «Финно-угорский мир». Отрадно, что данный журнал ставит своей целью всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Во все времена люди стремились сохранить — как самую главную святыню — сведения об истории и культуре своего народа, память о выдающихся исторических деятелях, артистах, художниках, писателях и ученых, прославивших свой народ знаниями, талантами и делами. Отраженная на страницах печатного периодического издания, эта память может и должна свидетельствовать о мощном культурно-историческом потенциале, которым обладают финно-угорские народы России и зарубежных стран.

Выражаем надежду, что вновь созданный научный журнал по финно-угроведению внесет достойный вклад в дальнейшее исследование и развитие научных и этнокультурных связей между родственными финно-угорскими народами.

С пожеланиями успехов
заместитель Главы Правительства, министр культуры,

Уважаемый Николай Петрович!

Поздравляю Вас и редакторский коллектив с открытием нового журнала «Финно-угорский мир». Очень хорошо, что будет еще одно издание, которое станет опорой для финно-угорских писателей, поэтов, общественников, которое, надеюсь, станет настольной книгой в финно-угорских семьях, настольной книгой у всех читающих людей, ибо через журнал в их сознание войдут древнейшие культуры финно-угорских народов.

Надеюсь, что материалы, печатаемые в журнале, будут оригинальны, интересны, патриотичны, познавательны и работа редакторского коллектива не будет «шорохом ореха» — так зовется бесполезный шум шелухи ореха у грузин. Надеюсь, что с помощью коллектива журнала будет происходить кристаллизация финно-угорских талантов и образуются алмазные россыпи, которые будут радовать своим совершенством весь цивилизованный мир.

Председатель совета ОД МКЦ «Ялгат»
Нижегородской области Михаил Безаев

Поздравляю весь финно-угорский мир с выходом в свет нового журнала! Желаю новому изданию долгой жизни и процветания, больших тиражей и множества читателей во всех уголках нашей страны.

Зам. председателя Ульяновской областной
мордовской национально-культурной автономии А. П. Миганова

Уважаемый Николай Петрович!

Интеллигенция национально-культурных общественных объединений мордвы Московской области и г. Москвы с удовлетворением узнала о создании научного журнала «Финно-угорский мир». Мы благодарим Вас за инициативу и приложенные усилия по созданию столь необходимого в наше время научно-теоретического печатного и электронного информационного рецензируемого журнала, который будет доступен для публикации спорных и дискуссионных материалов активистов — участников движения за сохранение и развитие культуры мордвы и родственных финно-угорских народов и свободен от шовинистически-идеологического влияния на авторов публикаций, редакторов журнала и рецензентов.

Председатель Московской общественной организации
«Общество мордовской культуры «Масторава»

V всемирный конгресс финно-угорских народов

(Ханты-Мансийск,
28 июня 2008 года)

www.kremlin.ru

Выступление Президента Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева на церемонии открытия

Уважаемые участники и гости V Всемирного конгресса финно-угорских народов!

Рад видеть всех вас в Ханты-Мансийске. И хотел бы еще раз поприветствовать наших высоких гостей — президентов Финляндии, Венгрии и Эстонии.

Сразу скажу, что этот конгресс, который мы традиционно проводим вместе, является свидетельством искреннего и глубокого взаимного желания развивать наше сотрудничество. Делать все во имя достойной жизни наших народов, их во многом уникальных традиций и культур.

Связанные общими корнями, финно-угорские народы на протяжении столетий смогли сохранить свою самобытность и традиционный уклад жизни. Они через века пронесли язык и обычаи своих предков. И сейчас, уже на современном этапе, взаимно обогащают обширное культурно-информационное пространство. Пространство, которое как раз и принято называть «финно-угорский мир».

Излишне напоминать, что значительная его часть и исторически, и географически связана с Россией. Из 24 финно-угорских и самодийских народов 19 проживают на территории нашей страны.

Именно Россия и стала родиной международного

странах.

Между тем современный мир, включая многие европейские государства, уже столкнулся с серьезными межэтническими конфликтами. С натиском подчас не управляемых миграционных потоков. И всем нам еще немало предстоит сделать, чтобы найти оптимальные модели решения столь непростых, поистине глобальных проблем.

В любом случае это должны быть модели, основанные на взаимном уважении, заинтересованности в процветании всех национальностей и культур, языков, обычаев и духовных традиций.

И здесь поистине незаменимым может стать опыт этнокультурного диалога наших стран. В том числе в рамках вашего авторитетного конгресса.

Еще раз сердечно благодарю всех за заинтересованное сотрудничество и хочу пожелать участникам конгресса успешной и плодотворной работы.

Сегодня сообщество финно-угорских народов России включает около трех миллионов человек.

финно-угорского движения, и здесь в 1992 году прошел I Всемирный конгресс финно-угорских народов. Состоялись и другие крупные форумы.

Знаю, что сейчас обсуждается еще одна идея — возможность периодической ротации местонахождения штаб-квартиры Консультативного комитета финно-угорских народов. Если такое решение будет принято — мы его поддержим. А в период пребывания штаб-квартиры в одном из российских регионов гарантируем создание всех необходимых условий для его эффективной работы.

Особо подчеркну, что, реализуя совместные проекты по защите национальных языков и традиций, вы помогаете сохранению идентичности финно-угорских народов.

Очевидно, что значение таких возможностей в современном мире будет только возрастать. Особенно с учетом идущей глобализации, которая приводит или, как правило, приводит к размыванию национально-культурной сферы и идентичности.

Отмечу и другое. Универсальные по своей сути этнокультурные возможности и ценности укрепляют в человеке нравственные, духовные начала. Учат истокам, прививают уважение к семье, к опыту старшего поколения, к труду и к патриотическим ценностям. Учат тому, без чего сегодня невозможно формирование цивилизованной, толерантной среды и гражданской зрелости. И отраднo, что именно эти чувствительные на сегодняшний день проблемы являются одной из центральных тем сегодняшнего конгресса.

Ваша деятельность прямо связана с актуальными для всего мира проблемами межкультурного диалога.

Для многонациональной России это особенно важно. Ведь само историческое развитие российской нации в немалой степени основывалось на богатстве и сохранении этнокультурной и поликонфессиональной среды. На многовековом мирном опыте проживания в одном государстве более 160 народов.

Благодаря этому единство российской нации выдержало многие испытания. И в наши дни является важным фактором преодоления экстремистских настроений, национализма и религиозной нетерпимости.

Финно-угорские народы всегда были органичной частью российской этнокультурной мозаики. Вместе с другими народами активно участвовали в укреплении государства, осваивали его огромные природные богатства, создавали промышленную мощь страны. В том числе и здесь, в Югре, — на земле ханты и манси.

Сегодня сообщество финно-угорских народов России

включает около трех миллионов человек. Мы многое делаем и будем делать для их достойного развития. Отмечу, что финно-угры имеют наибольшее число административно-территориальных образований, в которых они являются титульными нациями. Они участвуют в управлении территориями, представлены в органах исполнительной и законодательной власти.

Численность некоторых народов этой группы превышает сотни тысяч. Но есть и такие, которые насчитывают сегодня всего лишь несколько сотен. Многие из них наделены особым статусом коренных малочисленных народов.

Конечно, сложная демографическая ситуация и старение населения — это известная всем общая проблема. Сегодня мы с коллегами на эту тему обменивались своими впечатлениями. И мы в приоритетном порядке реализуем меры по повышению рождаемости, увеличению продолжительности жизни людей и в целом по улучшению ее качества. Рассчитываем, что это скажется и на стабилизации численности финно-угорских народов.

Их этнокультурное развитие проходит на основе двух культурно-образовательных центров: Поволжского в Саранске и Федерального в Сыктывкаре. Совместно с регионами поддерживаем образовательные программы на родном языке, национальные школы, театры и народные промыслы.

У нас выходит более 100 газет и журналов на языках этой группы, в том числе и одна общероссийская газета. В каждом регионе с компактным проживанием финно-угров есть национальное телевидение и радиовещание. А в высших учебных заведениях — соответственно факультеты и центры изучения родных языков.

Новые возможности для развития культурно-образовательной интеграции финно-угорских народов открывают интернет-проекты и создание новых электронных порталов, что, насколько я понимаю, также будет активно обсуждаться на вашем форуме.

Думаю, что в ходе конгресса будут обсуждены и другие насущные аспекты этнокультурного взаимодействия. В том числе его влияние на отношения между государствами.

Отмечу, что Россия будет и дальше поддерживать усилия в этой сфере как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

У меня сегодня уже состоялись встречи с президентами Финляндии, Венгрии и Эстонии. И мы высоко оценили совместные усилия в работе по финно-угорской тематике. Считаем также, что сегодня надо столь же конструктивно развивать другие направления взаимовыгодного сотрудничества, создавая благоприятную базу для добрососедства и общения наших народов.

Такие контакты позволяют лучше узнать о современной жизни друг друга. И это тем более важно с учетом имеющих место политических спекуляций на эту тему. Как правило, этим, естественно, занимаются люди с самым поверхностным представлением о жизни финно-угров в нашей стране. И при этом скрываются реальные факты ускоренной ассимиляции в некоторых европейских

www.kremlin.ru

Выступление Президента Финляндской Республики

Уважаемые президенты Российской Федерации, Венгрии и Эстонии — господин Медведев, господин Шоймо и господин Ильвес!

Уважаемые представители финно-угорских народов и гости конгресса! Дорогие друзья!

Хочу сердечно поблагодарить президента Медведева и оргкомитет во главе с министром Козаком за любезное приглашение принять участие в V Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Ханты-Мансийске. Как прекрасно быть снова на встрече родственных народов! По опыту знаю, что Всемирный конгресс является одновременно и заполненным работой совещанием, и теплым семейным праздником.

Для меня большое удовольствие и честь приветствовать от имени государственных властей Финляндии и финского народа столь авторитетную и многочисленную аудиторию, представляющую финно-угорские народы.

Организаторы конгресса достойны особой благодарности. Их стараниями составлена содержательная программа конгресса, в рамках которой мы имеем возможность обсудить актуальные вопросы финно-угорских народов. Для нас очень интересно побывать в Ханты-Мансийске — этот город является отличным выбором

для проведения этого мероприятия ввиду его многонационального населения.

Уважаемые слушатели!

Организация Объединенных Наций провозгласила 2008 год Международным годом языков, который проходит под девизом «Языки важны!». Цель тематического года — содействовать многоязычию и привлечь особое внимание к защите малых языков, находящихся под угрозой исчезновения.

За короткий период времени приняты также два важных международных документа, которые помогают обеспечить права финно-угорских народов.

В сентябре 2007 года Генеральная Ассамблея ООН

...Языковые права являются предпосылкой реализации других основных прав.

подтвердила политическую Декларацию о правах коренных народов, принятую годом ранее Советом ООН по правам человека. Финляндия принимала активное участие в разработке этого документа. После весьма продолжительных переговоров декларация была принята и права коренных народов были четко закреплены. Текст декларации является результатом совместного труда государств и организаций, представляющих коренные народы. Значение этого партнерства подчеркивается и в самой декларации.

Конституция Финляндии гарантирует саамскому населению как коренному народу право сохранять и развивать свой язык и свою культуру. Финноязычное большинство в своей повседневной жизни порой и не замечает, какое большое значение среди основных прав имеют языковые права. Часто языковые права являются предпосылкой реализации других основных прав.

Второй важный международный документ — это «Белая книга» по межкультурному диалогу, принятая Советом Европы прошлой весной. Она доказывает, насколько существенное значение имеет межкультурный диалог, когда мы стремимся к пониманию и обеспечению жизненного пространства для культурного многообразия.

Указанные документы ООН и Совета Европы исходят из одного и того же посыла: целью поставлено укрепление уважения человеческого достоинства и прав чело-

Всемирный конгресс является одновременно и заполненным работой совещанием, и теплым

их открытость новому следовало бы использовать и для сохранения традиций национальных меньшинств. Ответственность за передачу традиций новым поколениям лежит прежде всего на родителях и ближайшем окружении ребенка. Поэтому важно, что каждый ценит свои корни и считает их достойными сохранения. Задача общества — создать условия для этого.

Уважаемые дамы и господа!

В заключение хочу пожелать конгрессу — больших успехов, а его участникам — интересных и плодотворных обсуждений и радостного общения.

Ответственность за передачу традиций новым поколениям лежит прежде всего на родителях и ближайшем окружении ребенка.

века. Культурное многообразие само по себе важно как для отдельного человека, так и для коллектива людей, но оно представляет собой также социальный и экономический ресурс. Мы должны работать вместе для того, чтобы обеспечить права народов — как малочисленных, так и больших — на сохранение и развитие своей культурной идентичности. Важными партнерами в этой работе выступают общественные организации.

Уважаемые дамы и господа!

Национальное государство имеет прерогативу развивать культурные права своих граждан — в том числе меньшинств — и несет связанную с этим ответственность. В прошлом году мы отмечали юбилейный год Микаэла Агриколы, отца финского литературного языка. Тема юбилейного года — «Родной язык, родная душа» — отражает самое существенное значение языка. Мы, финны, еще в школе узнаем, насколько важный вклад Агрикола внес в развитие финской культуры. Отсюда вытекает наше желание уважать родной язык любого человека и укреплять понимание того, что языки меньшинств нуждаются в поддержке, чтобы они сохранились и развивались как живые языки.

Мы прикладываем особые усилия к оживлению инарского варианта саамского языка, который уже находится под угрозой исчезновения. При этом международное сотрудничество служит нам большой поддержкой, ведь метод «языкового гнезда», о котором так много говорится, оказался для нас полезным инструментом.

Метод «языкового гнезда» был разработан в начале 1980-х годов в Новой Зеландии в целях спасения маорийского языка. Он заключается в том, что дети дошкольного возраста, принадлежащие к национальному меньшинству, воспитываются в «языковых гнездах», в специализированных детских садах, где с ними общаются только на национальном языке. Метод использует присущие детям большое желание и способность к освоению языка.

Теперь мы хотим помогать другим. В 2006 году Культурный фонд Финляндии запустил финансовый проект, нацеленный на сохранение и спасение финно-угорских языков России, находящихся под угрозой исчезновения. Впоследствии было принято решение о расширении проекта путем выделения более полутора миллионов евро на восстановление малых финно-угорских языков. При этом применяется упомянутый выше метод «языкового гнезда».

Способности детей к освоению знаний и навыков и

Выступление Президента Венгерской Республики господина Ласло Шойома

Госпожа Президент, уважаемые главы государств,
дамы и господа!

Позвольте мне поприветствовать V Всемирный конгресс финно-угорских народов, созданный на сей раз на земле народов ханты и манси, ближайших языковых родственников венгров. Выражаю благодарность нашим хозяевам, Главе Ханты-Мансийской администрации и его сотрудникам, а также компетентным лицам Российской Федерации за их поддержку в организации Всемирного конгресса.

Венгрия, а также венгры, проживающие в иных государствах, всего 15 миллионов человек, все мы считаем исключительно важным то, что финно-угорские народы мира каждые четыре года встречаются, оценивают свое положение и совместно ищут решения проблем.

Сегодня финно-угорские народы состоят из двух больших групп: государствообразующие народы с большой численностью населения (финны, эстонцы и венгры), с одной стороны, и, с другой стороны, так называемые малые народы. В Российской Федерации проживает 13 малых народов*. Общая численность этих народов составляет 2,6 миллиона человек, причем есть такие, ко-

торых всего несколько сотен, а самый крупный народ насчитывает 850 тысяч человек. Разделение на две такие группы кажется естественным, и не только с точки зрения государственности, но и с точки зрения таких важных аспектов, как история, уровень общественного развития. Но напрашивается и другое разделение: финно-угорские народы, которым ничего не угрожает, и народы, существование которых находится под угрозой.

В период между двумя переписями населения — 1989 и 2002 годов — численность малых народов сократилась радикально — на 14 %. Это факт. Озадачивающие демографические показатели и показатели их состояния здоровья не сулят изменений к лучшему. Среда, позволяющая им сохранять традиционный уклад жизни, стремительно сужается как в физическом, так и в общественном смысле, а ведь именно замкнутость образа жизни и обеспечивала сохранность языков и культур этих народов. Люди одновременно параллельно живут в разных измерениях: прошлое и настоящее переплетаются. Исследования, проведенные среди народа ханты, позволяют сделать выводы о том, что, несмотря на изменения, которые произошли в образе жизни последних двух-трех поколений, основные черты культуры хантов живы. В хантыйском народе сохранились те знания, тот

* Без учета самодийских народов (примеч. ред.)

культурный потенциал, который, несмотря на негативные тенденции, обнадеживает, который дает основания верить в то, что полной ассимиляции можно избежать. Изменения в культуре неизбежны, вопрос заключается лишь в том, что поможет малым народам не потерять своей культуры.

Те финно-угорские народы, которым ничего не угрожает, — и в особенности мы, венгры, — за весь период, прошедший со времени выхода из древней общины, и в течение всего периода кочевничества такие периоды изменений в культуре переживали неоднократно. Но мы сохранили и свой язык, и свою идентичность. Однако малые народы эту задачу сегодня должны решать в совершенно иных условиях, чем это делали мы в прошедшие века или коренные народы, которым угрожала политика колонизации. В мире сегодня везде уделяют большое внимание языкам, культурам малых народов, независимо от того, живут ли они в Канаде, России или в латиноамериканском государстве. Мир хочет сохранить культурное многообразие, поскольку это истинная ценность. Сегодня нам уже помогают международные правовые нормы по защите прав человека и правам меньшинств. С другой стороны, намного более интенсивно проявляются тенденции смешивания со средой, с культурой, ибо практически невозможно противодействовать ее перевесу и ее интенсивному проникновению. Мировое движение финно-угорских народов именно в этом должно помочь своим собратьям, должно поддержать их усилия, направленные на выполнение этой нелегкой задачи.

Проблемы финно-угорских народов не ограничиваются проблемами малых народов. Разделение на народы,

...Напрашивается... разделение: финно-угорские народы, которым ничего не угрожает, и народы, существование которых находится под

К таким учреждениям прежде всего относится школа с обучением на национальном языке. Сейчас, когда распались традиционные большие семьи, именно школа является самым важным институтом, способным сохранить народ и его язык, и вместе с тем залогом модернизации и жизнеспособности языка. Содержание малых школ связано с финансовыми и организационными трудностями. Совершенно очевидно, что чем меньше численность народа, тем сложнее формировать старшие классы, средние школы, где обучение ведется на родном языке. Все меньшинства уже убедились в том, что даже двуязычные школы не предохраняют от потери языка. При этом, безусловно, необходимо знать государствен-

...Сегодня уже мало просто проявлять интерес к

которые подвержены или не подвержены опасности, я не считаю водораздельным критерием в финно-угорской среде, поскольку мы, венгры, являющиеся наиболее многочисленным народом, также сталкиваемся с ужасом слияния, потери языка миллионами венгров, живущими за рубежом Венгрии; мы также сопереживаем, мы ну-тром ощущаем трудности существования меньшинств, и в особенности трудности диаспоры. Ведь в результате мирных договоров XX века 3,5 миллиона венгров оказались в соседних странах. Для нас также насущным вопросом является возможность обучения в школах на родном языке, использование родного языка в ведомствах и в судах, и в целом вопрос пропорциональности знания, преподавания, применения языка меньшинства и государственного языка большинства.

Каждый финно-угорский народ, сталкивающийся с такими же проблемами, может рассчитывать на наше особое сочувствие. Наши усилия, направленные на признание прав меньшинств в ЕС в качестве коллективных прав, могут послужить и на их благо.

Преобладающая часть финно-угорских народов Российской Федерации живет в самостоятельных образованиях, названных так же, как и древние земли. Однако так называемые титульные народы везде представляют меньшинство. И тем не менее в интересах самосохранения они должны уметь пользоваться юридическими возможностями, обеспечиваемыми государственными структурами, и, будучи меньшинствами, также всеми правами, предоставляемыми меньшинствам.

Традиционно интерес к малым финно-угорским народам проявляли языковеды и этнографы. Мы также искали своих языковых родственников и предков. Такая направленность финно-угорских исследований, разумеется, и впредь останется актуальной, особенно же сейчас, когда мы находимся на рубеже смены культур. Достойна всяческого уважения интеллигенция малых народов, и нужно воздать должное всем, кто собирает и публикует этот материал.

Хочется вспомнить и венгра, Антала Регули, ученого, знатока языка хантов и манси, собирателя фольклора, скончавшегося 150 лет тому назад. Он создал первую карту Северного Урала. В середине XIX века им была издана на английском языке книга о финно-угорских народах.

Но сегодня уже мало просто проявлять интерес к фольклору, хотя, подчеркиваю, это тоже крайне необходимо. Будущее меньшинства и соблюдение прав меньшинств гарантируются не тем, что существуют фольклорные ансамбли и проводятся посвященные традициям фестивали, а тем, что существуют учреждения, без которых меньшинство просто не может существовать.

Мир хочет сохранить культурное многообразие, поскольку это истинная ценность.

ный язык для того, чтобы представители малых народов не были вытеснены на обочину того пути, по которому следует большинство. И ничего не может быть хуже, чем если кто-то не овладевает по-настоящему ни родным языком, ни языком большинства, как это часто случается с сыновьями малых народов, приезжающими в города.

Нужно, чтобы представители малых народов, которые занимают важные технические, административные, политические должности, говорили на своем родном языке и публично, и при исполнении своих служебных обязанностей. От них зависит, смогут ли финно-угорские языки сыграть роль региональных государственных языков. Не отказываться от своего языка — значит сознательно, публично не отказываться от своей идентичности, и это больше, чем использовать свой язык только на своих праздниках и только в узком кругу.

Надеюсь, что Всемирный конгресс обсудит эти проблемы и внесет свою лепту в дело сохранения родного языка.

Приветствую также и то, что наряду с сохранением традиций оживились исследования в области социологии, здравоохранения и экономики финно-угорских народов. В связи с экономическим положением и экономическими перспективами малых народов следует отметить, что традиционный уклад этих народов исчез не только под влиянием индустриализации, но и под давлением экологической катастрофы, к которой привела безжалостная индустриализация. Только 5-10% территории Ханты-Мансийского автономного округа ситуацию можно считать удовлетворительной. Уничтожены миллионы гектаров земель, на которых паслись северные олени, из-за загрязнения вод сократились рыбные ресурсы, уничтожена дичь. Население болеет от повышенной радиоактивности.

Миру угрожает катастрофа, если хозяйственная деятельность не станет экологически чистой. Для финно-угорских народов современные, но не чуждые природе формы хозяйственной жизни на их территориях могут быть равнозначными выживанию, сохранению культуры и приспособлению к современному образу жизни. Нельзя забывать о том, что решение глобальных вопросов и

сохранение ценностей малых народов могут и должны взаимно дополнять друг друга.

Всемирные финно-угорские конгрессы обращают внимание мира на наши народы. Я желаю вам, чтобы и вы способствовали тому, чтобы наши родичи гордились своими ценностями, чтобы они знали себе цену и боролись за свое будущее. Конгресс в этом может оказать профессиональную и политическую помощь. Но речь отнюдь не о том, что между самостоятельными финно-угорскими государствами и малыми народами желательны односторонние отношения, то есть отношения, ограничивающиеся оказанием помощи.

Нынешняя встреча — встреча всех финно-угорских народов. Я уже упомянул здесь некоторые наши проблемы. А что касается будущего, то наряду с тяжелыми проблемами наших малых народов я хочу несколько слов посвятить взаимности. Крайне необходимо, чтобы весь финно-угорский мир получал информацию о положении каждого народа. Мы сами должны этому способствовать. Именно поэтому Венгрия поддерживает идею создания Collegium Fenno-Ugricum и стремится добиться поддержки Европейского Союза. Этот институт при одновременном использовании возможностей, обеспечиваемых мировой сетью, и традиционных методов, сможет объединить все результаты финно-угорских наук и достижения финно-угорских общественных движений, обеспечить доступ к результатам, поможет в разработке средне- и долгосрочных программ и их осуществлении. В рамках этого института по венгерской инициативе уже выпущены небольшие монографии одинакового формата о многих финно-угорских народах, живущих в России, на русском языке и на языке данного народа. Я выражаю свою признательность руководству и специалистам финно-угорских республик, принимавшим участие в этой программе.

Мы, со своей стороны, сделаем все возможное в интересах того, чтобы венгры всегда присутствовали там, где живут близкие нам народы. Наряду с культурными программами желательным считаем и экономическое присутствие. Мы ежегодно предоставляем финно-угорским студентам 10 стипендий, позволяющих им обучаться в любом венгерском вузе. Не менее важными считаем и связи в гражданской сфере, то есть связи между городами-побратимами, между музеями. И наконец, позвольте мне выразить надежду на то, что все резолюции Всемирного финно-угорского конгресса будут выполнены. Мы сделаем для этого все возможное.

Уважаемые участники конгресса! Согласно традиции, по просьбе консультативной комиссии я рад заявить, что в 2012 году Венгрия берет на себя проведение VI Всемирного финно-угорского конгресса.

Желаю успешной работы конгрессу и не менее успешных программ международному финно-угорскому движению!

Выступление Президента Эстонской Республики господина Тоомаса Хендрика Ильвеса

Никто не бывает настолько умным, чтобы спланировать развитие какого-либо общества так детально, чтобы никогда уже не пришлось изменять его. Правда, в истории неоднократно делались попытки такого планирования. Всегда безуспешно, но, видимо, такие же попытки будут предприняты и в дальнейшем.

Хороший план тот, прочность и верность курса которого ежедневно проверяется; который открыт критике и изменениям. По такому принципу действуют свободные и демократические общества, где избранник народа должен повседневно спрашивать у своего избирателя — правильно ли я поступаю, в правильном ли направлении иду, понятно ли ему и удовлетворяет ли его это решение. Соблюдение этого принципа придает чувство уверенности как малым сообществам из национального государства, так и большим международным сообществам.

Повседневная проверка своих целей полезна также для финно-угорского мирового сообщества. Пусть вопросы могут показаться неприятными, а ответы противными. Но без внутреннего контроля будет еще хуже.

Не ждите от меня в этой речи готовых ответов на

все вопросы и ответов за все финно-угорские народы. У меня свои личные ответы, свои убеждения, свой вкус. Наши совместные ответы рождаются только в совместной деятельности.

Итак, что является великой идеей финно-угорской совместной деятельности? Достаточно ли для алтарной живописи только языков и уже когда-то в давности нарисованной картины языкового древа о родстве народов? Достаточно ли этого для закрепления веры и упрочения самопознания всем и повсюду? Может ли это быть источником бесконечной гордости?

Действительно, неизвестно, чтобы наряду с финно-уграми отмечали бы свои всемирные дни языка народы индоевропейской, тюркской или иной семьи языков. Это замечательная особенность финно-угров.

Язык, сохранение и развитие языков действительно очень важны. Но это может хорошо удасться, если имеет место не узко филологическое и в виде «гарнира» этнографическое увлечение, а пронизывающая общество, то есть политическая, тема.

Три крупнейших финно-угорских народа испытали

...Неизвестно, чтобы наряду с финно-уграми отмечали бы свои всемирные дни языка народы индоевропейской, тюркской или иной семьи языков. Это замечательная особенность финно-угров.

должности.

Здесь, на Ханты-Мансийской земле, которая остается по обе стороны восточной географической границы Европы, даже немного чудно говорить о Европе, Европейском Союзе и европейских ценностях. Но, тем не менее, свобода и демократия — это универсальные ценности, которые не знают государственных границ.

Европейское понимание множественности как ценности распространяется и должно распространяться повсюду. Каждый индивид, национальная группа и культура являются частью глобального равновесия, равновесия экосистемы, если угодно. Если кого-то, пусть он даже совсем маленький, вынуть, потерять или вычеркнуть из системы, никому неизвестно, какую катастрофу это повлечет за собой где-то в другом месте.

Как известно, взмах крыла бабочки может вызвать ураган. Финно-угры могут среди всего человечества быть действительно маленькими бабочками, но дело всего человеческого общества — следить, чтобы эти бабочки в ненужное время и в ненужном месте не произвели взмахов своими крылышками. Таких взмахов, которые могут стать роковыми для тех, кто гораздо большего размера, чем бабочки.

У пишущего на французском языке чешского писателя Милана Кундера есть эссе под названием на немецком языке «Die Weltliteratur», в котором он, в частности, отмечает: «Малые народы отличает от больших не количественный критерий численности их населения, а нечто более глубокое. Для малых народов существование не является само собой разумеющимся, бесспорным фактом, а постоянным вопросом, пари, риском; они всегда занимают оборонительную позицию лицом к лицу с Историей, которая является силой, мощнее их, которая с ними не считается и даже не замечает их».

Кундера ставит также вопрос об исландских сагах и призывает нас поразмышлять о гипотетической ситуации,

если бы эти саги были написаны на английском, а не на исландском языке, на котором говорят более 300 тысяч человек.

«Имена этих героев были бы знакомы нам так же, как Тристан или Дон Кихот; их эстетическое своеобразие, промежуточное между хроникой и вымыслами, спровоцировало бы любые теории; люди спорили бы о том, не считать ли именно их первыми европейскими романами».

Более того, как утверждает Кундера, они оказали бы влияние на всю современную классику. Но этого не произошло, поскольку говорящих на исландском языке так мало. Не значит ли это, что эти саги менее ценны? Что в пантеоне великих достижений человеческого созидания им было бы отведено менее важное место, чем творчеству больших народов? Напротив — даже самые малые народы способны создавать величайшую литературу.

Именно поэтому защита экосистемы народов и культур относится к числу главных обязанностей человечества, именно поэтому Европейский Союз и занимается этой темой.

В Европейском Союзе прекрасно понята необходимость глобального равновесия. Именно там финно-угорский вопрос получил мощный международный выход. Финно-угорский вопрос стал неотъемлемым пунктом повестки дня партнерских разговоров Евросоюза и России. Недавно Европейский парламент выделил 2,5 миллиона (!) евро на поддержку коренных народов в России.

Европейский Союз и его члены явились тем двигателем, который подтолкнул гармонизацию защиты прав меньшинств в Европе. И теперь можно спросить, могла ли финно-угорская тема стать пунктом повестки дня европейской политики, если бы в этом Союзе не было Венгрии, Финляндии и Эстонии? Едва ли. Здесь будет и ответ на вопрос, почему европейские ценности принесут пользу и восточной части Урала.

На финно-угорском поприще происходит многое, и в эти дни здесь давали и будут давать всесторонний отчет о происходящем. Прежде всего, это возможность правительств и ведомств, а также добровольных объединений и каждого гражданина.

Я не буду кого-то лишать радости самому говорить о том, что он сделал достойного одобрения и намерен сделать в дальнейшем. Однако хочу подчеркнуть, что чем разнообразнее основная идея нашей совместной деятельности, чем крепче она стоит на общих базовых ценностях, тем увереннее финно-угорская телега катится в верном направлении.

Для начала свобода и демократия в качестве европейских базовых ценностей будут совсем неплохи. И, откровенно говоря, никакой другой альтернативы ведь нет.

это на себе. В Европейском Союзе, в этом трансгосударственном сообществе, в которое входят Эстония, Финляндия и Венгрия, множественность языков, защита языков и обеспечение возможностей их применения были абсолютно на всех официальных уровнях и останутся в будущем политической темой, за рассмотрением которой все народы бдительно следят.

Эстонскому, финскому и венгерскому языку зонт Евросоюза предложил новые гарантии, которых у них никогда раньше в истории не было. Ни на одном другом континенте языковое обилие так не рассматривается и гарантий не предлагают.

Таким образом, можно спросить: как взять все финно-угорские языки под защиту Европейского Союза, чтобы обеспечить им сохранность и развитие?

Вышесказанным я уже провел черту между финно-угорскими народами — теми, кто уже находится в Евросоюзе, и теми остальными, которых там еще нет. Вопрос различия является важным. Делаем ли мы какие-то различия между угро-финнами или нет? Вхождение государствами в состав ЕС можно рассматривать как формальный признак, но это не является оценочным.

Однако существуют и опасные эмоциональные, оценочные отличия, которые могут не принести пользы совместной деятельности.

Будем ли и можем ли мы вообще классифицировать свои народы на развитые и неразвитые? Делить на больших и маленьких братьев? На исконных и не исконных? Народы с письменной культурой и без нее?

Это расплывчатая шкала, использование которой никуда не приведет, может, улучшить чье-то самочувствие и в то же время испортит самочувствие кого-то другого. Одному предоставит как бы больше прав и обязанностей, а другого освободит от ответственности.

Возьмем хотя бы исконность. Как эстонцы, так и финны считают себя на своей земле очень даже коренным населением, эстонский народ, по утверждениям ученых, пашет поля на побережье Балтийского моря около 5 тысяч лет.

Тем не менее в международном обиходе мы не считаемся коренным народом. Когда в роскошных дворцах надушенные и при галстуках господа начинают говорить о заботах «коренных народов», мне всегда кажется, что это не совсем искренне. Такое ощущение, будто единственная мысль разговора — заполучить к концу вечера интересных, в этнографических костюмах развлекателей.

Свобода и демократия были нашим выбором 150 лет назад, когда о государственной независимости даже поэты еще не мечтали.

Для малых народов существование не является само собой разумеющимся, бесспорным фактом, а постоянным вопросом, пари,

И фраза «ценить исконные культуры» является как раз тем политическим покровным щитом, который должен обеспечить успех рынка для этой отрасли развлекательной индустрии. Или запоздалое извинение и симулирование деятельности для искупления давних ошибок или даже преступлений.

В то же время, если какой-то народ, еще не реализовавший себя государством, возвестит о своей исконности как единственно достойном значении свойстве, он сообщит современному миру, что другие должны нести за него ответственность. Вероятно, за совершенную в истории несправедливость, ибо почти всегда к такому самовозвещению прикрепляется и ярлык с ценой.

Если же мы не будем делать различий, проводить между своими искусственные или эмоциональные границы, тогда совместная деятельность перейдет на прочную основу, общие ценности. Венгры, финны и эстонцы выбрали так называемые европейские ценности, которые выражаются в наши дни в использовании либеральной демократии для содержания своего общества в порядке.

Давайте спросим: обязательно ли предполагал этот выбор наличие независимой государственности? Вовсе нет. Когда эти общества решили быть европейцами, у них не было своих государств, да и Европа была по сравнению с нынешней совсем другой.

Однако свобода и демократия являются хорошими правилами игры и в негосударственных структурах. Свобода и демократия были нашим выбором 150 лет назад, когда о государственной независимости даже поэты еще не мечтали.

У многих финно-угорских народов этот выбор еще не сделан. В виде небольшого отступления здесь существенно заметить, и это особенно видно на примере Эстонии, что если однажды вкусил свободу, то поймешь, сколько нужно отдать во имя выживания или просто чтобы справиться со всем.

Критики Евросоюза говорят, что Эстония вместе с Финляндией и Венгрией отдала часть своего суверенитета, независимого и свободного права принятия решений. Однако через языковые и культурные гарантии мы каждый день это отданное получаем с лихвой.

Именно через Евросоюз для финно-угорских языков созданы впервые в истории по-настоящему глобальный размах. Наш язык звучит в залах заседания Европейского парламента в Брюсселе и Страсбурге, как я и сам неоднократно испытывал, находясь в своей прежней

резолуция V всемирного конгресса финно-угорских народов

В Декларации об основных принципах, целях и задачах сотрудничества финно-угорских народов мира I Всемирный конгресс финно-угорских народов (Сыктывкар, 1992), осознавая ответственность за развитие своих народов, заявил о своих будущих целях и задачах. Последующие годы показали актуальность и конструктивность выбранного курса. Прошедшие три конгресса (Будапешт, 1996; Хельсинки, 2000; Таллинн, 2004) подтвердили, что нашей главной задачей являются сохранение и развитие финно-угорских и самодийских народов и их культур как части достояния всего человечества. О значимости финно-угорского сотрудничества свидетельствует участие в конгрессе президентов Венгрии, Российской Федерации, Финляндии и Эстонии.

Конгресс подтверждает, что защита прав человека, коренных народов и национальных меньшинств является вопросом не только внутренней политики стран, но и всего международного сообщества. Поэтому важно, наряду с включением международных стандартов прав человека и прав национальных меньшинств в национальное законодательство, использовать механизмы международно-правовых инструментов, не требующих ратификации государствами и обладающих прямой юридической силой.

Огромным достижением в области защиты прав

человека и коренных народов является принятие Генеральной Ассамблеей ООН 13 сентября 2007 года Декларации прав коренных народов, которая готовилась международным сообществом совместно с коренными народами более 20 лет. Свой вклад в подготовку этого исторического документа внес и Консультативный комитет финно-угорских народов, участвуя с 1993 года в работе ежегодных сессий Рабочей группы ООН по коренному населению (Женева) и с 1996 года в составе Рабочей группы ООН по доработке проекта Декларации прав коренных народов (Женева).

Очень важным при решении этих задач является международное сотрудничество, в первую очередь общеевропейское сотрудничество. Финно-угорские народы обогащают культурную палитру Европы и содействуют культурному диалогу между Российской Федерацией и Европейским Союзом.

Неправительственные организации, в том числе национальные организации финно-угорских и самодийских народов, становятся одним из важных факторов формирования гражданского общества в наших странах.

В то же время, несмотря на многие позитивные перемены в последние годы, происходит сокращение численности большинства финно-угорских народов, в том числе за счет смены идентичности под влиянием внешней

среды.

Исходя из сложившейся ситуации, Конгресс считает необходимым принятие следующих мер:

В области этнополитики и права:

1. Конгресс обращается к Комиссару по правам человека Совета Европы с ходатайством о создании постоянного форума по вопросам коренных народов и национальных меньшинств Европы.

2. Конгресс поручает Консультативному комитету продолжить выступать в роли координатора по мониторингу выполнения международных обязательств по

водить исследования в укрупненных регионах Российской Федерации (Пермский и Красноярский края) об этническом самочувствии и социальном положении проживающих в них финно-угорских и самодийских народов.

8. Конгресс осуждает любые проявления расизма и ксенофобии.

В области языковых прав и образования:

1. Конгресс подчеркивает, что реализация языковых прав финно-угорских и самодийских народов должна основываться на международных нормах, включая Европейскую хартию о защите региональных языков и языков

защите прав человека, коренных народов и национальных меньшинств в странах проживания финно-угорских и самодийских народов.

3. Конгресс призывает страны проживания коренных народов совершенствовать законодательство, опираясь на положения Декларации ООН о правах коренных народов.

4. Консультативному комитету необходимо стремиться к поддержке национальных общественных движений и объединений как активных и конструктивных элементов гражданского общества наших стран.

5. Конгресс поручает Консультативному комитету организовать на постоянной основе сотрудничество с международными организациями, занимающимися правами человека, национальных меньшинств и коренных народов, регулярно информировать национальные организации финно-угорских и самодийских народов о деятельности данных структур.

6. Конгресс обращается к парламентам стран с предложением о выработке правовых механизмов, обеспечивающих достойное представительство коренных народов и национальных меньшинств в выборных органах власти и их участие в работе исполнительных органов власти на разных уровнях.

7. Конгресс поручает Консультативному комитету про-

меньшинств, и призывает государства, еще не ратифицировавшие указанный документ, сделать это возможно скорее.

2. Конгресс признателен парламентам и правительствам Венгрии, Российской Федерации, Финляндии, Эстонии и других государств, в которых традиционно проживают финно-угорские и самодийские народы, за поддержку на государственном уровне языков и культур финно-угорских и самодийских народов и призывает продолжать и развивать сотрудничество в данной сфере.

3. Конгресс призывает органы государственной власти создавать условия для формирования реального двуязычия с использованием при обучении детей финно-угорским и самодийским языкам современных информационных и образовательных технологий, а также содействовать расширению контактов между школами регионов и стран проживания финно-угорских и самодийских народов.

4. Конгресс поддерживает деятельность по подготовке кадров и повышению квалификации для финно-угорских и самодийских регионов, в соответствии с межправительственными соглашениями, ведущими образовательными центрами Венгрии, Российской Федерации, Финляндии, Эстонии и подчеркивает, что особое внимание при этом должно уделяться эффективности использова-

ния потенциала подготовленных национальных кадров.

5. Конгресс выражает обеспокоенность продолжающимся снижением уровня владения родными языками финно-угорскими и самодийскими меньшинствами и сокращением их преподавания в системе школьного образования.

Конгресс призывает:

общественные организации и движения финно-угорских и самодийских народов

1. Конгресс приветствует регулярное проведение в Венгрии, Российской Федерации, Финляндии и Эстонии международных фольклорных, этнофутуристических и театральных фестивалей, в том числе для детей и молодежи, а также дней родственных народов, празднования юбилейных дат и рекомендует проведение их в дальнейшем.

2. Конгресс приветствует создание финно-угорского культурного центра Российской Федерации в

— проявлять инициативу по созданию системы работы с семьей, основываясь на традициях этнопедагогики,
— формировать позитивное общественное мнение по использованию родного языка в семье;

органы власти

— создавать условия для реализации права каждого человека на изучение и использование родного языка,
— развивать сеть школ с обучением на родном языке или преподаванием его как предмета, а также изучением истории и культуры финно-угорских и самодийских народов.

6. Конгресс выражает озабоченность закрытием так называемых малокомплектных школ в регионах проживания национальных меньшинств, особенно в местах проживания малочисленных народов.

7. Конгресс поручает Консультативному комитету изучать опыт ревитализации языков финно-угорских и самодийских меньшинств методом так называемого языкового гнезда, т. е. организации дошкольных групп в детских садах, воспитательный процесс в которых проводится на финно-угорских или самодийских языках, и способствовать его распространению.

8. Конгресс считает необходимым активизировать работу по развитию терминологии на языках финно-угорских и самодийских народов.

В области культуры:

Сыктывкаре и Поволжского межрегионального финно-угорского культурного центра в Саранске и призывает другие страны создавать учреждения для сотрудничества с ними.

3. Конгресс обращает внимание на важность развития книгоиздания на языках финно-угорских и самодийских меньшинств, переводов произведений на эти языки, а также переводов мировой классики на финно-угорские и самодийские языки.

4. Конгресс призывает правительства стран с проживанием финно-угорских и самодийских народов оказывать содействие учреждениям науки, культуры и образования по переводу архивных материалов на цифровые носители и обеспечению доступа к ним.

5. Конгресс считает необходимыми сохранение и развитие традиционной культуры и форм хозяйственной деятельности.

6. Конгресс считает необходимым способствовать развитию этнокультурного туризма в финно-угорских регионах и странах.

В области СМИ и информационных систем:

1. Конгресс поддерживает издание газеты Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации, деятельность информационных сайтов Консультативного

комитета и финно-угорских центров, организацию электронной библиотеки на языках финно-угорских и самодийских народов и поручает Консультативному комитету активизировать работу по обмену информацией с целью организации и функционирования единого информационного пространства по проблемам экологии, здравоохранения, образования и культуры финно-угорских и самодийских народов.

2. Конгресс призывает государственные структуры

влияния на него факторов окружающей среды, исследований в области изменения климата и по обмену информацией в данной сфере, а также проблемам семьи, материнства и детства финно-угорских и самодийских народов.

2. Конгресс поддерживает регулярное проведение международных конференций по проблемам сохранения окружающей среды, демографии и здоровья и издание научного журнала по этим проблемам.

3. Конгресс обращается к правительствам стран с

обеспечивать развитие современных СМИ на языках финно-угорских и самодийских меньшинств, освещающих все области жизни и доступных максимально широкой аудитории.

3. Конгресс поручает Консультативному комитету оказать содействие в реализации предложений по возможному внедрению языков финно-угорских народов в широко распространенное программное обеспечение компьютерных систем.

4. Конгресс, в целях ослабления последствий территориальной разобщенности в информационной среде финно-угорских и самодийских народов, поручает Консультативному комитету содействовать созданию в Интернете архива радио- и телепрограмм на родных языках, а также широкому использованию современных технологий в укреплении коммуникационных связей как внутри этнических сообществ, так и между финно-угорскими и самодийскими народами.

5. Конгресс призывает усилить внимание к выпуску детской литературы и детских периодических изданий на языках финно-угорских и самодийских народов.

В области демографии, здравоохранения и экологии:

1. Конгресс поддерживает продолжение научных исследований состояния здоровья населения в регионах проживания финно-угорских и самодийских народов,

предложением проводить ежегодный статистический учет социально-экономических и демографических показателей по малочисленным народам и этническим группам.

Конгресс рекомендует Консультативному комитету организовать в 2010 году международную конференцию для анализа промежуточных результатов выполнения резолюции и рекомендаций настоящего Конгресса, с широким освещением ее итогов в средствах массовой информации.

Конгресс поручает Консультативному комитету рассмотреть обращения, замечания и предложения, поступившие в адрес Конгресса.

Конгресс выражает благодарность оргкомитетам Российской Федерации и Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по подготовке и проведению V Всемирного конгресса финно-угорских народов за прекрасное обеспечение условий работы Всемирного конгресса.

*Ханты-Мансийск,
30 июня 2008 года*

всемирные конгрессы финно-угорских народов как фактор единения и конфликтности

К ИТОГАМ V ВСЕМИРНОГО КОНГРЕССА ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

В. Ф. Кирдяшов,
кандидат философских наук, профессор кафедры
регионоведения и политологии Мордовского
государственного университета им. Н. П. Огарева
(г. Саранск, Мордовия)

Конец XX в. стал для финно-угорских народов (ФУН) очень плодотворным периодом духовного объединения и общественно-политической консолидации. Ключевыми в ряду важнейших событий явились конгрессы финно-угорских народов.

Всемирный конгресс финно-угорских народов — представительный форум финно-угорских и самодийских языков, независимый от правительств и политических партий. В своей деятельности он опирается на Декларацию о сотрудничестве финно-угорских народов мира. Через свой исполнительный орган — Консультативный комитет финно-угорских народов — конгресс представлен в рабочих группах ООН по коренным народам. Цели форума — развитие национального самосознания ФУН, развитие и защита их культур и языков, обсуждение актуальных проблем и поиск их решения. По регламенту конгресс созывается один раз в четыре года. Местом его проведения уже становились Сыктывкар (1992), Будапешт (1996), Хельсинки (2000), Таллинн (2004), Ханты-Мансийск (2008).

Всемирный конгресс как особый институт волеизъявления близких по духу народов за 16 лет своей деятельности не только прошел проверку временем, но и укрепил свой авторитет и влияние как на международном уровне, так и в государствах, в которых проживают финно-угры. И если на I конгрессе присутствовало 16 делегаций, то на последующих — больше 20. Отметим также, что растет и число представленных государств.

Как известно, ФУН исторически расселились на весьма обширной территории, на больших расстояниях друг

от друга. Их прошлое и настоящее неодинаковы. Поскольку территории между местами проживания финно-угорских народов населены многими другими народами, их общение между собой было затруднено, в результате чего было потеряно многое из того общего, что имели эти народы. Но уже с середины XIX в. связующим звеном ФУН стало финно-угорское языкознание. На этой основе (изучения языкового родства) постепенно налаживались взаимоотношения ФУН и по многим другим направлениям. В 20-е гг. XX в. начались серьезные контакты представителей ФУН в области культуры. Первый конгресс по вопросам культуры был проведен в 1921 г. в столице Финляндии Хельсинки. Третий подобный форум, состоявшийся в 1928 г. в Венгрии, собрал 600 делегатов, прибывших в основном из Финляндии специальным поездом дружбы.

Международные конференции финно-угроведов регулярно стали проводиться с 60-х гг. прошлого века. Они явились важным форумом ученых Венгрии, СССР, Финляндии и способствовали как расширению взаимодействия между финно-угорскими народами, так и углублению знаний окружающего мира об этих народах и местах их проживания, об осуществляемом ими сотрудничестве и имеющихся у них проблемах.

Вследствие всеохватывающих общественно-политических перемен, происходивших в мире в начале 90-х гг., с новой силой была сформулирована потребность в международном сотрудничестве финно-угорских народов. Этому процессу в немалой степени способствовали демократические преобразования в России, фор-

© В. Ф. Кирдяшов, 2008

мирование гражданского общества. Перемены привели к усилению национального самосознания ФУН и активизации деятельности национальных движений. В результате вновь актуализировались идеи солидарности братских народов. Состоявшийся в 1992 г. I Всемирный конгресс ФУН оправдал возлагавшиеся на него надежды. Именно в Сыктывкаре народы более активно стали искать пути сохранения и углубления связей и общих традиций, в первую очередь в сфере образования, науки и культуры.

На II Всемирном конгрессе, прошедшем в 1996 г. в Будапеште, определился круг задач, связанных с политическим и правовым статусом самобытных финно-угорских народов, проживающих в меньшинстве, а также задач по сохранению их национальной культуры, языка, самоидентичности. Более 600 делегатов конгресса в 7 секциях («Политика», «Экономика», «Культура», «Масс-медиа и информатика», «Здравоохранение», «Демография», «Молодежная») обсуждали эти проблемы.

III Всемирный конгресс финно-угорских народов, состоявшийся в Хельсинки в 2000 г., проходил под девизом «Финно-угорский мир в третьем тысячелетии — перспективы развития». Он открыл новые горизонты для участия ФУН в культурной, политической, экономической интеграции в XXI столетии, их сотрудничества в области национального самоутверждения, сохранения и развития языков, традиций.

На пленарном заседании конгресса выступили президенты Венгрии (Ференц Мадл), Финляндии (Тарья Халонен), Эстонии (Леннарт Мери). Приветственное послание было получено от Президента РФ В. В. Путина.

Т. Халонен на открытии III Всемирного конгресса ФУН подчеркнула важность рассмотрения на форуме таких остающихся актуальными тем, «как сохранение и возрождение собственного языка и культуры, а также вопросов, относящихся к правам коренных и малочисленных народов»¹.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем приветственном послании конгрессу отметил следующее: «На фоне стремительной глобализации для многих народов очень важно осознать свое место в истории цивилизации, оценить перспективы развития национальной культуры. Здесь, в Хельсинки, собрались представители государственной власти, научной и творческой интеллигенции, те, кого волнует судьба самобытной культуры, традиций и языка финно-угров... Уверен, что ваш конгресс станет еще одним шагом на пути их успешного решения, послужит делу духовного объединения родственных народов»².

В резолюции III Всемирного конгресса ФУН была дана оценка результатов прошедших форумов:

— «финно-угорский мир стал за это время реальным фактором, консолидирующим наши народы и все более конструктивно заявляющим о себе в отношениях между государствами;

— развитие всесторонних связей привело к сближе-

нию финно-угорских народов, что особенно ярко проявляется в духовной сфере — культуре, образовании, науке, происходит более глубокое осознание того общего, что связывает наши народы;

— наши народы приобретают опыт решения жизненно важных вопросов самоопределения в диалоге и при участии заинтересованных структур, как государственных, так и неправительственных;

— предметом особого внимания стали процессы возрождения и развития культур и языков, национального самосознания финно-угорских народов; расширяются системы национального образования, развиваются средства массовой информации, возрастает число финно-угорских языков, пользующихся законодательной защитой;

— Консультативный комитет финно-угорских народов стал координирующим центром финно-угорского сообщества; он сумел создать разветвленную систему связей с различными государственными и неправительственными организациями, позволяющую, в частности, осуществлять защиту прав коренных народов и языковых меньшинств с помощью международных структур. Общемировые и общеевропейские тенденции в целом положительны для реализации прав коренных народов и национальных меньшинств. Здесь следует выделить региональные инструменты — Рамочную конвенцию о защите прав национальных меньшинств (1992 г.), Хартию Совета Европы о региональных языках и языках национальных меньшинств (Страсбург, 1992 г.), Конвенцию № 169 Международной организации труда. Конгресс призывает все государства, где традиционно живут финно-угорские народы, ратифицировать эти документы.

Вместе с тем за последние годы в ряде регионов проживания финно-угорских народов наблюдается ухудшение социально-экономического положения, что отрицательно отражается на общем состоянии, воспроизводстве и саморазвитии этих народов. Острыми являются проблемы демографии. Из-за неблагоприятных процессов (ассимиляция, отрицательный естественный прирост населения и др.) численность некоторых народов сокращается.

Нуждаются в дальнейшей заботе сохранение и развитие языков финно-угорских народов. Народ, теряющий свой язык, рано или поздно вливается в доминирующую культурную среду. Сегодня практически нет таких финно-угорских диаспор, которые были бы в состоянии развивать и модернизировать культуру только на своей основе, в отрыве от национального ядра на этнической родине»³.

IV Всемирный конгресс ФУН состоялся 15—19 августа 2004 г. в Таллинне. На нем была представлена 21 финно-угорская организация, уполномочившая 303 делегатов, кроме того, зарегистрировались 305 наблюдателей и 22 приглашенных гостя — всего 630 чел. Три народа (бесермяне, воедь, коми-язвинцы) были представлены наблюдателями. Своих делегатов прислали 11 государств: Россия, Финляндия, Венгрия, Швеция, Норвегия, Латвия, Словакия, Канада, Румыния, Украина и Эстония. Наибольшее количество участников было из России: 458 чел., в том числе 212 делегатов.

Конгресс проходил под девизом «Молодежь — наше будущее»; перед его началом прошло заседание Молодежной ассоциации финно-угорских народов.

Со словами приветствия на форуме выступили Президент Эстонской Республики Арнольд Рюйтель, Президент Финляндской Республики Тарья Халонен, Президент Венгерской Республики Ференц Мадл, глава делегации Российской Федерации заместитель министра культуры и массовых коммуникаций Леонид Надилов. Приветственное послание было получено от Президента Российской Федерации В. В. Путина.

Открывая IV Всемирный конгресс, Арнольд Рюйтель подчеркнул, что в центре внимания форума находится молодежь. «Молодежь формирует и определяет будущее каждого народа, молодой человек должен воспринимать мир широко открытыми глазами и распахнутым сердцем, ощущать себя его частицей на международном уровне. При этом ему нельзя упускать из виду жизненный опыт прошлых поколений и мудрость предков. Для устойчивого развития культуры жизненно необходимы как верность традициям, так и стремление к новизне. Культура живет и развивается в условиях гармоничного сосуществования обеих этих тенденций.

Финно-угорские народы обогащают мир своими уникальными языками и культурой. Открывающийся конгресс призван осмыслить жизненно важные проблемы наших народов, рассказать о них мировой общественности и совместными усилиями определить пути дальнейшего движения. Чтобы добиться этого, необходимо не только продолжать сотрудничество, но и укреплять дружбу, находить союзников»⁴.

В приветственном слове В. В. Путина говорилось: «Вот уже несколько лет ваш форум собирает представительные делегации из разных стран мира, авторитетных политиков и предпринимателей, деятелей культуры и науки. В его повестке — вопросы сохранения уникального исторического и духовного наследия, самобытных языковых традиций финно-угорских народов. Успешное решение этих задач во многом зависит от эффективной государственной политики, объединения усилий общественных организаций и реализации гражданских инициатив.

Уверен, что IV Всемирный конгресс финно-угорских народов откроет новые возможности для культурного диалога, плодотворного сотрудничества в гуманитарной сфере, осуществления перспективных совместных проектов»⁵.

В резолюции конгресса финно-угорских народов отмечено, что он считает главной задачей сохранение и развитие финно-угорских и самодийских народов, их языков и культур как части достояния всего человечества и осознает, что решение проблем ассимиляции и утраты национальной самобытности в основном зависит от политики государств и от отношения молодежи к своей культуре, языку, истории.

В связи с наблюдающимся в последнее время сокращением численности большинства финно-угорских и самодийских народов, сужением сферы применения их

языков конгресс считает необходимым принятие ряда мер.

В области этнополитики и права:

1. Конгресс поручает Консультативному комитету выступить в роли координатора по мониторингу выполнения международных обязательств по защите прав человека, коренных народов и национальных меньшинств в странах проживания финно-угорских и самодийских народов.

2. Конгресс поручает Консультативному комитету создать сеть молодежных информационно-правовых центров для изучения национальных законодательств и международных норм по защите прав человека, коренных народов и национальных меньшинств.

3. Конгресс выражает озабоченность процессами, ведущими к упразднению национальных автономных образований. Он поручает Консультативному комитету вести мониторинг последствий объединения Коми-Пермяцкого автономного округа с Пермской областью.

В области языковых прав и образования:

1. Конгресс считает, что права финно-угорских и самодийских народов должны основываться на международных нормах, включая Европейскую хартию о защите региональных языков и языков меньшинств, и призывает государства, не ратифицировавшие указанный документ, сделать это возможно скорее.

2. Конгресс поручает Консультативному комитету содействовать созданию базы данных о положительном опыте в образовательном и учебно-воспитательном процессе и внедрению такого опыта при обучении детей родным языкам с использованием современных образовательных технологий.

3. Конгресс выражает озабоченность практикой закрытия так называемых малокомплектных школ на территориях проживания финно-угорских меньшинств.

В других областях (культуры, демографии, здравоохранения и экологии, СМИ и информационных систем):

1. Конгресс рекомендует продолжать практику проведения международных фольклорных, этнофутуристических и театральных фестивалей, дней родственных народов; оказывать содействие книгоизданию.

2. Конгресс считает необходимым организовать международный обмен данными (включая проведение научных конференций и т. д.) по здоровью, проблемам сохранения окружающей среды, использования природных ресурсов и выработке соответствующих рекомендаций государственным органам.

3. Конгресс поручает Консультативному комитету активизировать работу по обмену информацией и развитию собственных СМИ и баз данных, в том числе электронных, для создания единого информационного пространства по проблемам экологии, здравоохранения, образования и культуры»⁶.

Последний на сегодняшний день V Всемирный конгресс финно-угорских народов состоялся в конце июня 2008 г. в Ханты-Мансийске, столице одноименного округа. На этом форуме участвовало более 600 делегатов и наблюдателей из 27 субъектов Российской Федерации и 11

зарубежных стран, в том числе депутаты Европарламента и представители международных организаций, а также главы российских регионов с компактным проживанием финно-угорских и самодийских народов. Особую весомость конгрессу придало то обстоятельство, что на нем присутствовали и выступили со словами приветствия президенты всех четырех крупных стран Европы, на территории которых проживает почти все финно-угорское население мира. Это — Президент Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Медведев, Президент Венгерской Республики Ласло Шойом, Президент Финляндской Республики Тарья Халонен, Президент Эстонской Республики Томас Хендрик Ильвес.

С особым интересом делегаты и гости форума ожидали выступление Президента Российской Федерации Д. А. Медведева. Зал с большим вниманием выслушал приветствие нашего президента, в котором он оценил проводимые финно-уграми конгрессы как свидетельство искреннего и глубокого желания сотрудничества и взаимопонимания. Из 24 финно-угорских и самодийских народов, отметил Д. А. Медведев, 19 проживают в России. Финно-угорские народы — историческая часть многонациональной, поликультурной страны, которую населяют более 160 народов. Поэтому российская национальная политика направлена на сохранение языков, культуры, традиций, идентичности всех народов, на межнациональный диалог, поликультурную и поликонфессиональную среду. Президент перечислил много позитивных сдвигов в развитии финно-угорских и самодийских народов, а также назвал негативные явления: уменьшение численности населения, проблемы рождаемости и смертности, экологии, знания языков и др.

Республика Мордовия неоднократно приводилась в речи Д. А. Медведева в качестве положительного примера как регион, где ведется плодотворная работа по сохранению национальных языков, традиций и культуры. Президент РФ высказал особую благодарность в адрес действующего в Саранске Поволжского центра культур финно-угорских народов и руководства Мордовии.

Большой интерес вызвало приветственное слово Президента Финляндии Тарьи Халонен. Поблагодарив организаторов конгресса за прекрасные условия для творческой деятельности, она напомнила аудитории, что Организация Объединенных Наций провозгласила в 2008 г. Международным годом языков, который проходит под девизом «Языки важны!». Цель тематического года — содействовать многоязычию, и в частности привлечь внимание к защите малых языков, находящихся под угрозой исчезновения. В этой связи Т. Халонен напомнила, что, например, Конституция Финляндии гарантирует малочисленному саамскому населению как коренному народу право сохранять и развивать свой язык и свою культуру. Особый акцент она сделала на таком важном международном документе, как «Белая книга» по межкультурному диалогу, принятая Советом Европы весной 2007 г. Этот документ доказывает, насколько существенное значение имеет межкультурный диалог, когда народы стремятся к пониманию и обеспечению жизнен-

ного пространства для культурного многообразия.

Важным инструментом, сдерживающим исчезновение малых народов и их языков, по мнению Президента Финляндии, является метод «языкового гнезда», который был разработан в начале 1980-х гг. в Новой Зеландии в целях спасения маорийского языка. Он заключается в том, что дети дошкольного возраста, принадлежащие к национальному меньшинству, воспитываются в «языковых гнездах» — специализированных детских садах, где с ними общаются только на национальном языке. Метод основан на присущих детям большом желании и способности к освоению языка. Этот метод финны используют ныне для оживления инарского варианта саамского языка, который находится под угрозой исчезновения, а также — через созданный в 2006 г. Культурный фонд Финляндии, запустивший финансовый проект, — для сохранения и спасения некоторых финно-угорских и самодийских языков России, находящихся под угрозой исчезновения.

Президент Венгерской Республики в своем выступлении отметил, что венгры вместе со всем финно-угорским миром уже более 15 лет находятся в поиске путей сохранения и развития финно-угорских народов. Процесс глобализации потребовал осмысления того, как не потеряться в культуре большого народа культуре малых народов. Главным в этой связи, по мнению Л. Шойома, является создание условий жизнеобеспечения малых народов: работа, достойная оплата труда, медицинское обслуживание, экология. Сохранение языков, традиционной культуры — тоже важная составляющая в жизни малых народов и этнических меньшинств. В этом деле велика роль школы, где преподаются языки меньшинств и приобретаются знания об истории, культуре своего народа.

Наконец, выступил еще один глава государства, где проживают финно-угры, — Президент Эстонской Республики Т. Х. Ильвес. Его речь можно оценивать двояко: с одной стороны, он довольно интересно изложил свое видение и понимание проблем развития языков и культур родственных финно-угорских и самодийских народов, с другой, — читая свое приветственное слово на английском, а не на эстонском языке, что было воспринято делегатами и гостями конгресса как неуважение к своему народу и финно-угорской аудитории, допустил ряд резких высказываний по поводу несоблюдения прав человека в России. Выступивший затем председатель Комитета Госдумы РФ по международным делам Константин Косачев дал ему отпор, обвинив официальный Таллинн в двойных стандартах по отношению к защите прав человека в Эстонии. Реакция эстонской делегации на это заявление выразилась в том, что она демонстративно покинула зал заседаний.

Несмотря на подобный демарш, в целом работа конгресса строилась на конструктивизме в поисках решения проблем, которых накопилось достаточно много.

На второй день по возвращении в Саранск в пресс-центре Дома печати состоялся брифинг, посвященный завершившемуся в Ханты-Мансийске V Всемирному конгрессу финно-угорских народов. В брифинге приняли участие председатель Госкомитета по национальной

политике РМ Александр Степанович Лузгин, министр культуры РМ Петр Николаевич Тултаев, директор Поволжского центра культур финно-угорских народов Юрий Александрович Мишанин, председатель Ассоциации финно-угорских народов России Михаил Васильевич Мосин, директор Саранской гимназии №19 Зинаида Ивановна Акимова, профессор МГПИ им. М. Е. Евсевьева Михаил Александрович Якунчев.

Все делегаты единодушно отметили полезность и необходимость состоявшегося форума. По мнению выступивших, наша делегация была не только самой многочисленной, но и самой активной. Ведомые Главой РМ Николаем Ивановичем Меркушкиным мордовские делегаты выступили как на пленарных заседаниях, так и на секциях. В работе редакционной комиссии активное участие приняли: от мордвы-мокши Василий Филиппович Кирдяшов, профессор кафедры регионоведения и политологии Мордовского госуниверситета им. Н. П. Огарева, от мордвы-эрзи Николай Иванович Ишуткин, главный редактор детского журнала «Чилисема».

А. С. Лузгин поделился с присутствовавшими на брифинге своими наблюдениями о том, что мордовская делегация на всем протяжении конгресса так или иначе оказывалась в центре всеобщего внимания. Многие гости из разных стран и регионов с удовольствием вспоминали прошлогодний фестиваль «Шум-брат, Финно-Угрия!». Наша республика неоднократно приводилась в качестве примера как регион, где ведется плодотворная работа по сохранению национальных языков, традиций, культуры. Президент РФ Д. А. Медведев высказал особую благодарность Мордовии за работу по сохранению и развитию национальных культур поволжских финно-угров. Он предложил перенести штаб-квартиру Международного финно-угорского консультативного комитета в нашу страну, и г. Саранск был назван в качестве его местопребывания на четырехлетний период.

З. И. Акимова в своем выступлении отметила, что по сравнению с предыдущими конгрессами российские финно-угры вели себя более активно, предлагая на обсуждение делегатов оригинальные идеи по сохранению и развитию культур родственных народов, нередко оппонировав представителям делегаций зарубежья.

П. Н. Тултаев подчеркнул, что присутствие нашей делегации было заметно как в деловой части конгресса, так и в неформальной обстановке. На торжественном приеме, устроенном Президентом РФ Д. А. Медведевым в честь делегаций конгресса, он пообщался с главой делегации Мордовии Н. И. Меркушкиным и другими делегатами. Президент Финляндии Тарья Халонен неустанно восхищалась, листая подарочный альбом, рассказывающий о прошлогоднем фестивале «Шумбрат, Финно-Угрия!», состоявшемся в Саранске. И вообще книжная продукция Мордовии пользовалась у делегатов конгресса огромным спросом. Петр Николаевич обратил внимание еще на один примечательный факт: открылся Всемирный конгресс видеофильмом о саранском фестивале, а завершился — этнодискотекой под песню о Саранске в исполнении Инны Учватовой, которой подпевали все

финно-угры.

Несколько подробнее остановимся на работе редакционной комиссии, членом которой был автор этих строк. В состав комиссии было избрано 22 чел. — представителя каждого финно-угорского и самодийского народа. В течение двух рабочих дней ее члены обсуждали проект резолюции V Всемирного конгресса финно-угорских народов, а также резолюции и предложения, поступившие от каждой секции и отдельных делегатов. Сразу отметим, что обсуждение шло довольно конструктивно, но были и случаи несовпадения позиций наших делегатов с позициями делегаций от Венгрии, Финляндии и особенно Эстонии. Причинами разногласий были как объективные факторы, так и субъективные.

Делегатами конгресса было внесено свыше 120 поправок, предложений, рекомендаций по обсуждаемому на секциях проблемам. Конечно, не все они вошли в итоговый документ, но редакционная комиссия поставила наиболее позитивные из них внести в его окончательный вариант.

Рассмотрим некоторые из поправок и предложений делегатов. Всего работало 5 секций: «Этнополитика и право», «Культура», «Язык и образование», «Медиа и СМИ», «Здоровье, демография и семья».

О том, насколько бурно шло обсуждение проблем ФУН, говорит тот факт, что менее половины записавшихся для выступления на секциях, смогли выступить со своими докладами. Надеемся, что выпуск материалов конгресса позволит специалистам и тем, кто интересуется финно-угорской проблематикой, найти ответы на многие вопросы финно-угристики.

Наибольшее число поправок и предложений, как и ожидалось, было высказано делегатами на секции «Язык и образование», что вполне логично, ибо этнос, этничность, этния — понятия прежде всего этнокультурные. Однако нельзя сказать, что работа в других секциях была менее плодотворной.

В целом работу редакционной комиссии V Всемирного конгресса финно-угорских народов можно охарактеризовать как конструктивную, плодотворную. Представители всех ФУН высказались по поводу проекта резолюции конгресса и тех замечаний и предложений, которые поступили от руководителей секций. В большинстве случаев был достигнут консенсус, но ряд положений резолюции и предложений от секций вызвал острую дискуссию. Это и понятно, ибо понимание и видение проблем ФУН представителями Венгрии, Финляндии и Эстонии, с одной стороны, и нашей страны — с другой, не всегда совпадали. Вышеперечисленные страны, как известно, в основном государства унитарные, где доминантным этносом по праву являются нации, именем которых и названы государства: венгры — Венгрия, финны — Финляндия, эстонцы — Эстония. Россия же представляет собой федеративное государство, в котором проживают около 200 народов, кроме того, все субъекты Федерации, без исключения, полиэтничны, поликультурны, поликонфессиональны, чего нет там. Конечно, и в

Венгрии, и в Финляндии, и в Эстонии есть национальные меньшинства, но их численность очень невелика. К тому же наша федерация допускает создание национально-государственных (национально-территориальных) и национально-культурных образований. В таких условиях требовать «одинаковости» непродуктивно, а порой и провокационно. Мы несколько по-другому понимаем суть понятий «гражданская нация» и «этническая нация». Для нас гражданская нация — это россияне, т. е. все мы, проживающие в России и являющиеся гражданами страны, — мордва, татары, удмурты, чувашаи, энцы и др., в отдельности составляющие этнические нации. Таким образом, гражданская нация — это все мы, около 200 больших и малых российских народов. Конечно, вопрос о том, насколько она сформирована, пока является дискуссионным. По мнению ряда ученых, предстоит еще длительный период ее формирования. Очевидно, здесь есть предмет для дискуссии, нельзя быть категоричным в своих суждениях, как это часто демонстрируют наши оппоненты из зарубежных стран.

Если сравнить проект резолюции V Всемирного конгресса финно-угорских народов и резолюцию, принятую делегатами конгресса в окончательном варианте, то можно заметить существенные отличия. Например, в области этнополитики и права в проекте было 9 пунктов, а в окончательной редакции — 7, причем большинство оставшихся пунктов кардинально переработаны.

Первоначальный вариант пункта 9 гласил: «Конгресс осуждает и возражает против проявления или применения любой формы физического насилия и психологического воздействия по отношению к представителям финно-угорских народов, проявляемых на основании этнической дискриминации национальных меньшинств». Этот навязываемый комиссии тезис о дискриминации национальных меньшинств в России очевидно ложный, не соответствующий действительности. Разумеется, в России, как и в большинстве многонациональных стран, проблема национальных меньшинств существует, но речь ни в коей мере не идет об их дискриминации. В ответ на замечание автора статьи, что дискриминации в России нет никакой и что насилие не надо применять по отношению не только к ФУН, но и к ингушам, чеченцам, якутам и другим народам, развернулась острая дискуссия. К сожалению, одна представительница ФУН РФ пыталась отстоять пункт 9 в такой редакции, мотивируя это тем, что каждый народ должен сам заботиться о своем положении. Автору пришлось несколько раз выступить, настаивая на снятии этого пункта или изложении его в приемлемой форме, чтобы ни один народ, ни один человек не испытывал на себе любые формы дискриминации. Именно так сформулированы права человека и права народов как в Конституции Российской Федерации, так и в документах международного права. Здравый смысл взял верх, и указанный пункт в окончательном варианте стал выглядеть так: «Конгресс осуждает любые проявления расизма и ксенофобии».

Острые споры и дискуссии вызвали и некоторые другие пункты. Не все поправки и предложения попа-

ли в окончательную редакцию резолюции, хотя очень многие из них заслуживали включения. Было решено опубликовать их в итоговом материале, посвященном V Всемирному конгрессу финно-угорских народов.

На вопрос о том, каков потенциал всемирных конгрессов финно-угорских народов — мир, согласие, сотрудничество, взаимопомощь или создание ситуаций конфликтности, взаимных обвинений, — можно ответить так: роль и значение таких конгрессов в налаживании добрососедских отношений как между народами стран, где проживают ФУН, так и между отдельными представителями этих народов, огромны. Об этом говорилось в выступлениях не только президентов России, Венгрии, Финляндии и Эстонии, но и абсолютного большинства делегатов и гостей конгресса. В то же время отмечались попытки втянуть конгресс в осуждение этнонациональной политики нашей страны или же предложить решение вопросов развития ФУН России аналогично их решению в Венгрии, Финляндии и Эстонии, что невозможно потому, что мы — несравнимые в этом отношении страны, о чем мы писали чуть ранее.

В целом конгрессы ФУН несут в себе заряд прежде всего единения, а не конфликтности. Именно так мы оцениваем и работу V Всемирного конгресса финно-угорских народов.

Примечания

- ¹ III Всемирный конгресс финно-угорских народов. Хельсинки, Финляндия. 11—13 декабря 2000 г. Йошкар-Ола, 2001. С. 4.
- ² Там же. С. 12.
- ³ Там же. С. 138—139.
- ⁴ IV Всемирный конгресс финно-угорских народов. Молодежь — наше будущее. Таллинн, Эстония. 15—19 августа 2004 г. Таллинн, 2004. С. 10.
- ⁵ Там же. С. 21.
- ⁶ Там же. С. 130—133.

Ключевые слова: финно-угорские народы, V Всемирный конгресс финно-угорских народов, единение, Международный консультативный комитет финно-угорских народов.

Поступила 07.09.2008

если немного помечтать...

Интервью с генеральным секретарем Общества «Финляндия — Россия» Мерьей ХАННУС

Вопрос: Госпожа Ханнус, Россия и Финляндия — давно уже дружественные страны и добрые соседи. Какие тенденции Вы наблюдаете в их отношениях в последние годы?

Ответ: Для финляндско-российских отношений последних лет характерны значительное расширение и становление все более многообразными. Политические отношения между нашими странами находятся на достаточно хорошем уровне, политическое руководство наших стран — как президенты, так и премьер-министры — встречаются ежегодно и даже чаще — много раз в год. В дискуссиях на всех уровнях мы можем говорить открыто, и нашему взаимодействию свойственны дружеские связи.

Культурные связи и туризм расширяются быстрыми темпами. Только генеральное консульство Финляндии в Санкт-Петербурге выдает в этом году около 800 тысяч виз российским туристам, деловым людям и деятелям многих совместных проектов, выезжающим в Финляндию. Общество «Финляндия—Россия» совместно с Министерством просвещения Финляндии отвечает за деятельность финляндско-российских культурных форумов, которые осуществляют 50—70 новых проектов в области культуры в год. Культурные форумы собираются каждый год поочередно в России и Финляндии и собирают в общей сложности около 350 деятелей культуры из обеих стран. Естественно, что сотрудничество между разными гражданскими акторами более оживленно в приграничных регионах; чем дальше регион от границы, тем оно сложнее из-за экономических факторов. В Финляндии, однако, имеется похвальный интерес к сотрудничеству также с Центральной Россией и даже Сибирью. Естественно, что

регионы наших языковых родственников также интересуют нас.

Особенно быстрый рост экономического сотрудничества между Финляндией и Россией можно назвать историей успеха. Россия наряду с Германией поднялась на уровень самого важного партнера по торговле Финляндии, и этот рост все еще продолжается. В обозримом будущем нет факторов, которые ограничили бы рост торговли и экономического сотрудничества. В последнее время в Финляндии также много обсуждалось расширение инвестиций в России; многие наши предприятия уже присутствуют на рынке России, основав здесь фирмы и производства. Общество «Финляндия—Россия» ежегодно организует важное торгово-экономическое мероприятие — «Дни Финляндии в России» — в одном из ее регионов. Предыдущее подобное мероприятие состоялось в прошлом году в Нижнем Новгороде, следующее состоится весной будущего года в Екатеринбурге. В этих мероприятиях принимают участие многочисленные финские фирмы и их руководства, мероприятия проходят на высоком уровне — финскую делегацию, как правило, возглавляет министр.

Так как сотрудничество между Финляндией и Россией интенсивно и многообразно, естественно, иногда возникают проблемы практического характера, в том числе связанные с прохождением границы и логистикой. Эти и другие проблемы, например повышения экспортных пошлин на древесное сырье, которое импортируется в Финляндию, были темами для обсуждения на многих совместных встречах. Данные вопросы решаются регулярно как на уровне политического руководства, так и на уровне государственных служащих. Исходной точкой является

тот факт, что между друзьями даже о сложных вопросах можно разговаривать откровенно и искать совместные решения проблем.

Финляндско-российские отношения пережили менее активный период в 1990-х годах. Однако в настоящее время Россия является для Финляндии важным партнером и многосторонние взаимные связи между нашими странами приносят пользу обеим сторонам.

В: У нас говорят: «Со стороны виднее». В чем Вы видите основные проблемы российских финно-угров на современном этапе?

О: Будущее финно-угорских народов, безусловно, связано с глобальным развитием и общим развитием территорий, на которых эти народы проживают. Во всем мире малочисленные народы, стесненные крупными культурами и языковыми территориями, ведут борьбу за выживание. По крайней мере, будущее малочисленных финно-угорских народов не может быть благополучным, если не будут приняты более активные меры и конкретные решения на местном уровне по поддержке этих народов и их языков. Это подразумевает финансовый и интеллектуальный вклад в ревитализацию языков меньшинств и ее одобрение. Очень часто обучение родному языку и возрождение разговорного языка требуют упорной работы, а также политической и финансовой поддержки.

Если немного помечтать — я хотела бы видеть тесную сеть контактов между многочисленными финно-угорскими деятелями и организациями по вопросам культуры, науки и образования как на местном, так и на международном уровнях. Сеть контактов даст финно-угорским народам возможности для сотрудничества, благодаря чему многие местные деятели смогут влиять на будущее языка и культуры и благополучие людей возрастет.

Также я хотела бы видеть на финно-угорских территориях и в финно-угорских странах сильные гражданские общества, толерантные по отношению к другим культурам, многокультурности и поддерживающие двуязычие. Гражданские общества играют важную роль в создании идентичности малочисленных народов и пропаганде родного языка. Родители должны верить в будущее своего родного языка и передавать его знание своим детям. В этом гражданские общества могут оказывать поддержку.

Язык и культура меньшинств являются ценными и имеют право на существование и развитие. Многокультурность обогащает, малочисленные культуры вносят свой весомый вклад в культурное и языковое многообразие, что может быть необходимым ресурсом креативных и инновационных обществ будущего. Предпосылками этого служат современная информационная техника и широкое распространение электронных коммуникаций на родном языке. Применение спутникового телевидения и интернет-телевидения на родном языке как способ поддержки чувства общности и поощрения использования родного языка среди языковых меньшинств, дисперсно населяющих обширные территории, очень важно. Также доступ к Интернету является важным с точки зрения сохранения языка и его публичного существования.

В заключение хотела бы высказать пожелание, чтобы местные органы власти и политические деятели финно-угорских территорий и стран положительно и поощрительно относились к оказанию поддержки финно-угорским и другим малочисленным и находящимся под угрозой исчезновения языкам начиная уже с детского сада и школы. В поддержке нуждаются также СМИ на национальных языках. Политическая и финансовая поддержка как на государственном, так и на региональном уровнях, а также сильное желание самих народов является с точки зрения будущего финно-угорских языков очень важным.

В: Вы являетесь руководителем с финской стороны Российско-Финляндского проекта 2005—2008 годов «Положение финно-угорских народов России», недавно у нас вышла книга «Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра», в которой отражены некоторые факты и выводы этого проекта. Как Вы оцениваете книгу и результаты проекта в целом?

О: На мой взгляд, за три года проект исследования положения финно-угорских народов Российской Федерации дал результат на высоком уровне. Проект опубликован в виде книги на русском языке, готовится сокращенный вариант на английском. В книге собраны широкие статистические данные о положении финно-угорских народов и разные точки зрения, проанализированы процессы, влияющие на развитие этих народов.

Социологический опрос проекта принесет пользу при рассмотрении на гражданском уровне, а также на уровне официальной власти мероприятий, направленных на сохранение и оживление языков и культуры малочисленных народов. Надеюсь, что эта книга станет началом диалога и приведет к конкретным мерам. Еще одним положительным фактом является создание широкой сети исследователей вокруг проекта, которые могут сотрудничать и в дальнейшем.

В: Считается, что российские женщины среднего возраста в своем большинстве главными в жизни считают семейные ценности, в то время как современные девушки (и молодежь вообще) прежде всего думают о карьере и деньгах. А какие жизненные приоритеты являются главными у большинства финских женщин и молодежи?

О: В Финляндии представители государственной власти и граждане стремятся к осуществлению гендерного равноправия в трудовой жизни, общественной деятельности и в домашних условиях. Жители Финляндии придерживаются того мнения, что участие в трудовой жизни и общественной деятельности не противоречит домашней жизни. Подчеркивается также роль отцов в семье и в воспитании детей. Конечно, очень важно, когда женщины тесно связаны с трудовой жизнью и ответственность за домашние работы и воспитание детей делится между матерью и отцом, т. е. когда они оба равномерно участвуют в жизни семьи.

В: Большое спасибо за согласие дать интервью нашему журналу.

*Беседовал член редсовета журнала
«Финно-угорский мир» профессор В. К. Абрамов*

размышления о будущем финно-угорских языков в российской федерации

Я. Пустаи (János Pusztay),
директор Collegium Fenno-Ugricum,
заведующий кафедрой уральской филологии
Западно-Венгерского университета (г. Сомбатхей,
Венгрия)

ПОЛОЖЕНИЕ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ

В Российской Федерации как федеральные, так и региональные законы всем коренным народам гарантируют употребление родного языка в школе, СМИ, хозяйстве и политике. Для обеспечения этих прав во всех финно-угорских республиках были приняты законы о языке (Республика Коми — 1992 г., Марий Эл — 1995, Удмуртия — 1998, Мордовия — 2001, Карельская Республика — 2004 г.), которые, за исключением Карелии, вступили в силу. (В Карелии закон не действует, так как по федеральному закону государственные языки, даже региональные, должны быть написаны кириллицей. Это ограничение ущемляет основные человеческие права и в то же время противоречит закону, гарантирующему употребление родного языка, так как язык и письмо тесно связаны друг с другом.)

Теория (законодательство) и практика (употребление родного языка) диаметрально противоположны друг дру-

Я не употребляю название «национальное меньшинство», потому что финно-угорские народы на территории своего проживания, т. е. на своей этнической родине, являются коренным населением. Говорить о них как о национальных меньшинствах можно только в том случае, если они живут за пределами своей этнической родины (например, марийцы в Башкортостане). Термин «национальное меньшинство» в качестве наименования коренного населения укрепляет чувство второстепенности.

гу. Общеизвестно, что языки титульных народов в финно-угорских республиках используются ограниченно в школе, культурной жизни и совсем не употребляются в политике и экономической жизни. Эта ситуация объясняется несколькими причинами. Одной из них является неблагоприятная политическая и общественная среда, которая частично связывается с тем фактом, что все титульные финно-угорские народы представляют меньшинство в своих республиках.

Досадно сильное влияние на ситуацию оказывают те ложные идеологии, которые осуждают как двуязычие в семье (положительная роль которого всемирно признана), так и обучение на родном языке вплоть до экзамена на аттестат зрелости. Таким образом, финно-угорские языки все больше вытесняются из школьной системы. В результате у многих финно-угорских народов наблюдается этнический нигилизм.

Особенно охотно ссылаются на неразвитость финно-угорских языков, которая не разрешает пользоваться ими в обучении и других областях. С одной стороны, это обвинение несостоятельно (в 1920—1930-е гг. была разработана нужная терминология), а с другой — терминологию с помощью продуманной программы можно относительно быстро создать.

Финно-угорские народы могли бы брать образец с татар в том, как укрепить самосознание, положение родного языка и своей культуры (только интолерантность по отношению к другим языкам не надо перенимать).

ПРИНЦИП DIVIDE ET IMPERA: СКОЛЬКИМ
© Я. Пустаи, 2008

...Финно-угорские языки все больше вытесняются из школьной системы. В результате... наблюдается этнический

УЗЫКАМ БЫТЬ У ОДНОГО НАРОДА?

Сейчас в Мордовии наряду с русским существуют два государственных языка: эрзя и мокша. В Марий Эл употребляются два марийских языковых варианта: луговой и горный, но официальный статус имеет только луговой. В Карелии пресса и художественная литература издаются на двух карельских языках (которые не являются государственными). Коми и коми-пермяцкий язык признаются отдельными языками, которые употребляются в двух административных единицах: Республике Коми и бывшем Коми-Пермяцком АО.

Возникают два кардинальных вопроса: сколько языков может быть у одного народа и каково соотношение между этнической группой и народом?

Зарубежные лингвисты однозначно выступают за единый язык. Многие местные специалисты также полагают, что нужен единый литературный язык, у которого могут быть региональные варианты. Единый литературный (и одновременно государственный) язык является важным средством создания нации. Однако если отдельные этнические группы определяют себя самостоятельными национальными энтитетами, приемлемы и два самостоятельных языковых варианта. Необходимо хорошо обдумать, можно ли говорить в случае эрзи, мокши, луговых и горных марийцев о разных народах. Существует ли общее мордовское, марийское и т. д. сознание? Если его нет, можно ли сформировать его? Стоит ли и допустимо ли подвергнуть и вместе не столь многочисленные мордовский и марийский народы опасности *divide et impera*?

Минутные интересы не должны препятствовать складыванию единой нации. Надо понимать, что, если не создаются единство народа и одновременно с этим единый язык, народ быстрыми темпами ассимилируется.

ТЕРМИНОЛОГИЯ — ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ СОХРАНЕНИЯ УЗЫКА

Язык соответствует требованиям к государственному — в том числе региональному — языку, если им можно пользоваться во всех сферах жизни. Круг употребления финно-угорских языков в РФ довольно узок. В школе они употребляются ограниченно, в научной жизни — крайне редко, в политической и экономической сферах — совсем не употребляются. Поэтому у финно-угорских народов господствует своеобразная диглоссия.

Игнорирование финно-угорских языков имеет по крайней мере две причины: психологическую и языковую. Последняя касается развитости языка, наличия и/или отсутствия терминологии. Предпринятое в 1920—1930-е гг. обновление языка доказало, что языки можно делать пригодными для того, чтобы пользоваться ими во всех сферах жизни. Для этого нужны сознательное обновление языка и разработка необходимой терминологии. За созданием нужной терминологии следуют ее распространение и употребление. В этом процессе решающую роль играют школа, пресса и, конечно, специалисты, которые подают пример пользования ею.

Разработку терминологии целесообразно начать со школьных предметов. Написанные с ее применением учебники на родном языке нужно ввести на всех уровнях школьной системы.

Создание терминологии может содействовать сближению разных вариантов одного языка.

ЗАДАЧИ

Из описания существующего положения вытекают самые настоятельные задачи.

Прежде всего нужно провести просветительную деятельность как в одно-, так и в двуязычных семьях относительно того, что язык коренного населения — как и все языки — является ценностью, которая обогащает мир и индивида. В случае смешанных браков изменение взглядов может содействовать созданию взаимного двуязычия.

В данном процессе выдающуюся роль играют интеллигенция и политики, потому что они могут служить образцом для подражания. Если они пользуются своим языком, то им будут пользоваться и другие. Ошибочны сдержанная точка зрения и позиция интеллигенции, например в связи с прессой на финно-угорских языках, которая как по содержанию, так и по уровню языка подвергается ею критике. Интеллигенция должна не только критиковать, но и способствовать улучшению ситуации.

Во всех финно-угорских республиках необходима поддержанная государством терминологическая деятельность. От результата этой деятельности зависит судьба каждого конкретного народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правительство Венгерской Республики в 2008 г. приняло постановление о создании института Collegium Fenno-Ugricum. Институт начинает свою работу в сентябре 2008 г., но некоторые результаты его деятельности зародились уже летом того же года, когда вышли

в свет первые тома серии Bibliotheca Fenno-Ugrica. В этой серии в сотрудничестве со специалистами финно-угорских республик издаются научно-популярные монографии о финно-угорских народах, по единой структуре, как на русском языке, так и на языке данного народа. (В соответствии с нашими планами все монографии будут переведены на все финно-угорские и английский языки.) Пока появились монографии о карелах, вепсах, мордве, марийцах, удмуртах, коми и коми-пермяках — всего 16 томов (мордовская и карельская монографии изданы на двух вариантах мордовского и карельского языков).

Начинающийся осенью 2008 г. другой проект института связан с созданием терминологии. В сотрудничестве со специалистами финно-угорских республик будет выработан или модернизирована терминология школьных предметов. Таким образом будут созданы языковые условия для написания учебников и осуществления обучения по всем предметам на родном языке.

На основе анализа демографической ситуации и отношения к родному языку мы должны заявить, что наступил решающий момент. Если мы не сможем устранить негативную тенденцию, пока живут аутентичные носители финно-угорских языков, то позже будет невозможно возродить язык (ср. ревитализацию еврейского языка). Для ревитализации языка нужны: сильное этническое самосознание (в этом финно-угорские народы нуждаются и ныне), образованность на самом высоком уровне (понимание важности родного языка, даже если он является языком малочисленного народа) и благоприятные политические условия.

Ключевые слова: финно-угорские языки, единый литературный язык, государственный язык, родной язык, терминология, двуязычие, этническое самосознание, единая нация, языковые варианты, институт Collegium Fenno-Ugricum.

Поступила 03.09.2008

...Выдающуюся роль играют интеллигенция и политики, потому что они могут служить образцом для подражания. Если они пользуются своим языком, то им будут

единый мордовский литературный язык: за и против

М. В. Мосин,
доктор филологических наук, профессор, декан
филологического факультета Мордовского
государственного
университета, председатель Исполкома Ассоциации

Вопрос о создании единого мордовского литературного языка возник еще в 20-е гг. прошлого столетия, а именно в годы появления периодической печати в виде первых газет, издаваемых на разных диалектах, а точнее говорах мордовских языков. Такими газетами были «Чинь стямо» — «Восход солнца» (Ульяновск, 1920 г.), «Якстере теште» — «Красная звезда» (Москва, 1921 г.), «Якстере сокиця» — «Красный пахарь» (Саратов, 1921 г.), «Од веле» — «Новое село» (Пенза, 1924 г.).

В 1922 г. в газете «Якстере сокиця» (№ 10. С. 3) было высказано мнение о необходимости создания единого литературного языка. Позднее, в 1924 г., уже более убедительно оно прозвучало со страниц «Якстере теште» (№ 27. С. 3).

Особая активность и плодотворность в поиске и разработке литературных норм мордовских языков проявились в первой половине 1930-х гг. Актуальнейшим вопросам нормализации литературных языков: выбора мордовских говоров в качестве основы литературных языков, разработки и принятия орфографических правил и морфологических норм, установления грамматической терминологии — был посвящен ряд научно-языковых конференций (1933—1938 гг.).

В процессе развернувшихся бурных дискуссий относительно конкретных особенностей орфографии, морфологических форм, терминосистемы и основ алфавита (кириллицы или латиницы) проблеме единого литературного

языка на конференциях особого внимания не уделялось. Однако те, кому была не безразлична судьба мордовских (мокшанского и эрзянского) языков, возвращались к ней вновь и вновь.

В 1955 г. на научной конференции по вопросам мордовского языкознания известный филолог-лингвист М. Н. Коляденков (на фото) сделал доклад на тему «Образование и пути развития мокшанского и эрзянского литературных языков». Ниже приведены основные положения доклада, касающиеся общностей и возникших различий между мокшанским и эрзянскими языками.

«...За последнее время в печати и устных выступлениях появились утверждения о том, что эрзянский и мокшанский языки в современном их состоянии являются не языками, а диалектами. Сторонники этого взгляда выдвигают проблему сближения мордовских литературных языков с тем, чтобы на основе этого сближения и в конечном счете их слияния прийти к единому общемордовскому языку.

Насколько разошлись мордовские, эрзя и мокша, языки в их современном состоянии, прекрасно прослеживается на материале этих языков: большие различия обнаруживаются как в словарном составе мордовских языков, так и в их грамматическом строе и особенно в фонетике.

При сравнении основного словарного фонда эрзянского языка с основным словарным фондом мокшанского языка выявляется следующая картина:

© М. В. Мосин, 2008

1. Обнаруживается значительное количество слов, общих для обоих языков, однако различающихся в контексте ударением. Примеры: *ведь* «вода», *мода* «земля», *вирь* «лес», *кал* «рыба», *ломань* «человек», *лов* «снег», *якамс* «ходить», *сермадомс* «писать», *кочкамс* «выбрать», «избрать», *морамс* «петь» и т. п.

2. Но громадное большинство слов, составляющих костяк обоих языков, — это слова, разные по своему звуковому составу, но имеющие общую историческую основу: эрз. *ойме*, мокш. *вайме* «душа», эрз. *сея*, мокш. *съява* «коза», эрз. *седей*, мокш. *седди* «сердце».

3. Грамматически мордовские языки характеризуются: общей основой системы склонения, выражающейся в общности рядов склонения: 1) основного — эрз. *кудо*, мокш. *куд* «дом»; 2) указательного — эрз. *кудось*, мокш. *кудсь* «дом тот»; 3) шести рядов притяжательного: а) ряд «мой» — эрз. *кудом*, мокш. *кудозе* «мой дом»; б) ряд «твой» — эрз. *кудот*, мокш. *кудце* «твой дом»; в) ряд «его» — эрз. *кудозо*, мокш. *кудоц* «его дом»; г) ряд «наш» — эрз. *кудонок*, мокш. *кудоньке* «наш дом»; д) ряд «ваш» — эрз. *кудонк*, мокш. *кудонте* «ваш дом»; е) ряд «их» — эрз. *кудост*, мокш. *кудсна* «их дом».

Таким образом, анализируя основной словарный фонд мордовских языков и их грамматику, мы прослеживаем общности в древнейших пластах этих языков: в корнях слов, в основах грамматики. То, что общее в основном костяке словарного фонда, — есть общность историческая: эрз. *теле*, мокш. *тяла* «зима», эрз. *потомдомс*, мокш. *пандомс* «заткнуть», «закупорить», эрз. *седе*, мокш. *сиде* «частый» и т. п. (см. также приведенные выше примеры).

Далее в том же докладе М. Н. Коляденков отмечает: «Мы установили, что мордовские, мокшанский и эрзянский, языки представляют собой результат распада общемордовского языка-основы, получившегося вследствие распада единого мордовского племени, говорившего на общем языке. Это позволяет нам утверждать о наличии общего древнемордовского языка и *ставить проблемы его изучения* (курсив наш. — М.М.). Ядро (большинство корневых слов и корней слов) основного словарного фонда и основы грамматики (основное склонение, общие ряды склонения и спряжения) современных мордовских, эрзянского и мокшанского, языков сложились в общемордовской среде (в древнемордовском языке), почему современные мордовские, эрзянский и мокшанский, языки обнаруживают ярко выраженный общенародный (общемордовский) характер»¹.

Позднее, начиная с 60-х вплоть до 90-х гг. прошлого века, развитию мордовских литературных языков должного внимания не уделялось. В тот же период по существу произошло их вытеснение из школы. Только в начале 1990-х гг. в связи с демократизацией общественной жизни научная и творческая интеллигенция обраща-

ется к проблемам национального возрождения, проявляя особый интерес к состоянию мордовских языков. Был издан ряд статей, посвященных этой теме, а именно: «Основные тенденции развития мордовских языков» (Д. В. Цыганкин, 1985), «Мордовские литературные языки: насущные проблемы» (Д. Т. Надькин, 1993) и др. Многие аспекты литературных языков были конкретизированы и

обобщены в вузовских и школьных учебниках и учебно-методических пособиях, при составлении и издании словарей различного типа.

В 1992 г. при Мордовском университете был проведен симпозиум по теоретическим вопросам мордовских литературных языков, а в 1993 г. на Республиканской языковой конференции «Язык: проблемы, нормы и перспективы» пересмотрены и утверждены нормы мокшанской и эрзянской орфографии, орфоэпии и пунктуации.

Именно в 1990-е гг. в финно-угроведении возродилась идея объединения мокшанского и эрзянского литературных языков в общемордовский литературный язык. Особенно активно она стала обсуждаться после VIII Международного конгресса финно-угроведов, прошедшего в Финляндии в г. Ювяскюля в 1995 г. Вопросам уральских литературных языков на конгрессе был посвящен специальный семинар, где рассматривались возможности и способы создания единых литературных языков для тех финно-угорских народов, в которых в силу исторических причин параллельно существуют нормы на двух или более диалектах.

Инициаторами создания единого литературного языка на семинаре выступили венгерские ученые Габор Зайц и Ласло Керестеш и итальянский исследователь мордовских языков Данило Гено. В своих выступлениях они довольно аргументированно обосновали не только причины и необходимость, но и пути и способы достиже-

ния этой цели. Их аргументы были опубликованы в книге «Zur Frage der uralischen Schriftsprachen» — «Вопросы уральских литературных языков»², вышедшей в г. Будапеште в 1995 г.

По сути, все иностранные участники семинара одобрили идею создания единого общемордовского литературного языка. Вот фрагменты мнений некоторых исследователей:

Габор Зайц: «...структуру и лексику двух мордовских литературных языков можно считать тождественной на 80 %, т.е. в среднем при сравнении можно заметить разницу только для каждого пятого языкового знака (морфологического или этимологического). Таким образом, с научной точки зрения языковые различия вряд ли мотивированы и, кроме того, нежелательны потому, что они мешают усилению единого национального сознания. Уменьшают шансы сохранения мордовского языка. <...> Рассматривая вкратце положение мордовского народа, я считаю, что в наши дни, вне всякого сомнения, в последний раз в истории мордовский народ стоит перед выбором. Если мордовская интеллигенция, и в том числе преподаватели и студенты университетов и высших школ, признают важность единого мордовского национального самосознания в интересах сохранения мордовского языка и народа, они начнут бороться за единый национальный язык, являющийся одним из средств этого процесса»³.

Ласло Керестеш: «Я по-прежнему придерживаюсь того мнения... и не я один, что различия между диалектами эрзя и мокша далеко не так велики, чтобы можно было говорить о двух разных языках. При трезвом подходе, путем объединения норм языка, его сознательным развитием, также эффективным школьным обучением и воспитанием еще не поздно довести до сознания молодого поколения мордвы важность и значение единого национального сознания и национальной идентичности. Если этого не будет — даже в том случае, если мордовский народ и язык и смогут сохраниться на протяжении тысячелетий, — есть опасность потери национального самосознания, а затем и русифицирования. Для получения горячо желаемой автономии, самоопределения, права на пользование национальным языком необходимо выработать единый литературный язык... которым могли бы пользоваться в области обучения, науки, администрации, государственного управления. <...> До сегодняшнего дня наиболее авторитетный исследователь мордовского языка и диалектов финн Хейкки Паасонен на протяжении всей своей деятельности занимался мордовскими языковыми явлениями, не различая их как с точки зрения истории, так и с точки зрения хрестоматии мордовского языка. На вопрос *сколько мордовских языков существует* я отвечаю в духе Хейкки Паасонена: *один мордовский язык... должен быть!* И сам я думаю, что разработка единого мордовского литературного языка в настоящее время является основополагающим вопросом единства мордовского языка и народа, а также становления мордовской нации. Скорейшее решение этого вопроса — ответственнейшая задача современного поколения

À. Ì. Ðžyáá

Ö. Iänñíáí

мордовских ученых»⁴.

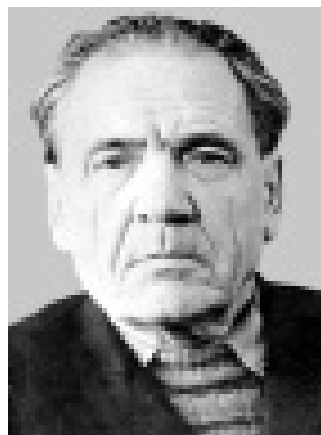
Данило Гено: «В 20—30-е годы нашего века для мордовского народа были созданы два литературных языка: мокшанский и эрзянский. Основные расхождения между ними носят фонетический, грамматический и лексический характер. Однако эти различия в сущности не представляют собой непреодолимой преграды с точки зрения создания единого литературного мордовского языка. Действительно, указанные расхождения могут рассматриваться как диалектные варианты одного языка. На мой взгляд, одной из посильных задач, встающих перед мордовской интеллигенцией, является содействие установлению такого общего языка посредством издательской деятельности, средств радио и телевидения»⁵.

В настоящее время идея создания единого мордовского литературного языка начинает обсуждаться и в мордовской общественной среде, однако отношение к ней весьма неоднозначное. На наш взгляд, создание единого литературного языка — это один из лучших путей реанимирования обоих мордовских литературных языков из их четвертьфункционального состояния. Почти каждый народ мира, говоря на многих диалектах родного языка, в течение ряда лет создал или создает свой единый литературный язык, так как это — высший уровень и символ его единства, государственности и познания мира. Если быть народу, то он обязательно должен иметь вершину своей культуры, имя которой — литературный язык. В свое время история сыграла злую шутку с мордовскими языками, создав из двух близких языков на базе их родных диалектов две литературные нормы. В результате минимальной функциональности на протяжении более 70 лет эти языки стали почти неиспользуемыми; в мордовских селах говорят на своих говорах, в городах мокшане и эрзяне общаются между собой на русском языке. Создание единого литературного языка ровно в два раза облегчит возможности перехода от одностороннего мордовско-русского двуязычия к двустороннему двуязычию: мордовско-русскому и русско-мордовскому. Только в этих условиях престиж единого мордовского литературного языка поднимется на должный уровень. Тогда русская-

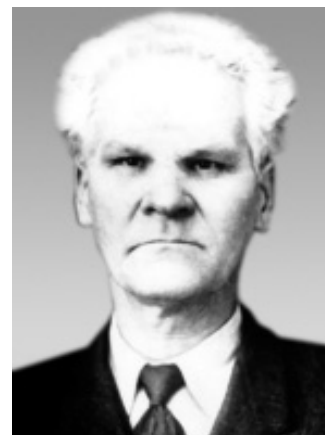
между мокшанским и эрзянским языками, на которых М. Н. Коляденковым обосновывалось наличие двух литературных языков, представляются не настолько бесспорными, чтобы отказаться от идеи создания единого мордовского литературного языка. Например, в фонетике нельзя считать препятствием для этого различие между мокшанским и эрзянским языками в системе ударения, когда в мокшанском языке оно, как правило, падает на первый слог, а в эрзянском — на любой слог одного и того же слова, не неся смысловоразличительной функции. К тому же общеизвестно, что в письменной речи ударение остается неиспользованным в обоих языках. При различиях в составе фонем: в эрзянском — 5, в мокшанском — 7; в системе согласных: в мокшанском дополнительные — особые звуки *р^х*, *л^х*, *й^х* и в процессе работы над созданием единого литературного языка можно применить два пути разрешения проблемы. Первый — это параллельное использование фонетических форм, т. е. их варьирование, что широко практикуется и в других языках. Второй — отказ от введения в единую литературную норму из мокшанского труднопроизносимых согласных *р^х*, *л^х*, *й^х*. Правда, по поводу таких предложений могут возникнуть возражения демагогического характера у тех, кто захочет увидеть в этом намерение ликвидировать особенности того или иного языка. Но разве в современные мокшанский или эрзянский литературные языки введены все без исключения особенности их диалектов? Отнюдь нет, о чем прекрасно осведомлены все, кто начинает изучать литературный язык в школе или даже в детском саду. Например, в эрзянских говорах сел Кочкуровского района Республики Мордовия также наличествуют согласные *р^х*, *л^х*, *й^х*, а в говорах шугуровского диалекта эрзя-мордовского языка — фонема *д* и редуцированный *л*⁶. Однако эти фонетические особенности в эрзянском литературном языке отсутствуют. Общеизвестно, что ни в один из литературных языков мира не введены все особенности их говоров или диалектов.

Относительно лексической системы М. Н. Коляденков для обоснования двух литературных языков выдвигает следующие аргументы: а) наличие определенного количества слов, «...присущих только одному из языков, типа эрз. *скал*, мокш. *тракс* «корова», эрз. *реве*, мокш. *уча* «овца» и т.п.; б) «...слова разные по своему звуковому составу, но имеющие общую историческую основу», типа: эрз. *ойме*, мокш. *вайме* «душа», эрз. *седей*, мокш. *седи* «сердце» и т. д. Становится совсем непонятным или даже абсурдным, когда из лексических диалектизмов и тем более всевозможных заимствований создаются синонимические ряды мокшанского или эрзянского современных литературных языков, но эти же слова, оказываясь, не могут выступать вариантами единого мордовского литературного языка. В последнем случае они, по мнению М. Н. Коляденкова, считаются различиями, мешающими объединению двух близкородственных литературных языков.

Учитывая вышесказанное, проблему различий можно решить за счет расширения синонимических рядов из исконной лексики, типа: эрз. *паро*, *вадря*; мокш. *цеберь*,

Ī. Ī. Etëyääiëtä

Ö. È. İäðäðáóðãñëéé

зычному человеку не придется гадать на кофейной гуще: какой из мордовских языков ему изучать — мокшанский или эрзянский?

Противники идеи единого литературного языка ищут «уникальность» в сложившихся двух литературных нормах, ссылаясь на то, что при создании единой литературной нормы мордва потеряет оба своих языка, в результате чего исчезнет и сама. Такие панические суждения возникают потому, что начиная со второй половины 30-х гг. после профессоров А. П. Рябова и Ф. И. Петербургского мордва, по сути, не занимается совершенствованием создавшихся языков, а просто держится за них, опасаясь, «как бы чего не вышло». Но есть элементарные аргументы, легко опровергающие панические суждения. При двух литературных нормах, как известно, до сих пор в нескольких селах существует уникальный шокшанский диалект. В этих селах дети в школе изучают мокшанский литературный язык и без особого напряжения овладевают им, а разговорным языком остается шокшанский диалект, основой которого является эрзянский язык. Приведенный факт однозначно опровергает доводы тех, кто опасается потери мокшанского и эрзянского разговорных языков.

Языковеды знают: еще ни один литературный язык мира не уничтожил ни одного своего диалекта или говора. Общепризнанно, что даже тот диалект, на базе которого созданы литературные нормы, сохраняет и развивает свои уникальные особенности. Тем более единая литературная норма никак не может посягать ни на один этнос. Эрзяне с. Кеченьбие (Жабино) Ардатовского района из-за единого литературного языка не отвергнут свой говор и не превратятся в мокшан или инопланетян, так же и мокшане с. Мордовское Паево Ковылкинского района не станут эрзянами или инопланетянами. Естественно, единую литературную норму никто не собирается создать в одночасье. Это работа многих десятков лет, требующая организации специальной авторитетной комиссии, а также целого коллектива специалистов, постоянно работающих над кодификацией нормы языка.

Исходя из вышесказанного аргументы о различиях

диал. *пара* «хороший»; эрз. *важомемс*, мокш. *покадемс* вместо русского *роботамс* «работать» и т. д. Например, в мокшанском литературном *туця* «туча» можно элементарно заменить древнемордовским *пель/пяль* «туча»; в эрзянском русское заимствование *шуба* — мокшанским *ор* «шуба»; в эрзянском русское *стол* мокшанским *тувор* «стол»; в мокшанском русское *народ* — общемордовским *раське* «народ, нация». К тому же слово *тувор* в значении «стол» наличествует в говоре эрзянского села Иванцево Лукояновского района Нижегородской области. За последние годы при исследовании диалектов и говоров обоих мордовских языков обнаружено большое число общемордовских слов, которые до сих пор не зафиксированы ни в мокшанском, ни в эрзянском литературных языках.

Работа по восстановлению исконной лексики существенно расширит и обогатит лексическую систему предлагаемого единого литературного языка. Наглядным примером этого служат многие литературные языки. Так в финском литературном используются многие лексические диалектизмы из трех и более диалектов.

При рассмотрении грамматических особенностей М. Н. Коляденков перечисляет много основных черт, подтверждающих большую общность в самой структуре мокшанского и эрзянского языков. Вместе с тем, придерживаясь позиции распада общемордовского языка-основы, он ссылается на существенные различия, препятствующие, по его мнению, созданию единого литературного языка. Перечисленные М. Н. Коляденковым различия в морфологии действительно настораживают некоторых сторонников наличия двух литературных норм.

На наш взгляд, в мордовском языкознании создалось мнение, что литературная норма — это раз и навсегда установленная аксиома. Она даже стала отождествляться с нормой экономической — «бухгалтерской», означающей, например, что за 1 трудодень нужно скосить косой вручную 25 соток ржи. Но в общем языкознании при определении понятия литературной нормы признается явление вариантности или вариативности. Так, в энциклопедическом словаре по лингвистике указывается: «...литературная норма — это не только стабильный и унифицированный, но и значительно дифференцированный комплекс языковых средств,

предполагающий сохранение целого ряда вариантов»⁷.

Именно на основе теории вариантности и ее практического внедрения при создании единого языка можно преодолеть имеющиеся препятствия. Для разрешения проблем в единый литературный язык можно допустить морфологические варианты обоих мордовских языков, например, формы инессива: мокш. *кудса*, эрз. *кудосо* «в доме», формы датива: мокш. *кудонди*, эрз. *кудонень* «дому» и т. п. Подобная грамматическая синонимия наличествует почти в каждом языке. Сравним в эрзянском: *сон кортась тонь эйтэ* и *сон кортась тондеть* «он говорил о тебе». В первом случае реред нами — послеложная конструкция, во втором — использование формы отложительного падежа. Если в рамках эрзянского литературного языка существуют нормы *кундань нармунь* и *кундазь нармунь* «пойманная птица», т. е. грамматическая синонимия используется, то разве наличие мокшанской формы *кундаф нармонь* «пойманная птица» можно считать различием, мешающим созданию единого языка? Разве возможен такой парадокс в грамматической логике?

В связи с морфологическими различиями Ласло Керестеш отмечает: «Литературной практике предстоит решить, какие варианты более приемлемы. По-моему, их параллельное использование — во всяком случае вначале — должно быть обязательно разрешено»⁸.

Разумеется, создание норм единого языка, как и овладение ими, первоначально потребует определенного напряжения и усердия. Но разве без непосредственного изучения, например, мокшанка из Пензенской области может овладеть нормами современного мокшанского литературного языка или эрзянин из Бугурусланского района Оренбургской области будет знать систему и нормы современного эрзянского языка? Без сомнения, нормы надо учить даже тому мокшанину или эрзянину, на базе чьих говоров созданы литературные языки.

По нашему мнению, основная трудность заключается не в создании единого мордовского литературного языка, не в поисках соответствующих способов и методов, а в том, что мы — мокшане и эрзяне — мало пользуемся родным языком в процессе своей жизнедеятельности. Отсюда мы плохо знаем лексическое богатство даже одного из этих языков: мокшане — мокшанского, а эрзяне — эрзянского. Такое отношение мокшан и эрзян к своим родным языкам весьма точно определила лектор финка Туула Невала, читавшая курс финского языка на филологическом факультете Мордовского государственного университета. Выступая на III съезде мордовского народа, она сказала: «Плохо, что вы, мокшане и эрзяне, мало говорите на родных языках, но еще невежественнее, вы не слушаете друг друга, когда из вас кто-то говорит на родном языке. Я изучала и знаю только эрзянский язык, но вполне понимаю, когда со мной говорит мокшанин на родном языке».

Исходя из всего рассмотренного выше высказанный Главой Республики Мордовия Н. И. Меркушкиным в Послании Государственному Собранию тезис о необходимости формирования единого литературного языка⁹ представляется весьма актуальным и безотлагательным. Для

реализации этой цели, вероятно, необходимо создать авторитетную комиссию и коллектив, которые под контролем широкой общественности, используя богатство обоих современных мордовских языков и опыт абсолютного большинства народов мира, имеющих единые литературные языки, будут формировать единый мордовский литературный язык. Параллельно факультативно нужно ввести преподавание мокшанского языка для эрзи, а эрзянского — для мокши начиная с детского сада, чтобы буквально с пеленок эрзя и мокша знали, что в наших языках минимум 85 % общего и максимум 15 % различий. Процессы создания единой литературной нормы и система овладения общностью этих языков, а также раскрытия их разницы должны осуществляться компетентно и систематически. При четкой и последовательной организации процесса обучения главным условием совершенствования и развития предлагаемого единого мордовского литературного языка явится расширение его функций во всех сферах современного общества.

Примечания

- ¹ Коляденков М. Н. Образование и пути развития мокшанского и эрзянского литературных языков // Материалы научной сессии по вопросам мордовского языкознания. Саранск, 1955. Ч. 1. С. 59-68.
- ² Zur Frage der uralischen Schriftsprachen. = Вопросы уральских литературных языков / под ред. Габора Зайца. Будапешт, 1995.
- ³ Там же. С. 42-44.
- ⁴ Там же. С. 52, 55.
- ⁵ Там же. С. 61.
- ⁶ Цыганкин Д. Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1961. Т. 1. С. 294-395.
- ⁷ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 337.
- ⁸ Zur Frage der uralischen Schriftsprachen. = Вопросы уральских литературных языков. С. 54.
- ⁹ Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию. Саранск, 2008. С. 63.

Ключевые слова: мордовский литературный язык, мокшанский язык, эрзянский язык, лексика, фонетика, морфология, синтаксис.

Поступила 21.05.2008

финно-угорский мир сквозь призму уральской топонимии

А. Н. Куклин,
доктор филологических наук, профессор,
и. о. директора Института финно-угроведения
при ГОУВПО «Марийский государственный университет»
(г. Йошкар-Ола, Марий Эл)

Вопрос об уральском субстрате в топонимии Урало-Поволжья до сих пор окончательно не решен. Существенными причинами этого являются как недостаточная и крайне неравномерная изученность этнокультурных взаимосвязей финно-угров и самодийцев, так и сложность решения самой проблемы этногенеза уралоязычных народов, имеющих наряду с общими чертами весьма значительные расхождения, возникновение которых было обусловлено их территориальной разобщенностью, тесным общением с неродственными народами и родоплеменными группами, влиянием различных древних субстратов на диалекты, а также последующей дивергенцией в процессе самостоятельной эволюции этих народов. Решение вопроса затрудняется еще и тем, что этнический состав Урало-Поволжья достаточно разнообразен не только в антропологическом, но и в языковом отношении.

Сложность проблемы этногенеза народов уральской расы дала основание для различных предположений, как правило, недостаточно убедительных, не вполне достоверных и даже явно ошибочных. Безусловно, новые гипотезы об этногенезе финно-угров и самодийцев интересны для уралоистики, но эти гипотезы следует строить с учетом широкого круга научных сведений различных социальных дисциплин (этнологии и археологии, социальной и культурной антропологии, лингвистики и фольклористики, демографии и социологии), а не сводить лишь к субъективным домыслам. В свете высказанных соображений уместно привести пространный отрывок из книги известного историка и географа Л. Н. Гумилева «Тысячелетие вокруг Каспия», посвященной этнологическому исследованию ойкумены Евразии за 1 500 лет — с III в. до н. э. по XII в. н. э. В ней говорится: «...большинство

© А. Н. Куклин, 2008

северных народов Восточной Европы имеют два раздела: финский — древний и угорский — пришлый. Мордва: эрзя — финны, мокша — угры. Мари: горные черемисы — финны, луговые — угры. “Чудь белоглазая” — финны, Чудь Заволоцкая — угры (Чудь Заволоцкая, или Великая Пермь, — Биармия скандинавских саг).

Видимо, южным этносом были лопари, сменившие свой древний язык на финский. Язык, поскольку он является средством общения, бесписьменные этносы меняют легко и часто. Передвигаться же по тундре с востока на запад, на Кольский полуостров и в Северную Норвегию, было и тогда несложно.

И, наконец, в этногенезе чуваш принимали участие местные финно-угорские и тюркские племена. Поскольку чувашский язык принадлежит к наиболее архаичным тюркским языкам, сопоставление его с гуннским правдоподобно.

Заметим, что все перечисленные этносы живут около Волги и ее притоков или поблизости от них. Значит, именно Волга, замерзающая зимой, была дорогой угров и гуннов на север. Ту же роль в Зауралье играли Обь и Енисей. Угро-самодийцы обрели новую родину, заменив собой древние циркумполярные этносы, от которых сохранился только один реликт — кеты.

В предлагаемой реконструкции гипотетична только дата переселения — III—IV вв. Она является выводом дедуктивным, т. е. предлагается на базе изучения всей климатической и этнической истории. Действительно, ни до, ни после этой даты не было ни мотивов, ни возможностей для столь большой миграции¹.

Разумеется, в рассуждениях Л. Н. Гумилева много мистификации и они ни в коей мере не согласуются с идеей формирования отдельных языков и их диалектов в ходе дивергентного процесса. При этом, однако, следует уточнить, что совокупность интегрирующих и дифференцирующих свойств этноса, а также этнические процессы, которые Ю. В. Бромлей делит на «этноэволюционные» и «этнотрансформационные»², не могут рассматриваться без учета лингвистических данных, а они в работе Л. Н. Гумилева вовсе отсутствуют. Что касается этнических процессов Урало-Поволжья, то они были весьма сложными³. Поэтому в его ономастиконе наряду с автохтонными топонимами встречаются разноязычные вкрапления, нередко даже экзотические, смысловые содержания которых на материалах современных языков народов Урало-Поволжья не поддаются объяснению.

Особого внимания заслуживают древние топонимы, анализ которых, как справедливо подчеркивает А. П. Дульзон, чрезвычайно затруднен тем, что они в современном своем виде представляют собой не просто результат различных напластований или наслоений на некое древнее ядро, которое возможно было бы найти, сняв эти напластования, древние топонимы нередко полностью модифицировали свой облик вследствие ряда сложнейших изменений: путем отсечения тех или иных частей, скращения данного слова с другими инородными (гибридизация), путем субституции звуков первоначального языка звуками последующего, путем новой

морфологизации слова в соответствии со строем нового языка, сменившего предыдущий, путем более или менее полного переосмысления старого названия в целом или отдельных его частей, что неизменно влечет за собой те или иные внешние изменения...⁴

К разряду реликтовых географических названий Урало-Поволжья относятся топонимы угро-самодийского происхождения, представляющие собой загадку, разгадка которой закодирована многовековыми изменениями их фонетического облика и значительными преобразованиями смыслового содержания. Вопрос об угорском субстрате в топонимии Урало-Поволжья не является чем-то абсолютно новым. Он привлекает внимание лингвистов с давних пор⁵. Причем неоднократно предпринимавшиеся попытки отдельных ученых определить угорские элементы в топонимиконе северной и средней полосы Восточной Европы последующими исследователями оценивались скептически или же вообще опровергались.

Что касается вопроса о самодийском субстрате в названиях местностей Восточной Европы, то он в лингвистической науке прямо не ставился. Однако отдельные исследователи, осмысливая происхождение древних гидронимов Урало-Поволжья, в частности названий речных объектов Республики Марий Эл, не обошлись без фрагментных экскурсов в область самодийских языковых данных⁶.

Первым из исследователей, высказавшим мысль об угорской топонимии в северной и средней полосе России и пытавшимся обосновать ее конкретными примерами, был Д. Европеус. Так, в своей статье «Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія славянъ» он выразился так: «Въ теченіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ я имѣлъ случай заниматься сравнительнымъ изученіемъ языковъ финско-венгерскихъ, при чемъ убѣдился, что эти до-русскія названія мѣстностей, встрѣчающіяся въ сѣверной и средней Россіи отъ Ледовитаго океана до рѣки Оки и до городовъ Витебска и Полоцка, большею частью югорскаго или угорскаго происхожденія, т. е., принадлежать языку прадрѣдовъ нынѣшнихъ Венгровъ, или Мадьяровъ, Вогуличей и Остяковъ»⁷.

Как явствует из высказывания Д. Европеуса, вопрос о западной, южной и северной границах угорской топонимии был поставлен лишь им, он и пытался определить их в самом общем виде. Одна из важных задач, стоявшая перед исследователем, — вычленение из структуры топонимов однотипных окончаний, присущих, по его мнению, угорским языкам, и объяснение семантики топоосновы. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры: исходной формой речного названия *Вычегада* Д. Европеус считает композиту *Вытшагет*, где *выт* — ‘вода’, *шагет* — ‘рукав’, т. е. водяной рукав; приток, изобилующий водой. Гидроним *Вологда* возводится им к форме *Водшагет*, что означает ‘зверь-приток’. К окончаниям, ярко проявляющим свою продуктивность в гидронимообразовании, как он замечает, относятся *-егда*, *-огда* (*Вычегада*, *Печегада*, *Вологда*, *Судогда*) с вариантами *тагет* (в хантый-

ском), *тагил*, *тагул* (в мансийском), восходящими к древнеугорскому *таит*, образованному из более древнего *шагет*, *шагеш* 'рукав'; *-шера* (*Вышера*, *Нившера*); *-енга* (*Лапшенга*, *Мехренга*, *Нименга*) и др. Другой существенной задачей исследования угорских следов в топонимии Восточной Европы было, видимо, вычленение по возможности всех примеров угорского типа. Так, названий рек с окончанием *-енга* в Северной России насчитывается 339, в Финляндии — 162⁸.

Заметим, что указанная работа Д. Европеуса в сжатой форме охарактеризована А. В. Поповым в статье «К вопросу о хорографии и палеоэтнографии Иркутской губернии»⁹. Под иным углом зрения ее рассматривает А. И. Туркин в тезисах доклада «Топонимика Севера России в трудах финно-угроведов XIX — начала XX в.», отмечая, что «нельзя отрицать существования в севернорусской топонимике как угорского, так и других пластов уральского типа»¹⁰.

Кроме вышеупомянутой статьи А. В. Попов анализирует еще две работы Д. Европеуса: «О курганных раскопках около погоста Бѣжецъ» (Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Декабрь) и «Объ угорском народѣ, обитавшемъ в средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и в сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшних ихъ жителей» (СПб., 1874). Сосредоточивая внимание на основном содержании работ, А. В. Попов замечает, что в первой из них Д. Европеус снова подтверждает принадлежность к угорскому языку окончаний *-уга*, *-юга*, *-ого*, *-его* и явное сходство с ними финских: речка — *joku*, саам. *joga*, хант. *jeaga*, *joga*, манс. *je*, *ja*, коми-зыр. *ju*; во второй приводится список 36 угорских окончаний названий местностей в Финляндии, в северной и средней полосе России¹¹.

Не отрицая в целом сущности постулируемой Д. Европеусом тезы, заметим, что географические названия средней и северной полосы Восточной Европы рассматриваются им исключительно сквозь призму угорских языков. Что же касается охвата лингвистических данных языков финской ветви, то он сведен к минимуму, а элементы, имеющие параллели в самодийских языках, вовсе упускаются из виду. Так, например, компонент *-енга* в гидронимах *Печенга*, *Услепенга*, *Печеиенгъ* возводится Д. Европеусом к угорским источникам. По его мнению, «Печеиенгъ значить по-остяцки сосна-вода = сосновая вода, а также и просто *печенгъ* по-остяцки и по-вогульски значит сосновая»¹². В северной полосе России он насчитал 11 гидрообъектов с таким названием. Правда, в работе «Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшних ихъ жителей» автор уверенно сообщает о наличии 15 рек с названием *Печенга*, из них 14 находятся в разных местах северной России, а одна — в северо-западной Финляндии.

К сказанному в порядке уточнения следует добавить, что реки с аналогичным названием встречаются также в Восточной Сибири и даже в Дальнем Востоке, ср., например: *Печенга* — один из притоков Енисейского Пита, а также средний приток Алдана¹³.

Таким образом, надо полагать, что гидролексема *-енга/-еньга* представляет собой прафинно-угорский архаизм, унаследованный из эпохи диалектного развития уральского языка-основы, имевшего непосредственные контакты с диалектами тунгусо-маньчжурских языков. Поэтому в гидролексеме *-енга/-еньга* сибирских названий рек вполне допустимо видеть эвенкийское (тунгусское) *йенѣ* 'большая река; исток реки' и селькупское *-га/*-ка* 'река'¹⁴. Уместно привести одно любопытное высказывание А. П. Дульзона: «Предшественниками кетов на нынешних местах их жительства (на Елогуе и Курейке — притоках Енисея. — А. К.) были эвенки, а частью селькупы, что и отразилось в топонимике. Наряду с кетами на Курейке до сих пор проживают эвенки и селькупы, нередки браки между ними»¹⁵.

Необходимо, однако, помнить, что интерпретация географического названия на основе лишь внешних звуковых соответствий с данными какого-то определенного языка, не имеющего, быть может, никакого отношения к его возникновению, всегда оставалась далекой от реальной действительности, т. е. искусственной, а потому и малоубедительной. Все это еще раз говорит о том, что анализ даже частных фрагментов, таящихся в семантической плоскости и морфологической структуре реликтового названия, должен учитывать исторические и регионально-этнические обстоятельства, а также результаты влияния языка-субстрата.

Что касается этноисторических процессов Севера Восточной Европы, то они весьма напоминают этнические процессы Урало-Поволжья. Так, Л. Н. Жеребцов в «Кратком очерке этнической истории древнейшего населения бассейнов Вычегды и Печоры», ссылаясь на выводы археологических исследований, подчеркивает, что в пределах указанного ареала в период позднего неолита прошли две волны заселения: первая была из Прикамья, вторая — из более дальнего района, из Волго-Окского междуречья. Признавая справедливость такой оценки, он замечает, что Б. А. Серебренников топонимические названия бассейнов Печоры и Вычегды на *-ым*, *-им*, *-ум* относит к «западносибирским», предполагая вторжение их носителей из-за Урала. Вместе с тем этническая принадлежность западносибирского населения Б. А. Серебренниковым не указана. В этом отношении, как далее отмечает Л. Н. Жеребцов, показательна работа А. К. Матвеева, считающего указанную топонимику дообскоугорской и допускающего возможность обитания к северу от предков финно-угров палеосибирских племен (палеосибирским называет дообскоугорское население Зауралья и Западной Сибири А. П. Дульзон), языки которых могли быть в какой-то степени родственны древним уральским)¹⁶. Здесь следует, однако, уточнить, что языковая принадлежность дообскоугорской гидронимии, как подчеркивает А. К. Матвеев, пока не установлена; она может восходить к уральским языкам, так как типологически дообскоугорская гидронимия не отличается от уральских (финно-угро-самодийских) топонимов, но допустимо также, что она связана с неизвестными нам неураль-

скими языками палеосибирского происхождения¹⁷.

А. К. Матвеев придерживается и другого мнения. В одной из своих статей он сообщает: «Если рассматривать возможность обитания угров на Русском Севере в принципе, так сказать, теоретически, то, конечно, эту версию совершенно исключить нельзя, но если на Севере и были угры, то не обские, а какие-то особые, впоследствии полностью вымершие»¹⁸. По словам автора, мнение о том, что места бывшего обитания манси находились к западу от Урала, о чем довольно решительно писали А. Канисто¹⁹ и А. Ф. Теплоухов²⁰, не подтверждается фактами.

Заметим, что следы угров на Западном Урале, Верхней Каме, Верхней Вычегде, Чепце и Среднем Прикамье отмечаются и в других работах, выполненных в последние десятилетия²¹, которые, однако, остались вне поля зрения А. К. Матвеева.

К точке зрения лингвистов и археологов в определенной степени примыкают и высказывания коми-фольклориста А. К. Микушева, обратившего внимание на то, что бассейн Вятки и Камы некогда был колыбелью и прапермян, и праугров: после отделения венгров от восточных угров в I тысячелетии до н. э. последние еще длительное время оставались в Прикамье и только в XII—XIV вв. окончательно переселились с западных склонов Урала в Западную Сибирь, сохранив, однако, историко-культурные контакты с пермьянами. Развивая мысли лингвистов, А. К. Микушев справедливо замечает, что в пермско-угорских языковых контактах четко выделяются два пласта (древний, восходящий к периоду соседства пермян и угров на западных склонах Урала, — до X—XV вв.; более поздний, датируемый временем переселения угров на Обь, — XVI—XIX вв.), которые подтверждаются и исследованиями фольклористов. Так, архаический, или древний, пласт представлен, во-первых, угорскими героическими военными сказаниями, медвежьими песнями и так называемыми импровизационными «песнями судьбы», а во-вторых, пермским родоплеменным эпосом о Кудым-Оше, о младшем вымском богатыре и чудовище с Шомвуквы, о Медвежонке-батыре и ижемскими лиро-эпическими песнями-импровизациями автобиографического характера. Второй по времени пласт образуют сравнительно более поздние эпические песни и сказания о Кироне, Пере-богатыре, Идне-батыре. По мнению А. К. Микушева, близок к ним, несмотря на свои архаические истоки, севернокоми-ижмоколвинский эпос, возникший в XVI—XIX вв. на пересечении угро-самодийско-пермских фольклорных традиций²².

Как явствует из вышеизложенного, имеется достаточно оснований для того, чтобы говорить о наличии угорских топонимов к западу от Урала. Что касается географических названий Урало-Поволжья, то некоторые из них объясняются лишь на материалах угорских языков²³. Кроме того, в отдельных названиях наряду с угорскими усматриваются и самодийские лексические элементы. Поэтому следует полагать, что в их сложении определенную роль сыграл самодийский языковой субстрат. Так, название рек Большой и Малой Юнги — мар. *Кого Йы-*

гы и *Арйы-гы*, — впадающих с правой стороны в Волгу на территории Горномарийского района Марий Эл, обычно отождествляют с хант. *йынк* 'вода'²⁴, ср. манс. *вить* 'вода'²⁵. Однако, судя по семантике и внешнему сходству, это название генетически более совместимо с нен. *юнко* 'речка', 'короткая протока', что позволяет сделать вывод об уральском его происхождении²⁶.

Достоверность интерпретации топонима зависит от того, насколько точно определена языковая реальность прошлого на культурно-историческом фоне исследуемого региона. Причем процедура семантической реконструкции лексемы значительно облегчается благодаря общему объему информации, почерпнутой из различных источников (археологических, этнографических, фольклорных и иных), которые нередко могут указать исследователю прямой путь к истине (как к относительной, так и к абсолютной).

Практика этимологических изысканий свидетельствует и о том, что семантическая реконструкция реликтовой лексемы становится гораздо менее убедительной или даже ошибочной, если игнорируется реальная историко-культурная ретроспектива употребления слова и сужается круг сопоставляемых лексем. Несоблюдение исторической перспективы в определении генетических истоков тополексем, воссоздании ее стертой исходной семантики и интерпретации современного ее функционирования в топонимической системе Урало-Поволжья, как правило, ведет исследователя к анахронизмам и даже к выводам, которые никак не согласуются со сполной лингвистической картиной прошлого региона. Более того, недоразумение здесь вызывают попытки отдельных исследователей игнорировать уральский субстрат или проецировать в финно-пермское языковое состояние элементы лексической системы самодийских языков.

Сказанное можно проиллюстрировать конкретными примерами. Так, отгидронимный ойконим *Шор-Уньжа* (мар. *Унчо*) Д. Е. Казанцев считает пермским по происхождению. В связи с этим препозитивный компонент ойконима им справедливо сопоставляется с коми-зыр. *шор* и удм. *щур* 'ручей'. Что касается второго компонента, то в нем легко угадывается коми-зыр. *удж* 'нельма' (ср. манс. *уни* 'нельма' — ценная промысловая рыба северных рек и морей семейства лососевых). При этом автор обращает внимание на неслучайность сопоставления, рассматривая соответствие мар. инлаутного сочетания *-нч-* коми-зыр. *-дж-* в генетически связанных словах: мар. *вончаш* 'переходить', коми-зыр. *вуджны* 'переправиться, перейти', мар. *йончаш* 'сочиться, просачиваться', коми-зыр. *йиджны* 'всасываться, впитаться; просачиваться'²⁷.

Однако, имея в виду неоднородность рефлексации финно-угорского консонантного сочетания *-лс-* в марийском и коми языках, трудно предположить в этом процессе строго закономерное явление. К сказанному следует добавить, что изменение **-лс-* в коми языке в большинстве случаев сопровождалось дизерезой сонанта *л* с последующим озвончением аффрикаты *с̣*. В определенном круге слов инновационная аффриката *с̣* вследствие утраты аффрицирующего (смычного) элемента преврати-

лась в $\dot{\text{z}}$.

На почве марийского языка изменение инлаутного сочетания $*\text{-л}\dot{\text{z}}$ происходило в двух основных направлениях: 1) упрощение его до одинарного звука вследствие устранения сонанта l ; 2) озвончение аффрикаты под действием контактной прогрессивной ассимиляции — характерное явление для многих диалектов. Ср., например: мар. $\text{к}\dot{\text{z}}$, коми гыж , морд. кенже 'ноготь'; ф.-у. $\text{šep}\dot{\text{z}}$ 'утка' > коми $\text{ч}^{\circ}\text{ж}$, диал. $\text{še}\dot{\text{z}}$, эрзя-морд. шенже 'дикая утка'²⁸; ф.-у. $*\text{rap}\dot{\text{z}}\text{-}/*\text{ra}\dot{\text{z}}\text{-}$ 'открывать, отворять' > марГ пачаш , марЛ почаш , эрзя-морд. панжомс , мокша-морд. панжемс 'открыть', хант. $\text{rip}\dot{\text{z}}$ ²⁹; мар. вонч ($\text{wop}\dot{\text{z}}$ -) 'переходить', 'переезжать', коми-зыр. вудж ($\text{vu}\dot{\text{z}}$)³⁰; морк.-серн. $\text{п}\dot{\text{f}}\text{н}^{\circ}\text{ч}^{\circ}$, $\text{п}\dot{\text{f}}^{\circ}\text{н}^{\circ}\text{д}^{\circ}\text{ж}^{\circ}$, КУ, волж. $\text{п}\dot{\text{f}}\text{н}^{\circ}\text{д}^{\circ}\text{ж}^{\circ}$, марГ $\text{п}\dot{\text{f}}\text{нж}^{\circ}$, коми-зыр. $\text{пож}^{\circ}\text{м}$ 'сосна' < урал. $*\text{rep}\dot{\text{z}}\dot{\text{a}}/\text{re}\dot{\text{z}}\dot{\text{a}}$ 'сосна'³¹.

Приведенные примеры лишней раз убеждают в неправомерности сопоставления генетически не связанных друг с другом лексем *Уньжа* (*Унчо*) и коми-зыр. *удж* 'нельма'. Между тем ключ к установлению происхождения гидронима *Уньжа* дают его западносибирские двойники, ср., например, названия небольших рек на территории проживания селькупов: *Унжа*, р., левый приток р. Каилки; *Квенал-унжа*, р., правый приток р. Пайдугина; *Пуныл-ундж*, р., левый приток р. Чижакки, где модифицированное русским языком слово *унжа* восходит к селькупскому *унджь* 'ручей, речка'³². По наблюдениям Э. Г. Беккер, в карасинском диалекте селькупского языка оно бытует в форме *унджа*, у тымских селькупов — *унджь*³³. Судя по приведенным материалам, гидроним *Уньжа* (мар. *Унчо*), безусловно, имеет генетические связи с селькупским словом, что свидетельствует о его архаичном, субстратном характере.

Между тем для воссоздания лингвистической реальности, в условиях которой возник топоним *Шор-Уньжа* (Моркинский р-н Марий Эл), значительный интерес представляют сведения о Шоруньжинском могильнике, к сожалению, недостаточно систематизированные. Так, руководствуясь соображениями археолога Г. А. Архипова, Д. Е. Казанцев утверждает, что по типам азелинских вещей от него существенно не отличается Младший Ахмыловский могильник (V—VII вв. н. э.), расположенный недалеко от устья Ветлуги. Исходя из этого, он относит Шоруньжинский могильник к числу азелинских памятников³⁴.

Однако данный вывод является неправомерным. Этому противоречит в первую очередь то обстоятельство, что Младший Ахмыловский могильник, как замечает Г. А. Архипов, имеет много отличительных признаков, в частности три разнокультурных комплекса вещей. На этом фоне конкретизирующим представляется следующее высказывание ученого: «Азелинцы, по-видимому, имели значительную примесь угорских племен, что выражается в наличии керамики с рамчатым (решетчатым) штампом»³⁵. Наконец, говоря об азелинцах, нельзя не упомянуть еще одну работу Г. А. Архипова, содержащую полярно противоположный вывод о том, что «материальная культура азелинцев определяется чисто прикамской

без примеси других культур финно-угорских племен»³⁶. В связи с этим нелишне отметить, что специалистом по средневековой археологии удмуртов М. Г. Ивановой («памятники азелинской и мазунинской культур рассматриваются в рамках пьяноборской и худяковской культур»³⁷.

В силу изложенного представляется, что к настоящему времени в археологических исследованиях накопилась довольно значительная совокупность противоречий, побуждающих серьезно усомниться в правильности установления этнической идентификации многих памятников Урало-Поволжья и их исторической интерпретации. В контексте вышесказанного следует отметить две Шоруньжинские стоянки, открытые В. В. Никитиным в 1988 г., которые охарактеризованы им как памятники эпохи мезолита³⁸.

Как показывают археологические изыскания последних лет, памятники периода мезолита занимают обширную территорию Урало-Поволжья. Так, К. Э. Истомин, рассматривая ареал бытования памятников камской мезолитической культуры, указывает, что он занимает бассейн Вятки, достигая на западе правобережья Волги (Долгополянское 2 местонахождение), его восточной границей являются западные склоны Уральского хребта, северной — Камско-Вятский водораздел, а на юге он охватывает долину р. Камы и приустьевые части ее левых притоков. Происхождение камской культуры К. Э. Истомин склонен связывать с зауральским субстратом, акцентируя при этом то, что памятники с аналогичным типом инвентаря (микролитическим), имеющим более древний облик, распространены в районах Среднего Зауралья и Западной Сибири³⁹.

Следует, кстати, отметить, что определением этнической принадлежности Шоруньжинских стоянок никто не занимался. Вероятнее всего, они были стоянками самодийских племен. В пользу такого предположения свидетельствует прежде всего реликтовая гидрорексема *Уньжа* (*Унчо*), имеющая, как указано выше, аналогию в селькупском языке. Позднее самодийцы, видимо, были ассимилированы пермскими племенами. По существу эта версия подтверждается топонимом *Шор*, ср. общеперм. $\dot{\text{z}}\text{or}$ 'ручей, поток, течение, река'. Диалекты удмуртского языка свидетельствуют о сужении общеперм. $*\text{o} > \text{u}$, ср. удм. $\dot{\text{z}}\text{ur}$ 'большая река; речка, ручеек'⁴⁰.

Сопоставление гидронима *Уньжа* (*Унчо*) с селькупским словом *унджа* 'ручей, речка' будет предельно ясным, если его подкрепить конкретными примерами, без претензий на исчерпанность и полноту охвата лексического материала, восходящего к достаточно глубокой древности марийского и селькупского языков. Причем масштаб сравниваемого материала из-за отсутствия письменных памятников и селькупских диалектизмов ограничивается словами литературных языков, имеющих сходный облик и равнозначную или близкую содержательную сторону. Для констатации лексических соответствий привлекается наиболее надежный сравнительно-генетический материал. К числу таковых Г. А. Климов в своей книге «Основы лингвистической компаративистики»

относит категории словаря, отражающие более или менее универсальные для человеческого общества понятия, составляющие так называемый основной лексический фонд — патронимику: обозначения явлений природы, названия элементов дикой флоры и фауны, личные местоимения, обозначения элементарных действий и т. п., кроме дескриптивной, т. е. звукоподражательной и звуко-косимволической, лексики и культурного словаря⁴¹.

Примеры:

Селькупские лексемы

(приводятся по словарю С. И. Ирикова⁴²)

илы 'жизнь'
сома илы 'хорошая жизнь'
кун ила 'где живет?'
копы 'кожа'
**отар*а* 'кашлять'
лять
**ошты* 'вредно'

кэпы 'тело'
куннены? 'откуда?'
куда?'
кырый 'раненый'
тый'
кыта 'муравей'
кэря 'ворон'
**амталть*а* 'опрокинуть'
'опрокинуть,
(лодку, нарту)'

кумыкталташ
'опрокинуться, перевер-
нуться вверх дном'
**элын үр* 'рыбий жир'
**я* 'береза'
кярыс 'коршун'
лэ 'кость, скелет'
лыптык 'ткань'
ме 'мы'
орса меркы 'сильный ветер'

пеляк 'сторона'

роне'
по 'дерево; дрова'
сичи 'уголь'
сажа
сей 'шея'
турий 'край (чего-либо)'
тымты 'здесь'
туты 'карась'
чапа 'капать'

Марийские слова

илыш 'жизнь'
сай илыш 'хорошая жизнь'
кушто ила? 'где живет?'
коваште 'кожа'
кыкыраш 'каш-

коштан 'злой, безжалост-

ный, жестокий'; волж.

'вредный'

кап 'тело'

кушеч(-ын)? 'от-

кыралтше 'битый, избив-

кутко 'муравей'

корак 'ворона'

кумыкташ

перевернуть вверх

дном',

кол үй 'рыбий жир'

куэ 'береза'

курныж 'коршун'

лу 'кость'

лачык 'поскуток ткани'

ме 'мы'

озыркан мардеж

'свирепый ветер'

вел 'сторона'

пелне 'в сто-

пу 'дрова'

шүч 'копоть,

шүй 'шея'

түр 'край (чего-либо)'

тыште 'здесь'

тото 'лечь'

чываш (волж.) 'капать'.
 Исторически это слово
 восходит, видимо,

к звукоподража-

нию.

Если анализировать марийский и селькупский языки в объеме всех их диалектов, то круг лексических соответствий можно значительно расширить. Однако даже самый беглый взгляд на вышеприведенные примеры не может исключить предположения об общем их происхождении.

Дополнительной иллюстрацией к данному положению служат результаты одонтологических обследований народов уральской расы. Так, по редукции гипоконуса на вторых молярах *-hur* (3+3) N³ сближаются луговые мари (64,5), манси (67,7), селькупы (68,2) и саами Финляндии (69,9). У горных мари этот признак равен 60,2. По бугорку Карабелли на первых верхних молярах *-cara* (2-5) M¹ горные мари (35,5) сближаются с манси (35,2), а луговые мари (46,7) — с удмуртами центральными (45,5). По шестибугорковым формам первых нижних моляров — M¹⁶ луговые мари (5,5) сближаются с хантами (6,2), коми-пермяками (6,4) и селькупками (6,4). По дистальному гребню тригонида (*dtc*) весьма близко друг к другу стоят горные мари (13,8), луговые мари (18,2) и селькупы (16,1). Коленчатая складка метаконида (*dw*) у горных мари — 26,3; саами Финляндии — 31,3; саами кольских — 32,7; луговых мари — 40,0; селькупов — 50,0. У остальных групп уральской популяции этот признак значительно ниже: у удмуртов — 14,8, манси — 17,1, хантов — 15,7⁴³.

Согласно предположениям И. И. Бунака, «одним из типов, вошедших в весьма давнее время в состав черемисского народа, был тот тип (уральский. — А. К.), который до сих пор выступает в виде следов в ряду финских народностей и существует в достаточно чистом виде среди вогулов». «Из прочих типов,— подчеркивает в этой связи В. В. Бунак, — присутствие которых можно было бы подозревать среди черемис, на первом месте стоит так называемый тюркский, сильно брахицефальный, гипсицефальный, очень широколицый, коренастый, сильный тип, а также близкий к тюркскому в некоторых признаках самоедский тип»⁴⁴.

Все это свидетельствует о сложных этногенетических процессах народов уральской расы. Поэтому совершенно неосновательно рассматривать созданную топонимическую систему Урало-Поволжья как результат творчества только лишь ныне проживающих там народов, игнорируя тем самым ее хронологические срезы и факты воздействия на ее формирование субстратных, суперстратных и иных явлений. Между тем этимолог, пренебрегающий общепризнанной хронологией реалий и понятий, не только не вносит определенную ясность в спорные вопросы этно- и глотогенеза уралоязычных народов Поволжья и Приуралья, но и создает значительную путаницу в их решении. На самом деле этимологическая интерпретация гидронимов Урало-Поволжья невозможна без широких диахронных и синхронных сопоставлений, без учета временных и пространственных рамок уральских языков.

значительном и многообразном по характеру материале, поэтому вопрос об их происхождении остается пока открытым.

При сопоставительном картографировании названных речных объектов Урало-Поволжья выясняется, что некоторые из них имеют параллели в Западной Сибири. Ниже приведены примеры таких гидронимов-двойников (в качестве иллюстрации приводятся названия средних и небольших речных объектов, взятые из различных источников).

Биография указанных гидронимов заслуживает специального лингвистического исследования на весьма

Западная Сибирь

Буй, р., один из истоков р. Шакши, лев. приток р. Болгу — бассейн р. Лебеди.

Пуу, р., лев. приток р. Бии.

Ик, р., прав. приток р. Берди — Новосибирск. обл.

Ик Черный, р., лев. приток р. Тобол — Запад. Сиб.

Ик, р., лев. приток р. Оши — бассейн р. Иртыш.

См. также **Ик**, р., впадающая в озеро Зайсан, — Казахстан.

Икса, р., лев. приток р. Чаи — Томск. обл.

Икса, р., прав. приток р. Оби — Новосибирск. обл.

См. также **Икса**, р., лев. приток р. Тавды — Свердлов. обл.

Икса, р. в бассейне Мезени.

Кинер, р., лев. приток р. Кондомы — Кемеровск. обл.

Кукша, рч., лев. приток р. Томи.

Она, р., приток р. Уды — Селенги.

Она, р., прав. приток р. Абакан.

Р. **Бирюса** (бассейн Ангары) в нижнем течении носит название **Она**.

Ср. также **Она**, р., прав. приток р. Мезени.

Сума, р., приток р. Чулым.

Уса, р., прав. приток р. Томи.

Шегарка, р., лев. приток р. Оби.

Большая Шора, р., лев. приток р. Томи.

Малая Шора, р., лев. приток р. Большой Шоры.

Урало-Поволжье

Буй, р., прав. приток р. Вятки — Кировск. обл., Марий Эл. **Буй**, р. в Уфимской провинции, впадает в р. Белую с правой стороны, другая — в р. Каму, выше р. Белой. Ср. мар. название р. Буй — Пу.

Ик, р., лев. приток р. Камы — Татарстан.

Ик, р., прав. приток р. Ая — Белокатайск. р-н Башкирии.

Ик, р., прав. приток р. Киги — Кигск. р-н Башкирии.

Ик, рч., прав. приток р. Яйвы — Пермск. обл.

Ир-Икса, р., прав. приток р. Большой Кокшаги — Марий Эл.

Икша, рч., лев. приток р. Ветлуги.

Кинер, р. в Малмыжск. р-не Кировск. обл.

Кинѣр (Кинер), р. в Арск. р-не Татарстана.

Кукша, рч., лев. приток р. Рутки.

Она, р., лев. приток р. Лаж — Марий Эл.

Она, р., лев. приток р. Немды — Марий Эл.

Сумка, р., прав. приток р. Волги — Марий Эл.

Сумка, рч., приток р. Волги — Звениговск. р-н Марий Эл.

Уса, рч. — Мамадышск. уезд. Казанск. губ.

Шугарка, р., лев. приток р. Юшут — Марий Эл.

Шора, р., лев. приток р. Илети — Марий Эл, Татарстан.

Шора, р., прав. приток р. Юшут — Марий Эл.

Сокращения

волж. — волжский говор марийского языка; **диал.** — диалектное слово; **коми-зыр.** — коми-зырянский язык; **КУ** — красноуфимский говор марийского языка; **манс.** — мансийский язык; **мар.** — марийский язык; **марГ** — горное наречие марийского языка; **марЛ** — луговое наречие марийского языка; **морд.** — мордовские языки; **морк.-серн.** — моркинско-сернурский говор марийского языка; **нен.** — ненецкий язык; **общеперм.** — общепермский язык-основа; **саам.** — саамский язык; **сельк.** — селькупский язык; **удм.** — удмуртский язык; **урал.** — уральский язык-основа; **ф.-у.** — финно-угорский язык-основа; **хант.** — хантыйский язык.

Ключевые слова: топонимия, Урало-Поволжье, этногенез, финно-угры, самодийцы, уральская раса.

Примечания

- ¹ Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1991. С. 102—103.
- ² Бромлей Ю. В. К типологизации этнических процессов // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 5.
- ³ Куклин А. Н. К вопросу об этимологизации Волго-Камского гидроформанта -га // *Linguistica Uralica*. Tallinn, 1995. 31, № 2. С. 86.
- ⁴ Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та. Сер. физ.-мат. и естеств.-геогр. наук. Томск, 1950. Т. 6. С. 175.
- ⁵ Куклин А. Н. Угорские элементы в топонимии Марийской АССР // *Congressus septimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. 3 *Sessiones sectionum*, *Linguistica*. Debrecen, 1990. S. 118—123.
- ⁶ Галкин И. С. Кто и почему так называл : рассказы о географических названиях Марийского края. Йошкар-Ола, 1991.
- ⁷ Европеусъ Д. Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія славянъ // *Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія*. СПб., 1868. Ч. 139. Июль мѣсяць. С. 58.
- ⁸ Там же. С. 58—71.
- ⁹ Попов А. В. К вопросу о хорографии и палеоэтнографии Иркутской губернии // *Очерки по земледоведению и экономике Восточной Сибири*. Иркутск, 1926. Т. 49, вып. 2. С. 131—132.
- ¹⁰ Туркин А. И. Топонимика Севера России в трудах финно-угроведов XIX — начала XX вв. // *История топонимики в СССР : тез. докл. М., 1967*. С. 26.
- ¹¹ Попов А. В. К вопросу о хорографии... С. 132.
- ¹² Европеусъ Д. К вопросу о народахъ... С. 62.
- ¹³ Мурзаев Э. М. *Очерки топонимики*. М., 1974. С. 191.
- ¹⁴ Куклин А. Н. К вопросу об этимологизации гидронимов на -енга/-еньга // *Linguistica Uralica*. Tallinn, 1995. 31, № 3. С. 190.
- ¹⁵ Дульзон А. П. Былое расселение кетов по данным топонимики // *Вопросы географии: Географические названия*. М., 1962. Сб. 58. С. 64.
- ¹⁶ Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X — начало XX в. М., 1982. С. 19—21.
- ¹⁷ Матвеев А. К. Древнеуральская топонимика и ее происхождение // *Вопросы археологии Урала*. Вып. 1. Второе Урал. археол. совещ. при Урал. ун-те, 1—7 февраля 1961 г. Итоги и проблемы изучения археологии Урала. Свердловск, 1961. С. 135—136.
- ¹⁸ Матвеев А. К. К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии // *Ономастика Европейского Севера СССР*. Мурманск, 1982. С. 49.
- ¹⁹ Kannisto A. Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. Helsinki, 1927. 18. S. 57—89.
- ²⁰ Теплоухов А. Ф. О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // *Учен. зап. Т. 12, вып. 1. Тр. Кам. археол. экспедиции*. Пермь, 1960. Вып. 3. С. 81—112.
- ²¹ Вишневский Б. Н. Следы угров на Западном Урале // Там же С. 155—169; *Основы финно-угорского языкознания : Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков*. М., 1974. С. 275—277; Теплоухов А. Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая сме-
- на его пермским и русским народами // *Зап. Урал. о-ва любителей естествознания*. Свердловск, 1924. Т. 39. С. 270—274.
- ²² Микушев А. К. Историко-культурные взаимосвязи пермских народов // *Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка)*. Ижевск, 1981. С. 7—8.
- ²³ Куклин А. Н. Угорские элементы в топонимии Марийской АССР. С. 120—123.
- ²⁴ Галкин И. С. Кто и почему так называл. С. 146.
- ²⁵ Кузакова Е. А. *Словарь манси (восточный диалект)*. М., 1994. С. 47.
- ²⁶ Куклин А. Н. К вопросу об этимологизации... С. 96.
- ²⁷ Казанцев Д. Е. *Формирование диалектов марийского языка (в связи с происхождением марийцев)*. Йошкар-Ола, 1985. С. 39.
- ²⁸ *Основы финно-угорского языкознания*. С. 417.
- ²⁹ Там же. С. 418.
- ³⁰ Там же. С. 145.
- ³¹ Терентьев В. А. *Ностратические этимологии // Этимология 1977*. М., 1977. С. 160.
- ³² Беккер Э. Г. О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири // *Языки и топонимия Сибири*. Томск, 1970. Вып. 2. С. 16—18.
- ³³ Беккер Э. Г. О некоторых селькупских географических терминах // Там же. Вып. 3. С. 10.
- ³⁴ Казанцев Д. Е. *Формирование диалектов марийского языка...* С. 39.
- ³⁵ Архипов Г. А. Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н. э.) // *Происхождение марийского народа : материалы науч. сессии, проведенной Мар. науч.-исслед. ин-том языка, литературы и истории (23—25 декабря 1965 г.)*. Йошкар-Ола, 1967. С. 48.
- ³⁶ Архипов Г. А. *Марийский край в памятниках археологии*. Йошкар-Ола, 1976. С. 106.
- ³⁷ Иванова М. Г. *Истоки удмуртского народа : учеб. пособие*. Ижевск, 1994. С. 39.
- ³⁸ Никитин В. В., Соловьев Б. С. *Атлас археологических памятников Марийской АССР: Эпоха камня и раннего металла*. Йошкар-Ола, 1990. Вып. 1. С. 36—37, 200.
- ³⁹ Истомин К. Э. Новые мезолитические памятники в Нижнем Прикамье и некоторые вопросы изучения Волго-Камских мезолитических культур // *Древние памятники приустьевого Закамья : материалы Новостроечной экспедиции М-ва культуры Республики Татарстан*. Казань, 1993. Вып. 1. С. 15—17.
- ⁴⁰ Munkási B. A. *A votjak nyelv szótára*. *Lexicon linguae Votacorum (Wörterbuch des Votjakischen)* (1890, bzw. 1896) (Reprint). Pécs, 1990. S. 503.
- ⁴¹ Климов Г. А. *Основы лингвистической компаративистики*. М., 1990. С. 29—30.
- ⁴² Ириков С. И. *Словарь селькупско-русский и русско-селькупский : пособие для учащихся*. Л., 1988.
- ⁴³ Халдеева Н. И. *Уральская раса по данным одонтологии // Материалы к антропологии уральской расы*. Уфа, 1992. С. 35—36.
- ⁴⁴ Бунак В. В. *Антропологический тип черемис (с 18 табл. и мног. рис.) // Рус. антропол. журн.* М., 1924. Т. 13, вып. 3/4. С. 160—161.

Поступила 14.07.2008

коренные малочисленные народы россии в политике государства: формирование законодательства и его реализация в постсоветский период

З. И. Строгальщикова,
кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск,

Для многих в СССР рубеж 1980—1990-х гг. оказался временем осмысления истории государства и своего народа, осознания необратимости демократических перемен в стране, где всем народам будет гарантировано право на свободное политическое и этнокультурное развитие. Особую ответственность общество чувствовало за судьбы малочисленных народов. О необходимости поддержки со стороны государства заявляли представители не только 26 народов Севера, забота о которых с 1930-х гг. составляла важную часть национальной политики страны¹, но и других малочисленных народов, проживающих в Сибири, на северо-западе, Алтае, Северном Кавказе². Многие из них в официально провозглашенную «эпоху расцвета языков и культур» были бесписьменными³, а некоторые рассматривались как этнические группы родственных народов и при переписях включались в их состав⁴. Поток информации о бедственном положении отдельных народов вызывал горячее сочувствие в обществе. Наиболее точно это отразил А. И. Солженицын в своей статье «Как нам обустроить Россию?»: «Сколько зла причинила им окаянщина нашей администрации и наша хищная и безмозглая индустрия, неся гибель и отраву их краям, выбивая из-под этих народностей последнюю жизненную основу, особенно тех, чей объем так угрожающе мал, что не дает им бороться за выживание. Надо успеть — подкрепить, оживить и спасти их. Еще не вовсе поздно. Каждый, и самый малый, народ — есть неповторимая грань Божьего замысла»⁵.

На формирование политики государства по отношению к народам Севера в перестроечный период большое влияние оказали форумы народов Севера. Первый из них состоялся в марте 1990 г. С предложением о его проведении выступила интеллигенция народов Севера. Оргкомитет по подготовке съезда возглавил этнограф нивх Чунер Таксами; в него вошли также известные писатели, депутаты из числа народов Севера, сотрудники отдела Севера и Арктики Совета Министров РСФСР. Как одно из самых значительных событий страны, свидетельствующих об обновлении национальной политики

¹ Список малочисленных народов Севера, включавший 26 народов в советский период, в начале 1990-х гг. был увеличен до 30 народов. В последний перечень народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, утвержденный распоряжением Председателя Правительства РФ 17 апреля 2006 г. с учетом данных Всероссийской переписи 2002 г., включено 40 народов (URL: http://www.government.ru/data/news_text.html?he_id=103&news_id=21075). В тексте настоящей статьи по отношению к народам, входящим в список малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, использован краткий вариант названия «народы Севера», за исключением их названий, приводимых в документах или при цитировании используемых материалов.

² По данным сотрудников Института проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук (далее ИПМНС СО РАН), в России 65 малочисленных коренных народов: 6 — в европейской части России, 23 — на Северном Кавказе, 36 — в Сибири, на Севере и Дальнем Востоке (см.: Коренные малочисленные народы России на пороге XXI века: проблемы, перспективы, приоритеты: материалы Всерос. конгресса. Москва, 3—5 декабря 1999 г. СПб., 2000. С. 91, 212.

³ По данным ИПМНС СО РАН, в начале 1990-х гг. 10 народов Севера не имели письменности.

⁴ Аверин А. Н. Новые данные о динамике коренных малочисленных народов России (URL: socis.isras.ru/SocisArticles/2005_02/averin_dorabo.doc (195 КБ) 02.09.2005).

⁵ Брошюра к газете «Комсомольская правда» от 18 сентября 1990 г. Спец. вып. См. также: URL: <http://www.solzhenitsyn.ru/modules/content/?id=289>.

⁶ См. Материалы съезда малочисленных народов

в СССР, форум проходил в Большом Кремлевском дворце с участием М. С. Горбачева и высшего руководства страны.

Основной доклад Чунера Таксами начался с вопроса, полного тревоги за будущее народов Севера: «Быть им или навсегда исчезнуть с лица земли?»⁶ Руководство СССР гарантии их существования связывало с реализацией Комплексной программы дальнейшего развития экономики и культуры малочисленных народов Севера на 1991—1995 гг. и на период до 2005 г., представленной на обсуждение делегатов⁷. Сейчас очевиден ее утопический характер, но тогда у делегатов было больше уверенности, чем сомнений, в стремлении государства решать «большие проблемы малых народов»⁸. На съезде предлагалось, учитывая позитивный опыт работы с народами Севера в 1930-е гг. Комитета содействия народностям северных окраин РСФСР⁹, создать аналогичный по функциям государственный орган по народам Севера. Данное предложение легло в основу решения о формировании в 1990 г. Государственного комитета по

Севера. М., 1990 ; О работе I съезда малочисленных народов Севера см.: Соколова З. П. Съезд малочисленных народов Севера (взгляд этнографа) // Совет. этнография. 1990. № 5. С. 142—146.

⁷ Материалы съезда малочисленных народов Севера. С. 23—29.

⁸ Под таким названием была опубликована в журнале «Коммунист» (1988. № 16) статья А. Пики и Б. Прохорова, после которой стало возможным публичное обсуждение проблем малочисленных народов Севера.

⁹ Был образован Постановлением Президиума ВЦИК в 1924 г.

¹⁰ Государственный комитет РСФСР по

социально-экономическому развитию Севера (далее Госкомсевер) в структуре Российского правительства¹⁰. Ключевым направлением в его работе, касающейся народов Севера, стали подготовка и реализация федеральных целевых программ. Первая Государственная программа развития экономики и культуры малочисленных народов Севера на 1991—1995 гг. была утверждена в марте 1991 г.¹¹ С тех пор программно-целевой метод считается основной формой экономической поддержки народов Севера на федеральном уровне¹².

Съезд образовал общественную организацию «Ассоциация малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (далее Ассоциация), представляющую их интересы на всех уровнях управления¹³. В ее совет вошли 50 чел. — членов региональных организаций. Первым президентом был избран нивхский писатель Владимир Санги. Самой насущной задачей деятельности Ассоциации признавалось ее участие в формировании законодательства, закрепляющего право самим народам определять приоритеты своей политической и экономической жизни. На фоне общего стремления в то время к строительству правового государства такое направление работы Ассоциации нашло полную поддержку общества.

В 1990 г. в Верховном Совете СССР по инициативе депутатов — представителей народов Севера — нанайки Евдокии Гаер, ханта Еремея Айпина и чукчи Владимира Етылена началась работа над Законом «О статусе малочисленных народов СССР»¹⁴. После формирования в 1990 г. Верховного Совета РСФСР работа над законопроектом о защите прав малочисленных народов переместилась в Комиссию по вопросам социального и экономического развития республик в составе Российской Федерации, автономной области, автономных округов и малочисленных народов Палаты национальностей. Рабочую группу по его подготовке возглавил заместитель председателя комиссии, депутат от Вологодской области, писатель вепс Анатолий Петухов¹⁵.

Законодатели стремились учесть международный опыт по защите прав коренных народов и национальных меньшинств. В 1990 г. Владимир Санги и Евдокия Гаер первыми из малочисленных народов СССР приняли участие в сессии Рабочей группы по вопросам коренных народов Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств (г. Женева)¹⁶. В отчете о своей поездке Владимир Санги писал, что при формировании законодательства «советским национальным меньшинствам приходится изобретать велосипед, который за рубежом их исторические соплеменники не только изобрели, но давно и успешно на нем ездят»¹⁷.

Не являясь органом государственной власти, Ассоциация при всей ее популярности не могла конкурировать с депутатским корпусом, избранным под лозунгом «Вся власть Советам!». В новых условиях в мае 1991 г. в г. Москве состоялся I съезд народных депутатов — представителей малочисленных народов Севера — от депутатов СССР и РСФСР до депутатов поселковых и сельских Советов. Более 100 его участников приняли решение о формировании депутатской Ассамблеи малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее Ассамблея) как своеобразного парламента народов Севера. Председателем Ассамблеи был избран Еремей Айпин. В программном докладе Владимира Етылена о стратегии борьбы народов Севера за свои права определялась главная цель совместной работы депутатов — содействие становлению народов Севера «действительными субъектами собственного экономического и социального развития», подчеркивалось, что, оставаясь, как прежде, лишь объектом благотворительности государства, народы Севера могут в лучшем случае «рассчитывать только на понимание их нужд и доброту государственной системы управления»¹⁸.

Решение о создании Ассамблеи получило одобрение Президиума Верховного Совета РСФСР. В специальном постановлении Совету Министров РСФСР поручалось обеспечивать ее работу¹⁹. По инициативе Ассамблеи началось издание сборников правовых актов, содержащих международ-

социально-экономическому развитию Севера был создан в декабре 1990 г. Его компетенция по отношению к народам Севера заключалась в «проведении мероприятий по защите прав и интересов, сложившегося уклада жизни малочисленных народов Севера, создании благоприятных условий для развития традиционных отраслей хозяйствования как основы жизнедеятельности этих народов» (URL: http://www.vcom.ru/cgi-bin/db/zakdoc?_reg_number=%D09000385). Создание Госкомсевера рассматривалось как достижение депутатов Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, представителей народов Севера (см.: Томтосов А. А. Выступление на парламентских слушаниях «О реализации Федерального закона “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”» // Материалы парламентских слушаний. М., 2001. С. 41).

¹¹ Постановление Совета Министров РСФСР от 11 марта 1991 г. № 145 (см.: Статус малочисленных народов Российской Федерации (правовые акты и документы). М., 1994. С. 150—158). После распада СССР постановлением Верховного Совета РФ от 25 декабря 1992 г. она была включена в перечень российских федеральных целевых программ (Там же. С. 195).

¹² Зорин В. Высшая ценность — человек. М., 2003. С. 68.

¹³ С ноября 1993 г. и по настоящее время — Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее АКМН СС и ДВ), англ. — Russian Association of Indigenous Peoples of the North (RAIPON).

¹⁴ Айпин Е. Д. Выступление на IV съезде коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2001. № 6/7. С. 24.

¹⁵ Kodima. 2002. 6/7 (111/112).

¹⁶ Созданная в 1947 г. при Комиссии по правам человека ООН Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств в 1999 г. была переименована в Подкомиссию по поощрению и защите прав человека. Она являлась основным вспомогательным органом Комиссии по правам человека, а сейчас — органом Совета по правам человека. В ее состав входят избираемые Советом по правам человека (с учетом равного географического распределения) эксперты, которые действуют в своем личном качестве.

¹⁷ Санги В. О некоторых результатах участия представителей малочисленных народов Севера СССР в сессии Рабочей группы Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств по правам человека (Женева, конец июля — начало августа 1990 г.). Рукопись. С. 2.

¹⁸ I съезд народных депутатов, представляющих малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: материалы подкомиссии по проблемам малочисленных народов Севера Верховного Совета СССР. М., 1991. С. 6—7.

¹⁹ Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О депутатской Ассамблее малочисленных народов Севера» до сих пор сохранило статус действующего документа (см.: Ведомости Съезда

народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. № 28. Ст. 978 ; URL: http://www.vcom.ru/cgi-bin/db/zakdoc?_reg_number=%D09100949). В связи с резким сокращением уже к середине 1995 г. депутатов из числа представителей народов Севера в представительных органах власти на федеральном и региональном уровнях власти и в органах местного самоуправления фактически Ассамблея прекратила свою деятельность. В Государственную Думу РФ в 1994—1996 гг. было избрано 3 депутата из числа представителей народов Севера, 1996—2000 гг. — 2, в 2000—2004 гг. —

1 депутат. В настоящее время в Государственной Думе нет депутатов — представителей народов Севера.

²⁰ К настоящему времени издано три сборника (составитель В. А. Кряжков): Статус малочисленных народов Российской Федерации (правовые акты и документы). М., 1994 ; Статус малочисленных народов Российской Федерации. Правовые акты. Книга вторая. М., 1999 ; Статус коренных малочисленных народов России. Правовые акты. Книга третья. М., 2005.

²¹ Коренные народы и народы, ведущие племенной образ жизни : рук. по Конвенции МОТ 169 / сост. Мануэла Томей, Ли Свелстон. Женева, 1996. Представители СССР принимали активное участие в подготовке данной Конвенции, но она не была ратифицирована ни СССР, ни Россией. По общему признанию исследователей, Конвенция МОТ 169 оказала значительное влияние на государственную политику страны в области защиты прав коренных малочисленных народов (см.: Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока : независимый эксперт. докл. Новосибирск, 2004. С. 6, 129).

²² I съезд народных депутатов, представляющих малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. С. 38.

²³ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 18. Ст. 1009.

²⁴ Аракчаа К. Д., Зайдфудим П. Х. Коренные малочисленные народы Севера. М., 1999. С. 38—39.

²⁵ В данном контексте мы используем понятие «коренные народы России» в соответствии с определением, данным в Концепции государственной национальной политики РФ, утвержденной 15 июня 1996 г. указом Президента РФ № 909, как народы, которые «на протяжении веков сложились как этнические общности на территории России» (URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_56742.html).

²⁶ Съезды АФУН РФ / сост. В. К. Абрамов, А. К. Конохов, В. П. Марков и др. Саранск, 2007. С. 3—6.

²⁷ Консультации проводились Государственным комитетом РФ по делам федерации и национальностей совместно с рядом учреждений ООН (см.: Оценка Международного года. Промежуточный доклад Координатора Международного года коренных народов мира // Документ ООН.

ные документы о правах человека, коренных народов и национальных меньшинств, формирующееся федеральное и совершенно уникальное региональное законодательство в данной сфере, документы общественных организаций²⁰.

В итоговых документах двух вышеуказанных значительных форумов народов Севера содержался призыв к высшим органам власти страны к скорейшей ратификации Конвенции № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни» (далее Конвенция 169 МОТ), принятой в 1989 г.²¹ Особо подчеркивалось, что ее ратификация «в период подготовки и принятия союзных и республиканских законов... способствовала бы защите прав и законных интересов малочисленных народов Севера»²². Указ Президента РФ «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» (апрель 1992 г.)²³ отражал основную идею Конвенции 169 МОТ об особой значимости связи коренных народов с исконной средой их обитания. В соответствии с ним в некоторых регионах началось закрепление земель как территорий традиционного пользования за лицами из числа народов Севера, их семьями, родовыми общинами для использования в целях развития традиционных отраслей хозяйствования и промыслов²⁴.

Весомой моральной поддержкой российских коренных народов²⁵ в стремлении последних привлечь внимание органов государственной власти к их проблемам стало провозглашение ООН 1993 г. Международным годом коренных народов мира. Данное решение ООН способствовало также расширению участия представителей российских коренных народов в деятельности международных организаций. В частности, в сессиях Рабочей группы по вопросам коренных народов с 1993 г. стали принимать участие и представители финно-угорских народов России. В мае 1992 г. общественные организации финно-угорских народов провели в г. Ижевске (Удмуртия) свой I съезд, на котором создали общероссийскую Ассоциацию финно-угорских народов и приняли Декларацию прав народов России. Ее содержание основывалось на нормах проекта Декларации ООН о правах коренных народов²⁶.

Правительство и парламент России в Международный год коренных народов мира проявили глубокую заинтересованность в развитии между-

...Каждый, и самый малый, народ — есть неповторимая грань Божьего замысла.

E/CN.4/1999/AC.4/TM.4/2. 15 июня 1994. P. 37).

²⁸ Конференцию проводили российский Национальный оргкомитет Международного года коренных народов мира и Союз юристов РФ (см.: Оценка Международного года. P. 33).

²⁹ Корнилова З. «Право на возрождение» // Федерация. 1992. № 24 (10—16 июня).

³⁰ Выступление Председателя Комитета Государственной Думы по делам национальностей Б. Б. Жамсуева на парламентских слушаниях «О ратификации Конвенции № 169 Международной организации труда "О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни"» // Материалы парламентских слушаний. 22 ноября 1994 г. М., 1995. С. 5.

³¹ Выступление И. Ш. Муксимова на Всероссийской научно-практической конференции «Обустройство народов и территорий России: состояние и перспективы» (Москва, 11—13 октября 1995 г.) // Этнополис. 1995. № 6 (12). С. 69.

³² Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2208.

³³ Конституция Российской Федерации. М., 1994.

³⁴ После первых демократических выборов депутатов в Верховном Совете СССР (1989 г.) было 8, в Верховном Совете РСФСР (1990 г.) — 12 депутатов из числа представителей народов Севера (см.: Тодышев М. Коренные малочисленные народы Севера и избирательная система в Российской Федерации // Участие коренных народов в политической жизни стран Циркумполярного

народного сотрудничества по проблемам коренных народов, проведя два крупных мероприятия. С 6 по 10 сентября 1993 г. в г. Хабаровске прошли первые консультации между ООН, органами власти России, неправительственными международными организациями и представителями российских коренных народов Арктики и Сибири. Обсуждались вопросы землепользования, защиты окружающей среды, развития языков и культур, определения механизмов участия российских коренных народов в принятии решений, затрагивающих их интересы²⁷. С 13 по 18 сентября 1993 г. в г. Москве состоялась Международная конференция по правам коренных народов. В ней приняли участие личный представитель и помощник Генерального секретаря ООН по вопросам прав человека, координатор Международного года коренных народов мира Ибрагим Фалл, председатель Рабочей группы по вопросам коренных народов Эрика-Ирен А. Даес, представители 45 стран и около 300 россиян²⁸.

В рекомендациях хабаровских консультаций и обращении московской конференции к Генеральной Ассамблее ООН было поддержано предложение Всемирной конференции по правам человека (г. Вена, июль 1993 г.) о провозглашении с 1994 г. Международного десятилетия коренных народов мира (далее Десятилетие).

В 1993 г. Совет национальностей Верховного Совета РФ завершил подготовку Закона «Основы правового статуса коренных малочисленных народов РФ». Его действие планировалось распространить (не ограничиваясь народами Севера) на все «народы, считающие себя самостоятельными этносами, проживающие на территории традиционного расселения своих предков, сохраняющие самобытный уклад жизни и насчитывающие менее 50 тысяч человек». Их список, включающий 62 народа с указанием регионов проживания и численности (по переписи 1989 г.), являлся приложением к закону и утверждался одновременно с ним²⁹.

По проекту закона, коренные малочисленные народы получали право на самоуправление — создание на территориях их традиционного проживания национальных районов и сельсоветов, защиту исконной среды обитания, доступ к использованию природных ресурсов на своей территории, на гарантированную поддержку государства в социально-экономическом развитии мест их проживания, организации этнически ориентированного образования, представительство в органах власти. По мнению специалистов, в нем частично или полностью были учтены 23 статьи из 44 Конвенции 169 МОТ³⁰. Закон был принят 18 июня 1993 г. и направлен на подпись Президенту РФ. Администрация Президента высказала замечания по восьми пунктам, четыре из которых были приняты согласительной комиссией. Осенью 1993 г. Верховному Совету РФ предстояло проголосовать за текст закона, предложенный согласительной комиссией. Однако из-за противостояния между Верховным Советом и Президентом РФ и последовавших трагических событий сентября — октября 1993 г. окончательное принятие закона не состоялось³¹. Верховный Совет был распущен Президентом РФ, и дальнейшая работа над законом перешла к новому законодательному органу РФ — Государственной Думе. Она завершилась только через шесть лет с принятием в 1999 г. Закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ»³².

Принятие новой Конституции России в 1993 г. — в Международный год коренных народов мира, — по всей вероятности, повлияло на включение в ее текст ст. 69 — «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации», — определяющей коренные малочисленные народы РФ как отдельный субъект права

с гарантией соблюдения их прав на уровне международных стандартов; в ст. 72 (п. «м») «защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей» была отнесена к совместной компетенции федеральных и региональных властей³³.

Готовность политической элиты страны закрепить в Конституции России особые права коренных малочисленных народов стала подтверждением эффективности многолетней и настойчивой деятельности депутатов — представителей малочисленных народов в парламентах СССР и РФ³⁴. Неудача с Законом «Основы правового статуса коренных малочисленных народов РФ» компенсируется приобретением важнейшего стратегического ресурса — конституционных обязательств государства по соблюдению их прав в соответствии с международным правом о коренных народах. Значимость данных норм усиливается признанием в Конституции РФ (ст. 15, ч. 4) общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ составной частью ее правовой системы и даже их приоритета перед российским законодательством. К числу важнейших конституционных норм для защиты прав коренных малочисленных народов относится и положение Конституции России (ст. 9, ч. 1) о том, что «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории»³⁵.

Данные нормы Конституции России являются основой для современного российского законодательства о коренных малочисленных народах. Использование в ней термина *коренные малочисленные народы* прямо связывает их правовое положение с существующими в международном праве стандартами по отношению к категории *коренные народы*³⁶. Ранее он применялся только в научной и публицистической литературе и региональном законодательстве³⁷.

Провозглашение Генеральной Ассамблеей ООН (резолюция 48/163 от 21 декабря 1993 г.) Международного десятилетия коренных народов мира (1994—2004) обусловило создание Правительством РФ Национального оргкомитета по подготовке и проведению Десятилетия (далее Оргкомитет). Россия стала первой страной, принявшей решение о его создании (апрель 1994 г.). По рекомендации ООН подобные Оргкомитеты должны были стать «механизмами проведения консультаций между коренными народами и заинтересованными национальными партнерами», включая государственные структуры, различные учреждения и неправительственные организации, заинтересованные в реализации целей Десятилетия ООН³⁸. Возглавил российский Оргкомитет влиятельный политик того времени, заместитель Председателя Правительства РФ, министр по делам национальностей Сергей Шахрай³⁹.

Девиз Десятилетия «Коренные народы: Партнерство в действии» полностью соответствовал общему духу сотрудничества между народами и властными структурами, характерному для России конца 1980-х — начала 1990-х гг. Целью Десятилетия провозглашалось укрепление международного сотрудничества в решении проблем, стоящих перед коренными народами в таких областях, как права человека, окружающая среда, развитие, образование и здравоохранение.

Постановление Правительства об Оргкомитете предусматривало подготовку министерствами и ведомствами с участием

региона: российская реальность и зарубежный опыт : сб. материалов Междунар.

круглого стола «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока и система парламентаризма в Российской Федерации: реальность и перспективы». Москва, 12—13 марта 2003 г. М., 2003. С. 143.

³⁵ Конституция Российской Федерации.

³⁶ Вопрос о понятии «коренные народы» весьма сложен и неоднозначен даже с позиций адекватности его перевода на русский язык с английского «indigenous» как «коренной». Он более соответствует нашему пониманию термина «аборигенный», чем «коренной». Использование последнего в бытовой русской речи осложняет его восприятие как юридического термина (см.: Даллманн В., Голдман Х. Коренной — местный — аборигенный: путаница и проблемы перевода // Бюл. ANSIPRA. Сеть арктических организаций в поддержку коренных народов Российского Севера. 2003. № 9. С. 2—3). На основании исследований по данной теме, а также определения, применяемого МОТ в Конвенции 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», коренными народами могут считаться те, кто сохраняет историческую преемственность с ранее живущим на их территории населением, которая может проявляться хотя бы одним из следующих признаков: а) проживание на землях предков или, по крайней мере, на части этих земель; б) общее происхождение с группами, первоначально занимавшими эти земли; в) общая культура в целом или некоторых ее конкретных проявлений (таких, как религия, племенной образ жизни, принадлежность к определенной общине коренного народа, одежда, средства к существованию, образ жизни и т. д.); д) язык — используемый как родной язык либо обычное средство общения дома или в семье, либо как основной; е) проживание в определенных районах страны или определенных регионах мира; ф) прочие, относящиеся к делу факторы (см.: Документ ООН. E/CN.4/Sub.2/1986/7/Add. 4).

³⁷ Впервые термин «коренные малочисленные народы» в России был использован в Законе Республики Карелия «О правовом статусе национального района, национальных поселкового и сельского Советов в Республике Карелия» от 22 ноября 1991 г. применительно к вепсам и карелам, проживающим на территории Карелии (см.: Статус малочисленных народов Российской Федерации (правовые акты и документы). С. 270—271).

³⁸ Программа мероприятий Международного десятилетия коренных народов мира. Предварительный доклад о всеобъемлющей программе действий в рамках Международного десятилетия. Доклад Генерального секретаря. Документ ООН. A/49/444. 28 сентября 1994. Р. 13.

³⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 2. Ст. 120.

⁴² Протокол заседания Национального организационного комитета — правительственной комиссии по подготовке и проведению Международного десятилетия коренных народов мира был направлен 28 января 1998 г. федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов РФ, общественным организациям коренных народов России.

⁴³ Аракчаа К. Д. Концепция Десятилетия коренных народов мира // Бюл. информ. центра «Львоврайтлан». № 5 (URL: http://www.indigenous.ru/russian/bulletin/r_5.htm). Доработанный текст Концепции проведения Международного десятилетия коренных народов мира в РФ (1998—

организаций коренных народов до 1 июля 1994 г. Комплексного плана мероприятий по проведению Десятилетия (далее Комплексный план) с предоставлением финансового обеспечения. Такие же планы предписывалось принять в регионах, на территории которых проживают коренные народы. Однако Комплексный план был подготовлен Госкомсевером и одобрен Правительством РФ с опозданием на два года — в августе 1996 г.⁴⁰

В августе 1997 г. Правительство РФ утвердило Положение об Оргкомитете, согласно которому на период проведения Десятилетия он приобретал статус правительственной комиссии. Новый состав Оргкомитета возглавил заместитель Председателя Правительства В. М. Серов⁴¹. Высокий статус Оргкомитета как правительственной комиссии предоставлял ему весьма широкие полномочия: запрашивать и получать от федеральных и региональных органов исполнительной власти материалы и информацию по вопросам, входящим в его компетенцию; создавать рабочие группы для подготовки материалов и проектов его решений; вносить в Правительство предложения по вопросам, требующим его решений. На Оргкомитет возлагались координация деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти, общественных организаций по проведению Десятилетия, формирование Концепции его проведения в РФ и ее реализация; пропаганда целей и задач Десятилетия; совершенствование российского законодательства в отношении коренных народов России, подготовка предложений по проектам международных правовых актов, касающихся коренных народов; предоставление ежегодного отчета о выполнении Комплексного плана.

Новому составу Оргкомитета поручалось в месячный срок разработать уточненный Комплексный план на период до 2004 г., план мероприятий на 1998 г. и предложения по их финансированию. Обеспечение деятельности Оргкомитета возлагалось на Госкомсевер. В основной состав Оргкомитета вошли заместители министров различных министерств и ведомств и депутаты Государственной Думы, представители народов Севера.

Первое заседание Оргкомитета состоялось 2 декабря 1997 г. под руководством его нового председателя Р. Г. Абдулатипова, заместителя Председателя Правительства, курирующего вопросы национальной политики.

⁴⁰ Аракчаа К. Д. Согласован комплексный план // Бюл. информ. центра «Львовэвэльтлан». № 2/3 (URL: http://www.indigenous.ru/fotki/bull_ru/r_2_3.htm); Аракчаа К. Д., Зайдфудим П. Х. Коренные малочисленные народы Севера. С. 110—111.

⁴¹ URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_52388.html.

2004 г.) см.: Аракчаа К. Д., Зайдфудим П. Х. Коренные малочисленные народы Севера. С. 102—111.

⁴⁴ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7. Ст. 356.

⁴⁵ О ратификации Конвенции № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни» // Материалы парламентских слушаний. 22 ноября 1994. М., 1995. С. 69—70.

⁴⁶ Создание Ассамблеи народов России предусматривалось Концепцией государственной национальной политики РФ, утвержденной указом от 15 июня 1996 г., «для налаживания диалога между государственными органами и национальными общностями, ее участия в законотворческом процессе, осуществлении миротворческой деятельности» (см.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 3010).

⁴⁷ URL: <http://www.akdi.ru/sh/prb33/3.html>; <http://npa.gov.garweb.ru:8080/public/default.asp?no=6066310>.

⁴⁸ Орган государственной власти в Правительстве России, ответственный за национальную политику, неоднократно менял свое название, в дальнейшем в тексте приводим его как Миннац РФ.

⁴⁹ В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 1 декабря 1999 г. № 2004-р Всероссийский конгресс проводился как мероприятие Международного десятилетия коренных народов мира (URL: <http://npa.gov.garweb.ru:8080/public/default.asp?no=1481796>).

⁵⁰ Коренные малочисленные народы России на пороге XXI века: проблемы, перспективы, приоритеты. С. 4.

На нем было принято несколько важных решений: утверждены официальный бланк Оргкомитета (как правительственной комиссии), план мероприятий Десятилетия на 1998 г., созданы рабочие группы по выработке предложений к позиции России по проекту Декларации ООН о правах коренных народов, по доработке Концепции проведения Десятилетия в РФ, Концепции правовой реформы в отношении народов Севера⁴².

В Концепции проведения Десятилетия в РФ (на период 1998—2004 гг.)⁴³ приоритетным признавалось проведение политико-правовой реформы, предусматривающей имплементацию соответствующих норм международного права в правовую систему России. Начать предлагалось с поэтапного включения в российское законодательство положений Конвенции 169 МОТ как единственного в тот период международного документа, в котором в наиболее полной форме были отражены права и интересы коренных народов. Основанием для такой работы явилось поручение Президента РФ Правительству о внесении предложений о ее ратификации (указ Президента РФ от 5 февраля 1992 г. «Об ассоциации автономных округов РФ»⁴⁴), а также итоги парламентских слушаний в Государственной Думе РФ (ноябрь 1994 г.), где признавалась необходимость присоединения России к Конвенции 169 МОТ⁴⁵. Успех реформы связывался с проведением широкомасштабной государственной кампании по подготовке общественного сознания к цивилизованному восприятию правовых вопросов, касающихся коренных народов. Предлагалось организовать:

— систему правового образования по правам человека и правам коренных народов, начиная со школ;

— проведение регулярных телерадиопрограмм на российских и региональных каналах о коренных народах (производство документальных, художественных, мультипликационных фильмов по историко-этнографическим, фольклорным материалам, литературным произведениям писателей коренных народов);

— целевую подготовку юристов, экономистов, менеджеров высшего и среднего звена из числа представителей коренных народов в российских и зарубежных вузах, которым предстояло послужить кадровой основой для становления национально-территориального или общинного самоуправления коренных народов, в частности народов Севера;

— государственные институты, защищающие права и интересы коренных народов в РФ, должность Уполномоченного по правам народов и национальных меньшинств, Ассамблею народов России⁴⁶.

Комплексный план включал также мероприятия по здравоохранению, культуре, науке, спорту, проведение международных мероприятий — конференций, съездов, симпозиумов, фестивалей и т. д. Однако для данного состава Оргкомитета это заседание было первым и последним.

Оценка пятилетней деятельности Оргкомитета оказалась неудовлетворительной. На круглом столе Совета Федерации (июнь 1999 г.) «Пять лет Международному десятилетию: что сделано?» отмечалось, что «большинство малочисленных народов Севера считает, что российская программа Международного десятилетия коренных народов мира практически не реализуется», а «Национальный оргкомитет недостаточно содействовал реализации государственной политики в области защиты прав и законных интересов коренных народов России. За прошедшие пять лет неоднократно менялись его руководители, а члены комитета практически не привлекались к работе»⁴⁷.

Министерство по делам федерации и региональной политики (далее Миннац РФ)⁴⁸, Госкомсевер провели к середине Десятилетия Всероссийский конгресс «Коренные малочисленные народы России на пороге XXI века: проблемы, перспективы, приоритеты» (Москва, 3—5 декабря 1999 г.)⁴⁹. На нем бездействие Оргкомитета объяснялось ча-

стыми изменениями в структуре Правительства РФ и отсутствием «постоянного куратора данной проблематики в лице одного из вице-премьеров». Отмечалось, что «в результате не выполнен Комплексный план мероприятий по проведению Международного десятилетия, не налажена координация в деятельности министерств и ведомств, не сформирована на федеральном уровне информационно-аналитическая база о положении коренных малочисленных народов»⁵⁰.

Как положительный итог рассматривалось лишь принятие в апреле 1999 г. Закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ»⁵¹. Его действие начиналось после определения Единого перечня коренных малочисленных народов РФ, утверждение которого Правительством РФ состоялось лишь спустя год — в марте 2000 г.⁵² В соответствии с законом представление о включении в Единый перечень является компетенцией руководства регионов, где проживают эти народы. В условиях дисперсного расселения большинства малочисленных народов некоторые из них оказались представленными в нем «частями», о включении других своевременно не позаботилось руководство регионов⁵³. Всего в Единый перечень вошли 45 народов, из них 30 — народы Севера.

Содержание Закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» существенно отличается от проекта 1993 г. В частности, к ним отнесены народы, «проживающие на территориях расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в РФ менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями». Однако действие закона распространяется не на народы в целом, а лишь «на лиц, относящихся к малочисленным народам, проживающих в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности, ведущих традиционный образ жизни, осуществляющих традиционное хозяйство-вание и занимающихся традиционными промыслами». В законе, правда, оговаривается, что он может применяться также к представителям коренных малочисленных народов, для которых традиционное хозяйство является подсобным видом деятельности (врачей, учителей, управленцев и т. д.), и к представителям других народов, проживающим в местах традиционного расселения малочисленных народов, если последнее будет установлено региональным законом.

Идентифицирующие признаки, положенные в основу определения коренных малочисленных народов, подверглись резкой критике со стороны самих малочисленных народов. По мнению известного чукотского писателя Юрия Рытхэу, «привязывание» законом малочисленных народов к землям своих предков и ведению традиционного образа жизни «вопиюще противоречит Конституции» и ограничивает права человека. Разве за ее пределами «чукча перестает чукчей, коряк коряком, эскимос эскимосом и т. д.»⁵⁴ Разделение народов на разные в право-

⁵¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2208.

⁵² Там же. 2000. № 14. Ст. 1493. В тексте данной статьи для краткости они будут именоваться «малочисленные народы», за исключением цитирования их названия в документах.

⁵³ К их числу относят сету, проживающих в Псковской области.

⁵⁴ Рытхэу Ю. Вопиюще противоречит Конституции // Северные просторы. 2001. № 3/4. С. 20—21.

⁵⁵ В выступлении А. Д. Марфусаловой на парламентских слушаниях «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» был приведен пример с юкагирами Якутии. Их всего около 600 человек: 544 в селе и 45 в городе, «в том числе ученый и писатель Гавриил Николаевич Курилов, художник и поэт Николай Николаевич Курилов, которые являются духовными лидерами своего этноса, делают все возможное для сохранения юкагирского языка, традиций народа и способствуют выживанию его в нынешних условиях». Почему они не должны пользоваться защитой государства, определенной в этом законе? (см.: О реализации Федерального закона

«О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Материалы парламентских слушаний. М., 2001. С. 21).

⁵⁶ Суюнова Ф. С. Выступление на Всероссийском конгрессе : (см.: Коренные малочисленные народы России на пороге XXI века: проблемы, перспективы, приоритеты. С. 129).

⁵⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2208.

⁵⁸ В рекомендациях парламентских слушаний Государственной Думы (июнь 2000 г.) о реализации Закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов» для вступления в силу всех его статей требовалось внести изменения и дополнения в 15 действующих законов и ускорить принятие 4 законов, находящихся в стадии обсуждения, а Правительству РФ поручалось подготовить 15 новых нормативных актов (см.: О реализации Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»).

⁵⁹ О реализации Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». С. 59—62.

⁶⁰ Госкомсевер был упразднен 18 мая 2000 г. в соответствии с указом Президента РФ «О структуре федеральных органов исполнительной власти». Его функции были переданы Минэкономразвития РФ и Миннацу РФ.

⁶¹ Кирпичников В. А. Выступление на IV съезде Ассоциации (Москва, 12—13 апреля 2001 г.) // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2001. № 6/7. С. 22.

⁶² Коренные малочисленные народы России на пороге XXI века: проблемы, перспективы, приоритеты. С. 4.

⁶³ URL: <http://npa-gov.garweb.ru:8080/public/default.asp?no=1485318>.

⁶⁴ URL: <http://www.cityline.ru/politika/prav/pr10.html>. Решение Президента РФ об упразднении Миннаца РФ подверглось резкой критике. Депутаты Комитета по делам национальностей Госдумы назвали его «шагом, не соответствующим реалиям общества и государства», и призвали Президента РФ «взвесить все возможные последствия упразднения» (см.: Независимая газета. 2001. 20 окт.; URL: <http://www.ng.ru/politics/2001-10-20>). Общественность также отнеслась с неодобрением к ликвидации Миннаца РФ (см.: Затулин К. Диаспора и миграция. Нет министерства — нет проблемы? URL: <http://otechestvo.org.ua/vesti/s27september/ministerctvo.htm>); Правозащитники против упразднения Минфедерации // Иностранец. № 40. URL: http://moscow.hrights.ru/ethnic/data/ethnic2_11_2001-3.htm).

вом отношении группы — проживающих на территории их исконного расселения и за ее пределами — законодатели сочли искусственным и ведущим к ослаблению общего интеллектуального потенциала малочисленных народов: «в реальной жизни процесс возрождения культуры, языков, самосознания невозможно осуществить без равнозначного участия обеих групп»⁵⁵.

Оспаривается и правомерность использования критерия численности народов как «дискриминирующего» народы, нуждающиеся в защите государства, с численностью более 50 тыс. чел.⁵⁶ Применение закона значительно затрудняется и отсутствием в российских паспортах, выдаваемых с 1997 г., записи о национальности. Меньше сложностей с установлением этнической принадлежности у представителей коренных малочисленных народов, проживающих в местах традиционного расселения, но молодежь, выезжающая на учебу по направлению регионов в специальные учреждения для коренных малочисленных народов, часто вынуждена подтверждать свою национальность через судебную процедуру.

Реализация Закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» как ориентированного на создание условий для тех групп малочисленных народов, основным источником существования которых являются традиционные виды хозяйственной деятельности и промыслов, связанные с использованием природных ресурсов на своей исконной территории, оказалась весьма затруднительной и для данной части представителей малочисленных народов. Закон носит рамочный характер. Он «устанавливает правовые основы гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов РФ, защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни и хозяйствования», реализация которых возможна «в соответствии с установленным федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации»⁵⁷. Это обстоятельство предусматривает длительную и сложную процедуру приведения в соответствие с положениями данного закона действующих федеральных и региональных законов и принятие ряда специальных законов⁵⁸. На парламентских слушаниях особо отмечалась необходимость восстановления деятельности Оргкомитета Десятилетия. Президенту РФ была направлена просьба внести на ратификацию в Государственную Думу Конвенцию 169 МОТ, а Генеральной прокуратуре — осуществить проверку соблюдения органами государственной власти Закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ»⁵⁹.

В мае 2000 г. был упразднен Госкомсевер⁶⁰ и его полномочия по народам Севера перешли к Миннацу, в структуре которого было создано Управление по делам коренных малочисленных народов. Ему предстояло начать работу по реализации Закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ»⁶¹. Сотрудники управления нуждались в объективной информации о положении коренных малочисленных народов, особенно о тех 15, которые впервые получили особый статус. По сообщениям представителей Миннаца, у руководства большинства регионов отмечалось скептическое отношение к проблемам малочисленных народов, а поступающая с мест информация о мерах, принимаемых в последние годы по решению их проблем, оказалась «донельзя скромной»⁶². Недоставало Миннацу и властных полномочий, в связи с чем большие надежды возлагались на восстановление деятельности Оргкомитета как правительственной комиссии. Это, очевидно, стало причиной решения Правительства РФ о совмещении должностей руководителя Миннаца и председателя Национального оргкомитета. В марте 2001 г. Правительство РФ утвердило новый состав Оргкомитета под председательством А. В. Блохина, руководителя Миннаца РФ⁶³. Но его очередной состав не успел приступить к работе. Указом Президента РФ 16 октября 2001 г. Миннац был упразднен,⁶⁴ что снова приостановило деятельность Национального оргкомитета.

Деятельность Оргкомитета была возобновлена В. Ю. Зориным, министром в Правительстве РФ (без министерства) по координации деятельности орга-

нов исполнительной власти в сфере реализации национальной политики. Эта должность была введена в декабре 2001 г. указом Президента РФ⁶⁵. Статус Оргкомитета как правительственной комиссии предусматривал его главе дополнительные рычаги для влияния на федеральные и региональные органы власти, что являлось крайне необходимым в условиях ограниченных ресурсов, имеющихся у министра «без портфеля». Оценивая предыдущую деятельность в России по реализации задач Десятилетия, В. Ю. Зорин заявил, что «мы не можем быть удовлетворены итогом», поскольку «первые 6 лет были потеряны как по объективным, так и по субъективным причинам, связанным с общим состоянием экономики страны, процессом становления федеративного государства, формированием национальной политики»⁶⁶.

Первое заседание нового Оргкомитета состоялось в Москве в июне 2002 г. На нем обсуждались вопросы об участии делегации РФ в I сессии Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов⁶⁷, о реализации в 2001 г. программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 года». Оргкомитет направил Президенту РФ письмо с просьбой обратиться в ООН с предложением о проведении в Москве летом 2004 г. Всемирной конференции по правам коренных народов.

По регламенту предусматривалось ежеквартальное проведение заседаний Оргкомитета. Всего за период с 6 декабря 2001 г. по 24 февраля 2004 г.⁶⁸ состоялось 7 его заседаний. При незначительной численности аппарата весьма удачно использовалась тактика проведения выездных заседаний: в г. Якутске (Республика Саха (Якутия)) в октябре 2002 г.⁶⁹, в г. Дудинке (Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ) в июле 2003 г.,⁷⁰ в г. Петрозаводске (Республика Карелия) в ноябре 2003 г.⁷¹ Вся деятельность Оргкомитета касалась проблем народов Севера. Обсуждались вопросы образовательной политики, организации территорий традиционного природопользования, представительства в органах власти, выполнения федеральных целевых программ и др. По заявлению В. Ю. Зорина, «в России особое внимание в акции Десятилетия уделяется коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока»⁷².

Статус Оргкомитета как правительственной комиссии в начале марта 2003 г. позволил вынести вопрос «О ходе реализации мероприятий Международного десятилетия коренных народов мира (1994—2004 годы)» на заседание Правительства РФ. На нем был заслушан отчет о выполнении Комплексного плана Десятилетия, практически отразивший деятельность органов государственной власти в области защиты прав коренных малочисленных народов после признания в Конституции РФ их особого статуса по двум основным направлениям — формирования законодательства и экономической поддержки.

О государственной правовой поддержке. По итогам заседания сообщалось, что «приняты специальные законодательные и подзаконные акты Российской Федерации, закрепляющие особые права коренных малочисленных народов на самобытное социально-экономическое и культурное развитие, на защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни и традиционного природопользования»: законы «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» (1999 г.), «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2000 г.) и «О

⁶⁵ <http://www.cityline.ru/politika/prav/pr10.html>.

⁶⁶ Пресс-конференция В. Зорина 7 августа 2003 г. (URL: http://sibir.rian.ru/news.html?nws_id=162380).

⁶⁷ Постоянный форум ООН по вопросам коренных народов — созданный в 2000 г. консультативный орган при Экономическом и Социальном совете ООН, в составе которого из 16 экспертов половину составляют представители коренных народов (см.: Добро пожаловать в ООН // Мир культур России. 2003. № 5).

⁶⁸ 24 февраля 2004 г. Президент отправил в отставку правительство М. Касьянова, членом которого являлся В. Зорин (URL: <http://www.cityline.ru/politika/prav/pr10.html>).

⁶⁹ Россия выступает за продление Международного десятилетия коренных народов мира (URL: <http://kominarod.bip.ru/php/news/newsnew.phtml?id=6279&idnew=28395&start=5530>).

⁷⁰ URL: http://nn.gazetazp.ru/cgi-bin/si.pl?showdate=20030725&n=5;http://www.mcids.ru/default.asp?Mode=Review&ID_L0=2&ID_L1=21&ID_L2=379&ID_L3=3166&ID=&ID_Review=48568.

⁷¹ URL: <http://gov.karelia.ru/Power/Committee/National/031031.html>.

⁷² URL: http://sibir.rian.ru/news.html?nws_id=162380.

⁷³ Волкова Г. М. Выступление на IV съезде Ассоциации (Москва, 12—13 апреля 2001 г.) // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2001. № 6/7. С. 30.

⁷⁴ Павлов П. Международное право и реформирование законодательства Российской Федерации о коренных малочисленных народах // Участие коренных народов в политической жизни стран Циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. С. 136.

⁷⁵ Якель Ю., Хмелева Е. Судебная защита. Права коренных малочисленных народов на образование территорий традиционного природопользования // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2004. № 15. С. 102—105; Мурашко О. Почему не работает федеральный закон о территориях традиционного природопользования // Там же. 2002. № 11/12. С. 54—47.

⁷⁶ Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: независимый эксперт. докл. С. 8.

⁷⁷ Территория «Тхсаном» в опасности // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2001. № 6/7. С. 74—79; Хроника судебных дел Правового центра «Родник» // Там же. 2002. № 9/10. С. 64—65; Запороцкий О. Совет ительменов Камчатки «Тхсаном» // Там же. 2003. № 14. С. 140.

⁷⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

⁷⁹ Изменения в федеральных законах о коренных малочисленных народах // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2002. № 9/10. С. 40; Тодышев М., Мурашко О. Работа над федеральным законодательством о коренных малочисленных народах продолжается // Там же. 2002. № 9/10. С. 40.

⁸⁰ Там же. С. 41.

⁸¹ Международное десятилетие коренных народов мира: предварительные итоги // Там же. 2003. № 13. С. 7.

⁸² Анисимов Н. А. Ратификация Конвенции № 169 — назревшая необходимость и гарантии будущего коренных малочисленных народов России // Там же. 2003. № 13. С. 33.

⁸³ URL: <http://www.programs-gov.ru/ext/39/2.htm>.

⁸⁴ Харючи С. Н. Наша судьба — в наших руках: докл. Президента АКМНС и ДВ на IV съезде коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2001. № 6/7. С. 12—13.

⁸⁵ Матвеева К. М. Коренные малочисленные народы и федеральные целевые программы // Экономика коренных народов. 2003. № 1. С. 4—5. См. также: URL: <http://www.programs-gov.ru/ext/39/1.htm>.

территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2001 г.), постановление Правительства РФ «О Едином перечне коренных малочисленных народов РФ» (2000 г.). При этом был использован традиционный для отчетов Правительства РФ подход — перечисление законов и иных нормативных актов без анализа практики их правоприменения, что весьма критически оценивается представителями народов Севера, которым приходится сталкиваться на местах с проблемами при попытке реализации указанных актов.

Неудовлетворенность такой практикой отчетов неоднократно высказывалась на съездах Ассоциации. На IV съезде (апрель 2001 г.) в выступлении Г. Волковой ответ на вопрос «Что нам дали уже принятые законы?» оказался весьма жестким: «Они еще более усугубили наше положение. Не должно быть позиции, которую занимают здесь, на федеральном уровне, и органы власти, и Ассоциация. Пусть лучше такие, чем никакие. С этого и начинается национальная политика государства. Принятие декларативных законов не улучшает нашу жизнь»⁷³.

По оценке специалистов Закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ», «одним из его достоинств является наличие положений о необходимости обеспечения прав коренных народов, а его серьезным недостатком выступает заложенная в самом законе невозможность реализации этих положений»⁷⁴. Декларативность норм данного закона в полной мере ощутили на себе те 15 народов, которые впервые в соответствии с ним получили особый статус. После утверждения Единого перечня на федеральном уровне не последовало ни одного специального нормативного акта, который распространялся бы на все перечисленные в нем народы. Представители 15 народов, впервые получившие особый статус, являлись лишь участниками Всероссийского конгресса (декабрь 1999 г.) и парламентских слушаний «О реализации Закона РФ “О гарантиях коренных малочисленных народов РФ” (июнь 2000 г.). Они не участвовали в заседаниях возобновившего в 2002 г. свою деятельность под руководством В.Ю. Зорина Национального оргкомитета. Снова, как и в советские времена, основным объектом внимания на федеральном уровне стали народы Севера.

Закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» стал предметом острого противостояния между претендентами на создание территорий традиционного природопользования (далее ТТП) и Министерством экономического развития РФ (далее Минэкономразвития), ответственным после упразднения Госкомсевера и Миннаца за экономическую поддержку коренных малочисленных народов. В соответствии с ним ТТП образуются по инициативе представителей народов Севера или их общин как «особо охраняемые природные территории, предназначенные для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни», а выделенные под них участки земли передаются организаторам в безвозмездное пользование. ТТП могут

быть федеральными, региональными, межрегиональными и местными; решение об их создании принимается, в зависимости от статуса ТТП, органами власти соответствующего уровня.

В реальности ни одну ТТП практически невозможно организовать без решения Правительства России, поскольку в пределы запрашиваемого земельного участка попадают объекты федерального значения: водоемы, леса, прибрежные зоны. По всем обращениям в Правительство РФ о создании ТТП не принято ни одного решения. В ответах Минэкономразвития, выступающего от имени Правительства РФ, сообщается, что Закон «О территориях традиционного природопользования» вступил в противоречие с рядом действующих законов, нет нормативного акта о порядке их образования и определения границ. Попытки в судебном порядке с помощью Правового центра «Родник» привлечь к ответственности Правительство РФ за бездействие оказались безрезультатными⁷⁵. Обращения к Президенту России также не изменили ситуацию⁷⁶. Известен случай, когда ликвидация созданной до принятия федерального закона ТТП побудила общественную организацию ительменов Камчатки «Тхсаном» обратиться в Европейский суд по правам человека, так как на родине все судебные решения были приняты не в ее пользу⁷⁷. Ситуация осложнилась после принятия в октябре 2001 г. нового Земельного кодекса РФ, из которого была изъята норма безвозмездного пользования землями⁷⁸, что аннулировало право безвозмездной передачи земель для ТТП. Земельные участки могут теперь передаваться гражданам и их объединениям только на праве аренды или в собственность, что противоречит самой сути закона о ТТП, предусматривающего выведение земель, используемых народами Севера для своего жизнеобеспечения, из сферы купли-продажи как основы для жизнедеятельности будущих поколений народов Севера.

Принятие пакета законов о правах коренных малочисленных народов в 1999—2001 гг. совпало с началом работы в сентябре 2001 г. Комиссии при Президенте РФ по разграничению полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти и органами местного самоуправления. Одним из ее решений стало предложение об упразднении всех трех вышеперечисленных законов, регулирующих правовой статус коренных малочисленных народов, и включения их норм в профильное законодательство. Вместо закона о ТТП предлагалось ввести в Земельный кодекс РФ отдельную статью о порядке образования и функционирования ТТП⁷⁹.

Предложения комиссии вызвали резкий протест Ассоциации, который был поддержан Комитетом по делам национальностей Государственной Думы, Комитетом Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов, Уполномоченным по правам человека РФ О. О. Мироновым. В обращении Ассоциации к Президенту РФ решение комиссии расценивалось как ведущее к уничтожению «основ правового поля защиты интересов коренных народов»⁸⁰. Выход из тупика Мин-

экономразвития видело в подготовке нового варианта закона о ТТП, в котором круг создателей ТТП не ограничивался бы представителями народов Севера, а сам характер их деятельности — «традиционным природопользованием». Ассоциация выступила против такой концепции закона. На заседании Правительства РФ 6 марта 2003 г. президент Ассоциации С. Н. Харючи заявил, что предложенный министерством «проект явно преследует цели открытия доступа к традиционным территориям всем возможным субъектам хозяйственной деятельности. Прослеживается лоббирование интересов добывающих компаний, а не проявление заботы о будущем коренных народов»⁸¹.

Попытка пересмотреть концепцию закона о ТТП, по мнению экспертов Ассоциации, явилась началом «последовательной атаки на права коренных народов, закрепленные в законодательстве». Обеспокоенность позицией Правительства РФ, когда «под благовидными предложениями совершенствования законодательства, разграничения полномочий между разными уровнями власти предпринимаются самые активные попытки ревизии федеральных законов по проблемам коренных малочисленных народов, отмены некоторых основополагающих норм этих законов», выразили и отдельные члены Совета Федерации⁸². Как выяснилось, эти опасения оказались ненаправленными.

Об экономической поддержке. Основной целью целевых программ как главного механизма экономической поддержки малочисленных народов на федеральном уровне провозглашается «создание условий для перехода коренных народов к устойчивому развитию на принципах самообеспечения на основе комплексного развития традиционных отраслей хозяйствования, их ресурсной и производственной базы, духовного и национально-культурного развития, повышения уровня образования, профессиональной подготовки, обеспечения здоровья коренных народов»⁸³.

С начала 1990-х гг. реализовались две целевые программы: Государственная программа развития экономики и культуры малочисленных народов Севера на 1991—1995 гг. и «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 г.» Обе продлевались на один год. Такое обычно происходит, когда орган, ответственный за программу, «забывает» о необходимости своевременно подготовить ее новый вариант. Как правило, в «продлеваемый» год она не финансируется⁸⁴. На программу 1991—1995 гг. было выделено 11,5 % от запланированного, на программу до 2000 г. — только 6,6 %. Поэтому структурами, ответственными за их реализацию, признается, что «основные цели указанных программ не были достигнуты из-за ограниченного финансирования»⁸⁵.

В 2001 г. была принята очередная программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2010 г.» (далее Программа)⁸⁶. По оценке специалистов из числа народов Севера, проект Программы, повторяя предыдущие, «нацелен на развитие не конкретных малочисленных народов Севера,

а районов их проживания»⁸⁷. По заключению Миннаца, анализ мероприятий Программы отчетливо показывает, что они часто «имеют слишком общую направленность и призваны решать проблемы административных территорий, а не конкретных малочисленных народов». Отмечалось, что к разработке Программы недостаточно привлекались сами коренные малочисленные народы, хотя Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» обязывает учитывать их мнение⁸⁸.

Общие расходы Программы на 10 лет запланированы в сумме 2,7 млрд руб., из них треть (750 млн руб.) — из федерального бюджета, половина (1 182 млн руб.) — из регионального, а все остальное — внебюджетные средства, т. е. благотворительная помощь. Средства из федерального бюджета с 2002 по 2005 г. ежегодно примерно по 100 млн руб. направлялись в 28 северных регионов на строительство социально-культурных и производственных объектов по переработке продукции традиционных отраслей хозяйствования в поселениях, расположенных в местах проживания малочисленных народов (86,5 % от запланированных); научно-исследовательскую деятельность (0,5); текущие расходы (13,0 %). В каждом регионе велось строительство от 1 до 3 объектов⁸⁹. До 2006 г. они не индексировались, поэтому реальная помощь из федерального бюджета по Программе в период с 2002 по 2005 г. с каждым годом уменьшалась. В некоторых регионах средства местных бюджетов, выделяемые на поддержку народов Севера, значительно превышают помощь из федерального бюджета. На ресурсодобывающих территориях они просто несопоставимы с объемами федеральной поддержки. Так, например, в Ханты-Мансийском автономном округе федеральные средства составляют менее 1 % от средств округа, предназначенных на поддержку народов Севера. Поэтому официально представляемые сведения о выполнении Программы — в квадратных метрах жилой площади, тысячах мест в школах, больницах и т. п. без указания конкретных регионов, численности проживающих в них представителей народов Севера и их реальной потребности в данных учреждениях — не дают ясного представления о том, насколько она соответствует заявленным целям.

Частая смена исполнителей Программы также не способствует ее успешной реализации. После ликвидации Госкомсевера за нее стал отвечать Миннац. Его руководители в 2001 г. заявили о намерении «избежать уравниловки в распределении государственных средств» и учитывать «объективные факторы, связанные с состоянием этноса и территориально-экономическими условиями»⁹⁰, о необходимости распространения действия Программы на все коренные малочисленные народы России, указанные в Едином перечне коренных малочисленных народов⁹¹. Однако Миннац был упразднен в том же году, а исполнение Программы перешло в Минэкономразвития.

В целом по итогам мартовского заседания Правительства РФ констатировалось, что, «несмотря на принимаемые органами государственной власти меры, положение коренных народов России продолжает оставаться

сложным... перелома в экономическом развитии, улучшения уровня и условий жизни коренных народов не произошло». Отмечалось, что нарушен генофонд народов Севера в связи с изменениями экологиче-

ского равновесия окружающей среды из-за активного промышленного освоения территорий традиционного проживания без серьезных компенсационных мер, а также из-за вынужденного отхода от структуры традиционного питания. По-прежнему с трудом решаются вопросы медицинского, транспортного, торгового обслуживания кочевых общин оленеводов, охотников, рыболовов, удаленных поселений. Большинство сельского населения среди коренных народов не имеет работы, живет за чертой бедности. Только 48 % населения из числа коренных малочисленных народов Севера имеют начальное и неполное среднее образование, а 17 % полностью неграмотны. Средняя продолжительность жизни составляет 49 лет. Доля традиционных отраслей в структуре валового регионального продукта северных субъектов колеблется от 0,2 до 1,5 %. Уровень безработицы в 3—4 раза превышает средний по этим субъектам Российской Федерации. Источники существования — сезонная работа, социальные пособия, пенсии пожилых людей⁹².

Обсуждение на заседании Правительства РФ вопроса о ходе реализации мероприятий Десятилетия завершилось протокольным решением⁹³. Оно не имело, как показали дальнейшие события, никаких последствий для изменения в лучшую сторону ситуации с коренными малочисленными народами, поскольку на реализацию представленного в конце мая 2003 г. измененного Комплексного плана на 2003—2004 г. дополнительных средств не выделялось. Министерством и ведомствам для его выполнения предстояло «сконцентрировать» собственные усилия и средства. Запланированное в разделе «Международные мероприятия» проведение Конгресса коренных малочисленных народов в связи с завершением Международного десятилетия также не состоялось.

В феврале 2004 г. должность министра по национальной политике была упразднена, а в июле, за полгода до завершения Десятилетия, ликвидирован Оргкомитет⁹⁴.

В августе 2004 г. Федеральным законом о разграничении полномочий между разными уровнями власти № 122, известным как «закон о монетизации»⁹⁵, были внесены изменения в законы «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» и «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ». По оценке как представителей коренных малочисленных народов, так и специалистов, внесение изменений привело к ограничению прав коренных малочисленных народов. Несмотря на то что в соответствии со ст. 72 (ч. 1, п. «б» и «м») Конституции РФ «защита прав национальных меньшинств» и «защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей» являются сферой совместной компетенции федеральных и региональных властей⁹⁶, из законов были изъяты все положения, касающиеся участия и помощи региональных властей и органов местного самоуправления в реализации прав коренных малочисленных народов в области традиционного природопользования⁹⁷. Внесенные «законом о монетизации» поправки в ряд социальных законов ликвидировали ранее существовавшие льготы по медицинскому и социальному обслуживанию представителей малочисленных

⁹² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 32. Ст. 3327 ; URL: <http://www.programs-gov.ru/cgi-bin/index.cgi?prg=>.

⁹³ Донской Ф. С. Отзыв на проект федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2010 года» // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2000. № 2. С. 11.

⁹⁴ Томтосов А. А. О проекте федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2010 года» // Там же. С. 16—17.

⁹⁵ Объекты государственных инвестиций по Программе на 2005 г. URL: http://www.programs-gov.ru/cgi-bin/fcp_gosinv.cgi?prg=39&year=2005.

⁹⁶ Кирпичников В. А. Выступление на IV съезде Ассоциации. С. 24.

⁹⁷ Томтосов А. А. О проекте федеральной целевой программы... С. 16—17.

⁹⁸ Пресс-релиз заседания Правительства Российской Федерации 6 марта 2003 г. по вопросу «О ходе реализации мероприятий Международного десятилетия коренных народов мира (1994—2004 годы)» (URL: http://www.government.gov.ru/archiv/data/structdoc.html_he_id_102_do_id_857.htm).

⁹⁹ Мир коренных народов. Живая Арктика. 2003. № 13. С. 24.

¹⁰⁰ Постановление Правительства РФ от 26 июля 2004 г. № 380 «О признании утратившими силу решений Правительства Российской Федерации по вопросам создания и деятельности координационных и совещательных органов, образованных Правительством Российской Федерации (с изменениями на 8 декабря 2005 г.)» (URL: <http://www.svobodainfo.org/info/printdoc?tid=&nd=901904581&prevDoc=9016433&mark=0078ERR007QVK50AEIPT82GCFDLP2A0FVVDK000032I0000NM13V7IAO>).

¹⁰¹ Полное название закона № 122 от 24 августа 2004 г. «О внесении изменений в законодательные акты РФ и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”». Им одновременно вносились изменения в 154 закона.

¹⁰² Конституция Российской Федерации.

народов Севера. Было отменено право на их бесплатное социальное обслуживание и право на бесплатную ежегодную диспансеризацию. Представители малочисленных народов теперь могут пользоваться учреждениями данного профиля лишь на общих основаниях⁹⁸.

Проблема с реализацией закона о ТТП также не решена до настоящего времени⁹⁹. В некоторых регионах, в частности в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, ТТП имеются¹⁰⁰. Ханты-Мансийский округ, где ситуация с малочисленными народами выгодно отличается от общей по стране, становится объектом для посещений представителями различных международных организаций, знакомящихся с положением российских коренных малочисленных народов¹⁰¹.

С образованием в сентябре 2004 г. Министерства регионального развития РФ (далее Минрегион)¹⁰² ему были переданы вопросы национальной политики, в том числе и реализация программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2010 г.».

Совет Федерации в рекомендациях парламентских слушаний, состоявшихся в мае 2005 г., предложил включить в состав приоритетных мероприятий Программы также «развитие здравоохранения, образования, этнической культуры, транспортной и социально-бытовой инфраструктуры в местностях исконного проживания и ведения традиционных форм хозяйствования коренных малочисленных народов»¹⁰³. Изменения в Программе были неизбежны и в связи с утверждением в апреле 2006 г. нового перечня народов Севера, в котором их число возросло с 30 до 40¹⁰⁴. В 2006 г. по заданию Минрегиона был подготовлен проект Концепции федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации до 2015 г.»¹⁰⁵. В нем предлагалось расширить сферу применения федеральной помощи по отношению к народам Севера и значительно увеличить финансирование. Правительство РФ соответствующее решение приняло в июле 2007 г. Оно также внесло изменения в Программу, сократив срок ее действия до 2008 г. и увеличив ежегодное финансирование из федерального бюджета на 2007—2008 гг. более чем в два раза¹⁰⁶. Следующая программа, очевидно, будет разрабатываться на основе вышеупомянутой концепции.

После изменений, внесенных «законом о монетизации» от 24 августа 2004 г. в законы «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» и «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», единственными нормативными актами на федеральном уровне стали в 2006 г. распоряжения Председателя Правительства об уточнении Перечня малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока по данным переписи 2002 г.¹⁰⁷ К этому можно добавить утверждение нового состава

⁹⁷ Текст закона с исключениями статей в соответствии с Федеральным законом № 122 от 22 августа 2004 г. см.: Статус коренных малочисленных народов России. Правовые акты. Книга третья. С. 48—56.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Председатель Комитета по делам Севера и малочисленных народов Совета Федерации Г. Д. Олейник, выступая на семинаре Совета Европы «Международные юридические гарантии защиты национальных меньшинств и проблемы их имплементации» в Страсбурге 18 октября 2006 г., заявил, что «разработка и принятие в дополнение к уже существующему закону о территориях традиционного природопользования подзаконных нормативных правовых актов является задачей, актуальной с точки зрения совершенствования всего блока законодательства, посвященного национальным меньшинствам Севера России» (URL: <http://severcom2004.artstyle.net/files/upload/actions/061020165309.doc>).

¹⁰⁰ Райшев А. Образование территорий традиционного природопользования в Ханты-Мансийском округе: Опыт, проблемы, перспективы // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2002. № 11/12. С. 57—60.

¹⁰¹ Доклад Альваро Хиль-Роблеса — комиссара по правам человека Совета Европы о его визите в Российскую Федерацию с 15 по 30 июля 2004 г. и с 19 по 29 сентября 2004 г. Комитету министров и Парламентской ассамблее. С. 56—60 (URL: <http://www.hro.org/docs/rep/alvaro.php>).

¹⁰² Указ Президента Российской Федерации № 1168 от 13 сентября 2004 г. «О Министерстве регионального развития Российской Федерации» (URL: <http://www.minregion.ru/WorkItems/SPage.aspx?PageID=280>).

¹⁰³ Рекомендации парламентских слушаний в Совете Федерации «Бюджетная обеспеченность субъектов РФ, полностью или частично отнесенных к северным районам, и проблемы их устойчивого развития» (Москва, 26 мая 2005 г.) (URL: http://arc.council.gov.ru/kom_home/kom_155/files/upload/actions/051027111020.doc).

¹⁰⁴ О перечне федеральных целевых программ, подлежащих финансированию из федерального бюджета в 2007 г. см.: URL: <http://www.programs-gov.ru/npd/zased2206.html>.

¹⁰⁵ URL: <http://www.minregion.ru/WorkItems/NewsItem.aspx?NewsID=485>.

¹⁰⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 25 июля 2007 г. № 478 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации № 564».

¹⁰⁷ URL: http://www.government.ru/data/news_text.html?he_id=103&news_id=21075.

¹⁰⁸ Распоряжение Председателя Правительства РФ от 27 мая 2006 г. № 758-р.

¹⁰⁹ Документ ООН. A/61/L67.

Национального оргкомитета в связи с принятием ООН решения о втором Международном десятилетии коренных народов мира (2004—2014 гг.)¹⁰⁸ и постановления 2007 г. о сокращении действия программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов до 2010 г.» до 2008 г. с двукратным увеличением ее ежегодного финансирования.

Проведенный анализ основного законодательства о коренных малочисленных народах России в постсоветский период показывает, что самое важное решение государства о включении в Конституцию РФ обязательств по соблюдению прав коренных малочисленных народов в соответствии с международным законодательством о правах коренных народов стало итогом стечения благоприятных для того времени обстоятельств: активной деятельности общественности российских коренных малочисленных народов, непосредственного участия их представителей в законодательных органах российской власти, сотрудничества российских правительственных структур и общественных организаций коренных малочисленных народов с ООН, в работе которой вопросы защиты прав меньшинств и коренных народов приобрели в последние годы особую актуальность.

Непоследовательность реализации данных конституционных положений о правах коренных малочисленных народов в специальном законодательстве отражает общую тенденцию современного российского законодательства в области политических и социальных прав человека, продвижение которого на пути к демократизации общества идет по схеме «шаг вперед, два назад». Возврат к излишней централизации исполнительной власти на федеральном уровне и ослаблению ее представительных органов в центре и на местах, к сожалению, привел в последние годы к некоторым потерям в законодательстве о коренных малочисленных народах по сравнению с периодом начала 1990-х гг. По-прежнему реальное положение с соблюдением их прав определяется скорее отношением к данной проблеме региональных властей, чем нормами федерального законодательства, что порождает значительные различия в осуществлении прав коренных малочисленных народов в разных регионах страны, несмотря на формально общий для них статус, установленный российским законодательством.

Принятие в сентябре 2007 г. ООН Декларации о правах коренных народов¹⁰⁹, с учетом положения Конституции РФ о соблюдении прав коренных малочисленных народов на уровне международных стандартов и приоритета международного законодательства над российским, предоставляет весомые аргументы для приведения довольно поверхностного и противоречивого российского законодательства в этой сфере в соответствие с международными нормами.

Ключевые слова: этнополитика, коренные малочисленные народы, Российская Федерация.

Поступила 25.04.2008

бедные, богатые, нищие в удмуртской деревне: исторические и современные интерпретации

Г. А. Никитина,
доктор исторических наук, профессор
Удмуртского института истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Удмуртия)

(Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных

Одним из последствий социальных трансформаций, переживаемых современным российским обществом, стала его поляризация, которая остро актуализировала проблему социального неравенства в глазах научного сообщества. Интерес ученых к названной проблеме обусловлен не только чисто научными соображениями, но и гражданской озабоченностью состоянием российского общества, его будущим. По мнению одного из отечественных философов А. Л. Андреева, «...образ современной России как страны, разделенной на очень богатых и очень бедных... не способствует ни поддержанию достигнутой в последние годы относительной социальной стабильности, ни укреплению авторитета страны как одного из ведущих членов мирового сообщества»¹.

К изучению проблемы людей, принадлежащих к одному социуму, но занимающих в нем разные социальные позиции, можно подойти с разных сторон, используя различные критерии объективного и субъективного характера. Например, авторитетный отечественный социолог Н. Е. Тихонова и ее коллеги, считая наиболее распространенный классовый подход для исследования современной России относительно неэффективным, обратились к стратификационному методу, взяв за основной критерий построения модели стратификации российского общества уровень жизни населения. Такой подход позволил им создать объемный социальный портрет социума, проходящего через трудности экономических преобразований². По

мнению Л. А. Беляевой, при анализе социальной структуры российского общества новые возможности открываются в случае подхода к крупным слоям с точки зрения их самоидентификации. Подобный метод, полагает исследователь, наиболее полно был реализован коллективом авторов под руководством М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой в книге «Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс» (М., 2004)³.

Анализ социальных слоев «изнутри», т. е. через представления людей о бедности и богатстве, их восприятие и оценку состояний, источников, причин социального неравенства, автору заявленной статьи видится достаточно продуктивным. Он позволяет уловить нюансы психологического состояния общества, степень толерантности/интолерантности во взаимоотношениях социально неравных людей, от которой, в свою очередь, зависит устойчивость или уязвимость социальной стабильности социума. Заманчивой кажется и перспектива получить ответ на вопрос, укоренилось ли в современной деревне представление о том, что ценность любого человека определяется прежде всего качеством и количеством тех предметов, которыми он владеет.

Объектом внимания автора стали сельские удмурты, а предметом изучения — их представления о бедности, богатстве и нищете, отношении к состоянию социального неравенства. Эмпирическую базу исследования составили полевые этнографические материалы, собранные в

© Г. А. Никитина, 2008

районах Удмуртии в 2004—2007 гг. Проследить в общих чертах эволюцию народных интерпретаций социального неравенства и сравнить, в какой степени изменились представления о нем у современных удмуртов по сравнению с традиционным удмуртским социумом конца XIX в., позволили фольклорные данные, а также труды первого удмуртского этнографа Г.Е.Верещагина.

Как известно, основным критерием бедности и богатства принято считать неравное распределение доходов и материальных благ среди населения. Под бедностью в традиционном удмуртском обществе подразумевался уровень хозяйственно-экономического состояния, при котором самообеспечение крестьянского двора (семьи) постоянно находилось под угрозой срыва. Именно такие хозяйства называли «куанер» (бедные). Г.Верещагин, внимательно изучив социальные отношения, общинный уклад удмуртской деревни Ляльшур Сарапульского уезда Вятской губернии (современный Шарканский район Удмуртской Республики), среди общего количества дворов выделил 12 бедных, экономические характеристики которых сводились к следующему: «Лошадей большая часть имеет по одной, редко по две... подати затыгивает долго и уплачивает обыкновенно кое-как, часто с помощью других. Нередко хлеба не хватает и на осеменение полей, и поэтому нужда заставляет сеять “исполу”. Отличительный признак бедности — плохие кони, часто неимение телег»⁴.

Исследователь указал на две основные, по его мнению, причины бедности — пьянство и картежную игру,

что в целом не противоречит народным представлениям. Удмурты действительно считали пристрастие к спиртному пороком, ведущим к бедности: «Геры кутод — узырмод, трубка кутод — начармод, вина юод — куанермод» (За соху возьмешься — разбогатеешь, за трубку возьмешься — оскудеешь, будешь пьянствовать — обеднеешь). Бытовало также стойкое убеждение, что в бедных «ходят» лентяи: «Нуналэз тэк ортчйтӥсь куанерме» (Проводящий дни без дела человек беднеет)⁵.

Одной из причин бедности считались семейные разделы, влекущие за собой раздробление земельных наделов, рабочих рук, имущества, скота, инвентаря. Осознание их пагубных последствий как для крестьянских дворов, так и для общины в целом было, по-видимому, сильным сдерживающим фактором, и возможно, поэтому среди удмуртов большие неразделенные семьи продер-

Аіááä ä öäiöðöñéíé ääðááíá.
Öiöiáðäöëÿ l. Äññááüááá.
Ià÷ àèi ÖÖ ä. IðÏË

жались значительно дольше, чем среди русских. Раздоры и ссоры в семьях осуждались народом, так как угрожали благополучию, стабильности и согласованности хозяйственной деятельности крестьянского двора.

Чтобы соблюсти экономические интересы всех своих членов, община держала в поле зрения вопросы опекунов, призрения престарелых, определения доли каждого члена семьи после смерти родителей или в случае семейного раздела. Мотивы «мирского» контроля и регулирования могли варьироваться, но на одном из первых мест стояло желание избежать обеднения и разорения крестьянских хозяйств, так как от их экономической состоятельности зависело благополучие самой общины. Из этих же соображений она поддерживала хозяйства вдов, солдаток, а также семьи, переживавшие неблагоприятные жизненные обстоятельства (пожар, тяжелая болезнь главы семьи, падеж скота, сиротство и т. п.). Общинная помощь спасала от разорения и нищеты, но не от бедности как таковой: традиции взаимовыручки и поддержки позволяли сохранять минимальный уровень существования, платить налоги, избегать окончательного хозяйственно-экономического краха, но не процветать. Общине было невыгодно как разорение ее членов, так и их чрезмерное обогащение.

Серия фольклорных произведений малого жанра демонстрирует амбивалентное отношение народа к состоянию бедности. Пословицы «Гольык муртлэсь марзэ басьтод?» (С голодранца что возьмешь?), «Ньепед ке тырттэм, попед но пельтэм» (Карман пустой, так и поп глухой), «Начар муртлэн улэмез — дукъялэн лыс сиемез» (Жизнь бедняка, что жизнь глухаря, питающегося хвоей) содержат в себе долю пренебрежительности по отношению к бедноте, которая воспринимается обществом как слой социальных инвалидов. В то же время ряд кратких изречений типа «Куанер жалялоз, узыр серекъялоз» (Бедный пожалеет, богатый посмеется), «Куанер муртлэн скулмыз каньыл» (У бедняка душа добра) акцентирует внимание на человечности и нравственности именно бедных слоев деревенского социума.

Развитие и утверждение капиталистических отношений усилили поляризацию сельского сообщества. За счет размывания слоя середняков более зримо стали оформляться контуры групп бедняков и богатых (на рубеже XIX—XX вв. среди удмуртских хозяйств насчитывалось 24,5 % бедных дворов, среди русских — 56,0 %)⁶. Но в целом замедленные темпы социально-экономического развития удмуртского общества обусловили его относительно слабую социальную дифференциацию. Характерной чертой среднестатистической удмуртской деревни был достаточно высокий удельный вес средних и состоятельных хозяйств. Следствием этого явилась смазанная картина экономической стратификации и социального противостояния, что предопределяло ориентацию основной массы крестьян на общинные порядки в производ-

ственных и общественных отношениях.

Капиталистическое рекрутирование слоя бедных было приостановлено Октябрьской революцией 1917 г.: к середине 20-х гг. XX в. слой бедняков в удмуртской деревне сократился до 18,5 %⁷. В последующие годы о бедности как о социальном явлении уже не было принято говорить, подразумевалось, что советское общество с ним покончило. Объективно в этот период материальное благосостояние людей повышалось, за исключением военных и послевоенных лет.

Экономическая политика постсоветского времени положила начало новой социальной поляризации российского общества, в результате которой образовались тонкий слой богатых и обедневшее большинство, разрыв между которыми продолжает углубляться. Под понятием «бедность» по-прежнему подразумевается отсутствие возможностей для обеспечения необходимых жизненных условий. Считать при этом, что неудовлетворенные потребности завышены, оснований нет. Это, скорее, заниженные потребности, отражающие уровень физического и социального выживания.

Удмуртский этнос, не сумевший вовремя сориентироваться и выработать механизмы быстрой адаптации к процессам модернизации и реформирования общества, понес более ощутимые потери, что позволяет предположить, что процесс обеднения затронул его глубже и отразился более болезненно на его психологическом самочувствии. Сельское население республики, которое более чем на 53 % представлено удмуртами, спасается от угрозы обнищания за счет самоэксплуатации, частичной натурализации хозяйств, сетевого партнерства, деревенской взаимопомощи, эпизодических «рейдов» в рыночную экономику, неправовых форм добычи средств существования.

Примечательной особенностью современной бедности является нарастание ее масштабов за счет трудоспособной части общества. На фоне традиционной бедности неполных и многодетных семей, инвалидов и престарелых сформировался новый слой — работающих бедных, которые не могут обеспечить себе социально приемлемый уровень благосостояния из-за низкой заработной платы и хронических задержек ее выплаты⁸. Сильнымотягчающим положение сельских жителей фактором стало почти массовое злоупотребление алкоголем.

В отношении вероятности изменения экономического статуса в сторону обеднения сельское сообщество находится в зоне повышенного риска. Наиболее уязвимы дети и пенсионеры, многодетные семьи, безработные, люди без специального образования. Именно эти социальные группы вносят наибольший вклад в бедность. Для них характерны неполноценное, однообразное питание, дефицит одежды и обуви, плохие жилищные условия, отсутствие какой-либо недвижимости, личного автотранспорта, невозможность пользоваться платными медицинскими и образовательными услугами и т. п. Следует также отметить тот факт, что современная бедность — это не всегда голод и безысходная нужда. Очень часто за этим понятием кроются трагическое осознание

Çàæèòí-íàÿ óäíóðòòêàÿ ñàíüÿ.
Óíóíàððàòèÿ Ì. Ààñááüááá. Íà-àèí ÓÓ à. ÍÐËË

своей неполноценности, ощущение неравенства и утраты надежд на какие-либо перспективы в жизни: «На что мне еще надеяться в этой жизни? Видишь ведь, дом старый, амбар вот-вот развалится, крыша вся сгнила. Я пенсионерка, ни сил, ни денег на ремонт нет. Дети в городе, материально помочь не могут, ладно хоть по огороду помогают»⁹.

Богатство в традиционном обществе ассоциировалось с многоземельем, значительным поголовьем скота, добротным сельскохозяйственным инвентарем и техникой, крепкими надворными постройками, использованием наемной рабочей силы (временной/сезонной или постоянной), выдачей ссуд под проценты, арендой дополнительных земель, торговлей и предприимчивостью. Г. Е. Верещагин о зажиточном удмуртском хозяйстве писал следующее: «...за уплатою податей и довольствованием семьи, имеет в запасе сотню, другую, третью наличных денег, да и муки и жита в закромах на сотню-другую рублей, да скирд около десяти, рублей на 500. Такой двор ни частным лицам, ни в волостную вспомогательную кассу денег не должен: напротив, ему должны недостаточные и бедные дворы. Скота имеет всегда достаточное количество. Стол его из лучших, если он не скряга. Особенно присутствие средств выражается количеством скирд хлеба, лучшими лошадьми, хорошей сбруей и чистой одежды». По мнению исследователя, по экономическим параметрам к социальной группе богатых дворов были близки дворы «достаточные»: они «имеют в запасе деньги — десятки рублей и несколько скирд в полях... недостатка ни в рабочих лошадях, ни в другом скоте нет. Лошадей, сбрую имеют наравне с зажиточными. Долгов нет. Семья лучше питается, чем у недостаточных и бедных. Вообще, достаточный двор от зажиточного мало отличается»¹⁰.

Существовало стойкое убеждение, что богатыми обычно бывают трудолюбивые семьи с большим количеством рабочих рук: «Уж дорын — байлык» (Богатство в труде), «Узырмемед ке потэ, ужаны кулэ» (Хочешь разбогатеть, трудись). Фольклорный материал позволяет проследить связи между богатством и бережливостью, богатством и прижимистостью, даже скупостью: «Кышъяса нуллон — зарни улон» (В заплатках ходить — во злате жить), «Узыр муртлэсь чиньызе вандыса но вир уз поты» (У богатого даже из порезанного пальца кровь не побежит). Уже с XVII в. удмурты достаточно хорошо поняли силу и власть денег, наличие которых также связывалось с богатством. С развитием капиталистических отношений, расширением торговых связей денежная состоятельность приобрела еще большую значимость и под богатством в первую очередь стало подразумеваться наличие свободных денег. Произошли серьезные изменения и в психологии крестьянства: если раньше богатство не особенно афишировалось, то теперь внешние признаки зажиточности стали престижным явлением (хорошая сбруя и упряжь, строения и т.д.). К демонстративным признакам богатства относились также предметы быта (самовар), дорогая одежда (справный тулуп), покупная посуда. По-прежнему одним

из существенных показателей хозяйственной состоятельности считались хлебные запасы: «на черный день» всегда старались иметь как можно больше скирд хлеба. На многочисленные клады удмуртов обратили внимание еще дореволюционные исследователи, а русские земледельцы о них отзывались весьма образно: «Вотские кабаны уже поседели от старости и сгорбились»¹¹.

В основной массе народа отношение к богатству, как и к бедности, было довольно противоречиво: каждый хотел стать богатым, но уважением в обществе пользовались только те, кто добыл его праведно, собственным трудом. Не жаловал сельский мир богатых общинников, известных жадностью и стремившихся нажиться на нужде односельчан: «Узыр муртэн эн кушласькы: кырымен сётос, пудовкаен кыскоз» (Не связывайся с богатым: даст горсточку, потребует пудовку).

В целом в традиционном удмуртском обществе не успел сложиться более или менее значительный слой людей, владевших большими богатствами и имевших возможность широкой эксплуатации соплеменников. Немногочисленный капитал в основном накапливался за счет ростовщичества, посреднической торговли и лишь в малой степени — на основе промышленного, как правило деревообрабатывающего, производства или торговли лесом.

Экономическая политика советского времени, направленная на установление всеобщей уравнительности, препятствовала социальной поляризации общества и в идеале даже не предполагала выделения социальной группы богатых. В качестве общепринятой нормы оставались усредненные показатели роста «материального благосостояния всех советских людей». Тем не менее самосознание сельских жителей всегда фиксировало некоторый набор предметов быта, средств передвижения и пр., которые связывались в общественном мнении с понятием «богатство». Обычно к ним относились телевизор, стенка, мягкая мебель, мотоцикл (автомобиль символизировал скорее роскошь, нежели богатство), добротные жилые постройки.

Постперестроечный и постсоветский периоды, ознаменовавшиеся переходом к рынку и психологии индивидуализма, привели к общему ухудшению материального, финансового, хозяйственно-экономического положения основной массы удмуртского этноса. Говорить о том, что в его недрах идет процесс накопления больших богатств, не приходится. Возможно, именно поэтому вопрос «Есть ли в вашей деревне богатые семьи?» часто заставлял респондентов врасплох. Почти все они (независимо от уровня жизни, материального достатка) затруднялись с ответом и предпочитали оперировать понятиями «умой/зол улисьёс» (хорошо/крепко живущие) и очень редко — «узырьёс» (богатые). И ни одна семья, о которой респонденты отзывались как о зажиточной, крепкой, богатой, не признала себя таковой! Лишь очень немногие соглашались с тем, что они имеют достаток выше других односельчан, но непременно подчеркивали, каких трудов им стоил/стоит этот достаток, добытый за счет самоэксплуатации в личном подворье, занятия фермерством

или предпринимательской деятельностью. Весьма примечательным был ответ одного из респондентов на вопрос «Можно ли людей в деревне разделить на богатых и бедных?»: «Нет. Я бы сегодня разделил людей в деревне на работающих и бездельников. Стартовые условия у всех были одинаковые, и сегодня одинаковые у всех. Вчера был разговор с женщинами, напомнил им, что весной советовал взять телят, никто не захотел. Привел им другой пример: в нашей же деревне семья (оба зарабатывают неплохо) выращивают чеснок, который сдают в колбасный цех, нынче уже тысяч 10 заработали. В прошлом году взяли участок, посадили свеклу, сдали на 15 тысяч. Вот я и говорю женщинам: «Что вам мешает это делать? Вам, что, 15 тысяч лишние? Вы просто не хотите работать!»¹² Еще один пример: «Произошло расслоение общества: тот, кто хочет чего-то добиться, — добьется, если будет работать, а если человек плывет по течению, он и приплывет, как у Горького, «на дно»¹³.

И все же когда в народе про кого-то говорят «соос узыресь» (они богатые), обычно имеют в виду, что «у них» есть некоторый набор материально-вещных единиц, обеспечивающих, по сельским меркам, независимое от случайностей внешней среды жизнеобеспечение и функционирование семейного коллектива. К критериям богатства обычно относятся добротные надворные постройки, в первую очередь дом (часто двухэтажный в кирпичном исполнении), «городская» обстановка внутри жилища (бытовая техника, мебель, ковры и пр.), автомобиль, мо-

тоцикл, набор сельскохозяйственной техники. Если двор имеет трактор, то он действительно «богат»: «У многих есть свои тракторы, копалки, косилки, другая техника. Им хорошо — они зарабатывают на этой технике. Это крепкие, хозяйственные мужики»¹⁴.

Для сильного хозяйства обычно характерны большое количество скота (обязательно — корова, теленок, в отдельных хозяйствах — лошадь), домашней птицы, обширный участок земли. В такой семье взрослые члены имеют высокий, по сельским меркам, заработок (обычно исчисление начинается с суммы, превышающей 10 тыс. руб.) и стабильно его получают, «приращивая» прибыль за счет сбыта продукции с личного подворья и потому не испытывая денежных проблем.

Надо особо отметить, что в перечне предметов, символизирующих богатство, сельские жители практически не называют такие престижные и дорогие предметы, как домашний кинотеатр, посудомоечная машина, кондиционер, импортные тренажеры, видеокамера. Похоже, в глазах сельского социума приобретение подобных вещей в принципе не актуализировано и владение ими едва ли воспринимается как жизненно и социально значимый дифференцирующий фактор в стилях потребления. Наличие иномарок зафиксировано в некоторых семьях руководителей сельскохозяйственных производственных кооперативов или в семьях, где хотя бы один человек работает в нефте- или газодобывающей отрасли производства. Компьютерная техника имеется как в вышеназванных семьях, так и у работников бюджетной сферы, в первую

очередь учителей, работников культуры, и массово отсутствует у рядовых работников сельского хозяйства.

Преобладающее число респондентов в беседах о крепких, зажиточных хозяйствах непременно акцентировали внимание на том, что члены таких семейств, особенно дети, имеют лучшие возможности для самореализации в разных областях жизни. Они могут получить хорошее образование и престижную работу, начать собственный бизнес. При этом подразумевалось, что подобные жизненные практики будут разворачиваться в городе, а не в деревне, что у состоятельных родителей для обустройства детей имеется гораздо более широкий спектр ресурсов (материальных, финансовых, социальных и пр.), чем у бедных.

Преобладающая часть сельчан убеждена, что честным, праведным трудом в современных условиях стать богатым практически невозможно. Это мнение тем более упорно, что становление нового слоя зажиточных/богатых людей происходило на их глазах. Он формировался в первую очередь из бывших руководителей и специалистов хозяйств, имевших доступ к общественным ресурсам, владевших административным, профессиональным,

образовательным или иным социальным капиталом. К категории достаточных, крепких хозяйств сельчане также относят семьи фермеров, нефтяников, работников бюджетных организаций.

Сельчане вынуждены мириться с присутствием в их сообществе состоятельных фермеров, но отношение к ним достаточно амбивалентное. Толерантность в первую очередь адресована фермерам «новой волны», заложившим фундамент собственной успешности не за счет льготных кредитов и других видов государственной помощи, а личным трудовым напряжением. Уважением пользуются главы крестьянских фермерских хозяйств, не дистанцирующиеся от остального деревенского «мира», оказывающие материальную или финансовую помощь местной школе или учреждению культуры.

В целом социальный портрет богатого в общественном сознании сельских жителей классовой ненависти не пробуждает, но чувство зависти и осуждения вызывает несомненно, особенно со стороны тех, кто не сумел адаптироваться к изменившимся условиям и считает себя незаслуженно обделенным. Поляризация семей по состоятельности меняет психологическую атмосферу внутри

сельского социума, в целом ухудшая ее. Во время экспедиции к удмуртам Пермского края автору довелось услышать любопытное изречение о разбогатевших односельчанах, относящихся к остальным (особенно не очень состоятельным) достаточно пренебрежительно, свысока: «Пень кудыысь пызь кудые усизы» (досл.: Из лукошка с золой упали в лукошко с мукой)¹⁵.

Категория сельчан среднего уровня достатка готова согласиться с тем, что богатыми становятся люди незаурядные, вкладывающие в свое хозяйство неограниченное количество труда и энергии, без оглядки на время и здоровье: «Богатыми становятся трудолюбивые. Кто работает, к чему-то стремится, тот в деревне сможет выжить»¹⁶.

О богатстве обе стороны — и бедные, и богатые — отзываются почти единодушно: все это относительно и даже временно (по принципу «от сумы и тюрьмы не зарекайся»). Сближает их и одинаковое отношение к сегодняшнему состоянию страны. Представители обоих слоев считают, что институты гражданского общества слабо развиты и практически не участвуют в решении тех или иных экономических проблем, отдавая предпочтение этнополитическим или сугубо этнокультурным вопросам. Государство по-прежнему остается главным адресатом, к которому, как считают сельские удмурты, следует обращаться за защитой своих прав и интересов. Но в повседневных практиках население все больше ориентировано на самостоятельное решение своих жизненных проблем и обустройство ближайшего социального пространства. Протестные настроения, связанные с тяжелыми условиями жизни, присутствуют только в вербальной форме, а реальные усилия направлены на приспособление к условиям изменившейся и перманентно нестабильной внешней среды.

Самосознание современных бедных относительно своего состояния носит практически фаталистический характер («ничего не изменить в этой жизни»). О богатстве других они склонны отзываться скорее негативно, хотя не могут не признавать того, что богатые трудятся намного больше, чем они, не злоупотребляют алкоголем, имеют много рабочих рук и т. д. Среди бедных все больше растет убеждение, что их детям вряд ли удастся получить качественное образование. Поляризация населения породила негативную для всего общества тенденцию застойной бедности и ограничения притока талантливой молодежи в вузы, что со временем скажется на качестве рабочей силы в высокотехнологичных отраслях экономики. Для психологического состояния бедных характерно постоянное ощущение несправедливости всего происходящего, невозможности получить какую-либо поддержку со стороны.

И богатым, и бедным присуще переживание чувства страха. Самое большое опасение во всех слоях вызывает потеря собственного здоровья или здоровья своих близких. Но в целом «плотность» страхов у бедного слоя заметно выше, и связаны они с ростом цен на продукты питания, перспективой потери работы, невозможностью получить медицинскую помощь в случае острой необходимости, обеспечить достойное будущее детям и др.

Г. Е. Верещагин среди всех прочих категорий крестьянских хозяйств деревни Ляльшур дал характеристику дворам, находящимся в состоянии крайней бедности: «Лошадей они не имеют. В хлебе у них вечный недостаток, и потому перебиваются изо дня в день то попрошайничеством, то работают на зажиточных, а в неурожайные годы собирают милостыню. Хлеба сеют мало. Они свой надел отдают члену другой общины с обязательством уплатить подати»¹⁷. Можно сказать, что автор описал хозяйственное состояние маргиналов: они не нищенствовали в строгом смысле этого слова, но не относились и к числу хозяйств, экономической базой существования которых был земледельческий труд. В неблагоприятных ситуациях такие дворы «выбрасывали» членов своих семей «на улицу» и те пополняли ряды нищенствующих. При этом нищенство становилось для них или постоянным занятием, или периодическим, о котором как раз писал Г. Е. Верещагин.

Некоторые дореволюционные источники свидетельствуют о том, что среди удмуртов нельзя было встретить нищенствующих — ни детей, ни стариков, — так как призрение сирот, а также слабых, маломощных членов своего сообщества «мир» всегда держал под постоянным вниманием. Чтобы предотвратить их полное разорение, община предоставляла «пропитание», учреждала опеку, прикрепляла «на содержание к родственникам». Побуждали к подобным действиям традиции добрососедства, связи родства и свойства, но на первом месте стояли интересы фиска, так как общине было крайне невыгодно разорение податных единиц в виде индивидуальных крестьянских дворов. В противном случае тяготы по уплате налогов вынуждена была бы за них нести сама община.

Развитие капитализма внесло свои коррективы в «мирскую» жизнь. Традиции взаимопомощи и поддержки хотя и медленно, но неуклонно подтачивались проникающей городской (заводской) психологией индивидуализма и накопительства, рост народонаселения вел к малоземелью, истощение плодородия земель — к недородам и оскудению хлебных запасов, рост цен — к неплатежеспособности. В деревне увеличивалось число людей, балансирующих на грани бедности, из числа которых рекрутировался слой профессиональных нищих. В конце XIX в. в Сарапульском уезде было зафиксировано 22 нищих удмурта. В Глазовском уезде в 1892 г. насчитывалось 2 945 человек, занимающихся сбором подаяний¹⁸. Состояние нищенства было одной из пугающих перспектив для земледельцев, прекрасно осознававших беспросветность и бесправность людей, вынужденных прибегнуть к этому способу существования. В народе говорили: «Кураськыса ветлонлэсь кулон ьеч» (Лучше умереть, чем по миру ходить), «Курисьлэн тыбырыз кокыр, сётисьлэн нырыз чатыр» (У просящего спина согнута, у дающего — нос задран). Отношение к нищим в целом было терпимым, отказ в подаянии, особенно детям, старикам и больным, в народе осуждался: «Кураськысы сётыса уд квълмы» (Подав нищему, не обеднеешь).

Наши полевые материалы не дают оснований утверждать, что сегодня в удмуртской деревне есть

нищие в их «классическом» варианте: здесь пока никто не занимается профессиональным сбором подаяний, нет бездомных, бродяг, как и людей, не имеющих домашнего имущества, хозяйственных построек, приусадебного участка. Парадоксальность сельских реалий заключается в том, что на упоминавшийся уже выше вопрос о богатстве нередко доводилось услышать эмоциональное: «Да мы все здесь нищие, о чем вы спрашиваете, о каком богатстве?» Можно лишь догадываться, что в таких случаях ответы респондентов диктовались осознанием величайшей несправедливости по отношению к земледельческому труду и его результатам, сельскому образу жизни и общему обустройству сельской инфраструктуры, т. е. субъективным ощущением чувства нищеты. В целом же реалии сельской повседневности пока не позволяют говорить о том, что удмуртская деревня является «поставщиком» нищих.

Что касается уровня крайней бедности, то ее, по единодушному мнению сельчан, испытывают семьи, в которых взрослые из-за склонности к пьянству не имеют стабильной работы, а соответственно и постоянных источников существования: «Я бы не сказала, что народ в деревне нищенствует. Совсем бедно живут те, кто нигде не работает, пьет. Пьют и женщины, и молодые. Может быть, и раньше пили, но втихаря, а сейчас несколько не стесняются, все на виду»¹⁹.

Ряды подобных семей часто пополняют одинокие мужчины, нередко с криминальным прошлым, разведен-

ные или никогда не имевшие своей семьи, не желающие не только работать, но даже обрабатывать собственные приусадебные участки. Источниками существования для таких индивидов становятся полукриминальные и криминальные практики (например, кража цветных металлов, горючего и пр.), подработка в хозяйствах пенсионеров (огород вскопать, дрова расколоть и др.), в летний период — сбор ягод и грибов, ловля рыбы и сбыт их односельчанам. Многие из них паразитируют на престарелых родителях, особенно матерях-вдовах: «...человек 20 неженатых — от 18 до 40 лет, некоторых мужиков матери кормят, а кто за них замуж выйдет?»²⁰ или: «В четырех семьях в нашей сельской администрации взрослые пьют, нигде не работают. Даже огороды свои наполовину обрабатывают. Иногда, правда, идут к пенсионерам — колют им дрова или что-то другое делают. Некоторые в Алнашах находят подработку у частных предпринимателей на разгрузке»²¹. Думается, что для этого слоя маргиналов угроза нищенства в ухудшившихся социально-экономических условиях может обрести вполне реальные очертания, так как им практически чуждо то, за счет чего выживает большая часть сельского сообщества, — самозанятость и самоэксплуатация (хотя бы в личном подсобном хозяйстве).

В традиционном обществе крайняя нужда, граничащая с нищетой, часто воспринималась как явление, достойное сочувствия (по принципу «бедность — не порок»). Современное сельское сообщество также склонно понять бед-

ность в случае, если речь идет о многодетных или неполных семьях, семьях с высокой нагрузкой иждивенцев. Они не могут обеспечить себе социально приемлемый уровень благосостояния в силу объективных причин — длительной безработицы на территории проживания, невозможности приработков, низкого уровня оплаты труда в местном хозяйстве, болезни взрослых членов семьи: «Женщинам-одиночкам с детьми сложнее всех приходится. Мы помогаем, как можем: обеспечиваем фуражом, стараемся зарплату выплатить. В магазине могут в долг приобрести продукты»²². Сочувственное отношение вызывают лишения одиноких пенсионеров и инвалидов, получающих жалкие государственные социальные пособия. Но к бедности, вызванной отсутствием жизненных ценностей, аддиктивным (от англ. addiction — пагубная привычка, порочная склонность) или иными формами девиантного поведения, общественное мнение настроено категорично: «В бедняках сегодня те, кто полностью деградировал: они не хотят работать в поте лица ни в колхозе, ни у себя дома»²³.

Подводя итог предварительному, далеко не исчерпывающему этнографическому анализу, можно сказать, что интерпретация социального неравенства в современной удмуртской деревне происходит на основе множества критериев, достаточно субъективных по своему характеру. Сельский социум переживает негативный процесс социально-психологической поляризации, но определение четкой черты между богатством и бедностью пока еще во многом зависит от собственного самоощущения, т. е. богатым или бедным считает себя респондент по уровню и образу жизни: «Можно и с меньшей, чем у нас, зарплатой жить, а можно и с большей. Может быть, в сравнении с кем-то мы живем лучше, а с теми, кто по тысяче долларов зарабатывает, мы вообще нищие»²⁴.

Внутренняя социальная стабильность удмуртского сельского социума поколеблена, но оформление социальных слоев еще не завершено. По отношению к «внешнему миру» (например, к городу) и «власти» сельские удмурты позиционируют себя как единое целое, скрепляемое общим недовольством государственной аграрной политикой и складывающейся социальной ситуацией в деревне.

Ключевые слова: бедные, богатые, нищие, традиционное и современное общество, массовое сознание, самооценка, эволюция представлений.

Примечания

- ¹ Андреев А. Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 38.
- ² См. об этом подробнее: Тихонова Н. Е., Давыдова Н. М., Попова И. П. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Там же. 2004. № 6. С. 120—130.
- ³ Беляева Л. А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Там же. 2005. № 12. С. 58.
- ⁴ Верещагин Г. Е. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. Этнографические очерки. Кн. 1. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда. Ижевск, 1998. С. 38.
- ⁵ Здесь и далее фольклорные материалы приводятся по: Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы, поговорки / сост. Т. Г. Перевозчикова. Устинов, 1987.
- ⁶ Вахрушев А. Н. Социально-экономическое положение крестьян Удмуртии в пореформенное время и развитие капиталистического производства в деревне // Очерки истории Удмуртии в XIX в. Ижевск, 1996. С. 151.
- ⁷ Савостьянов И. И. Народное хозяйство Вотской автономной области за 10 лет // Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции. Ижевск, 1928. С. 15.
- ⁸ Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 16.
- ⁹ Не архивированные полевые материалы автора (2008 г.), информант — Л. А. Корепанова, 1927 г. р., д. Л-Ворцы Игринского района УР.
- ¹⁰ Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 82—83.
- ¹¹ Никитина Г. А. Сельская община-бускель в пореформенный период (1861—1900 гг.). Ижевск, 1993. С. 34.
- ¹² НОА УИИЯЛ УрО РАН (Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН). Рф. Оп. 2-Н. Д. 1331а. Л. 27.
- ¹³ Там же. Д. 1499. Л. 16.
- ¹⁴ Там же. Л. 5.
- ¹⁵ См. об этом: Никитина Г. А. Удмурты за пределами Удмуртии: ресурсы выживания в условиях постсоветских трансформаций // Диаспоры Урало-Поволжья: материалы регион. науч.-практ. конф. (Ижевск, 28—29 октября 2004 г.): сб. ст. Ижевск, 2005. С. 38—43.
- ¹⁶ Там же. С. 18.
- ¹⁷ Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 83.
- ¹⁸ Мартынова М. М. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX — начале XX в. Ижевск, 1981. С. 41.
- ¹⁹ НОА УИИЯЛ УрО РАН. Рф. Оп. 2-Н. Д. 1457. Л. 3.
- ²⁰ Там же. Д. 1499. Л. 10.
- ²¹ Там же. Д. 1331. Л. 6.
- ²² Там же. Д. 1331а. Л. 31.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Д. 1456. Л. 17.

Поступила 05.09.2008

национальная идентичность финно-угорских народов

А. К. Конюхов,
кандидат социологических наук, директор
ООО «Центр социальных технологий» (г. Сыктывкар,
Коми)

Национальная идентификация — добровольное отождествление отдельного человека или большой группы людей с определенной национальностью¹. Так проявляется национальное самоопределение личности. Отождествляя себя с той или иной национальностью, человек выражает факт разделения человечества на национальные группы и свою включенность в групповую, внутринациональную интеграцию. Это механизм формирования и сохранения национального (этнического) самосознания и такого его базового феномена, как национальная (этническая) идентичность².

Национальная (этническая) идентичность — результат эмоционально-когнитивного процесса осознания этнической принадлежности, отождествления индивидом себя с представителями своего этноса и обособления от других этносов, а также глубоко лично значимое переживание своей этнической принадлежности. Одновременно это результат самокатегоризации, достигаемой индивидом в итоге конструирования образа окружающего мира и своего места в нем (Т.Г. Стефаненко). Истинная национальная идентичность человека может не совпадать с официально предъявляемой или приписываемой национальной (этнической) принадлежностью. Она не тождественна этническому самосознанию, так как наряду с причислением индивидом себя к представителям своего народа предполагает прежде всего глубоко значимое переживание данной принадлежности как одну из важнейших составляющих в системе представлений личности о себе.

Если идентификация — это процесс, благодаря

которому реализуется этническое отождествление, то идентичность — результат и итог процесса идентификации (Н. Tajfel). Становление и развитие идентичности заключается в синтезе идентификаций, которые интегрируются в систему составляющих целостной идентичности (Е. Erikson). Основными критериями национальной идентификации могут выступать родной язык, общность происхождения, культура, традиции, религия, общее историческое прошлое, чувство привязанности к земле, своей Родине, общая территория проживания и многое другое. В разные исторические периоды у разных народов доминирующая роль принадлежит то одним ведущим критериям этнической идентификации и этноидентифицирующим признакам, то другим. Посредством идентификации транслируются и усваиваются эталоны и этнические стереотипы поведения, нормы и ценности, традиции и обряды народа, осуществляется становление этнически обусловленного мировосприятия.

Среди важнейших факторов, определяющих отношение каждого человека к своему народу, специалисты традиционно называют уровень национального самосознания; отношения к родному языку, национальным традициям; понимания общности исторической судьбы и т. д. Национальный идентитет, все его компоненты являются важными признаками жизнестойкости народов, когда они, как, например, все финно-угры Российской Федерации, находятся в состоянии численного меньшинства на своих этнических территориях. Требуют изучения факты их относительно быстрой ассимиляции в последние 70—80 лет, а также аккультурации, особенно с

© А. К. Конюхов, 2008

развитием таких явлений, как массовая культура, телевидение, Интернет и др.

Интересными с точки зрения этнической самоидентификации могут быть ответы на вопрос «Что Вас больше всего сближает со своим народом, с представителями своей национальности?». Проведенные еще в 1991—1992 гг. опросы коми-населения, а также опросы представителей финно-угорских народов 2005—2006 гг. позволили выявить тенденцию возрастания роли исторического сознания в качестве одного из ведущих этнообразующих факторов наряду с «общепризнанными» — общностью языка и территории проживания³. Память о героических страницах в жизни народов и, наоборот, трагедиях и страданиях вносит свой огромный вклад в формирование и стабильность чувства общности, которое является основой национального существования и преемственности, жизнестойкости наций.

Исследование среди коми, живущих на своей этнической территории, показало, что, идентифицируя себя со своим народом, они в первую очередь отмечают общность языка, во вторую — чувство родины, далее — общность исторической судьбы (табл. 1).

Аналогичный результат был получен при опросе делегатов I съезда финно-угорских народов Российской Федерации (г. Ижевск, май 1992 г.). Близкие данные дал и опрос участников языковой конференции в 2005 г. При этом исторический фактор составил около 40 % мнений, однако в рейтинге оказался на четвертом месте, уступив такому признаку, как обряды, обычаи, привычки. В опросе делегатов III съезда (г. Москва, октябрь 2005 г.)

он уже прочно обосновался на третьей позиции с более чем 60 %. Увеличение мы связываем прежде всего с возрастанием роли так называемого общепинноугорского фактора.

Сдвиг приоритетов наблюдался при опросе комидиаспоры — членов московского землячества (декабрь 1990 г., 36 чел.), а также делегатов I Всемирного конгресса финно-угорских народов в Сыктывкаре (декабрь 1992 г., 80 чел.). Например, «москвичи» отметили, что больше всего сближают, роднят их со своим народом родная земля, ее природа (67,6 %), чувство общности происхождения, историческая судьба (58,8), язык (52,9), черты характера, темперамента (23,5 %). Язык по вполне понятной причине, связанной с жизнедеятельностью «москвичей» в иноязычной среде, не играет доминирующей роли. Участники же и делегаты I конгресса, прежде всего за счет иностранных граждан — венгров, финнов и эстонцев, ранжировали признаки следующим образом: 75,0 % — чувство общности происхождения, историческая судьба; 68,8 — язык, 48,8 % — чувство родины.

Тенденция возрастания роли исторического сознания как фактора консолидации и самоидентификации характерна для финно-угорской общности в целом, а также для актива конкретных народов. Не случайно на вопрос «Что Вас больше всего сближает, роднит с представителями других финно-угорских народов?» дали ответ «чувство общности происхождения, историческая судьба» 79 % респондентов — делегатов российского съезда в Ижевске и 75 % — Всемирного конгресса в Сыктывкаре.

Однако в целом для данного этнообразующего при-

Таблица 1
**РАНЖИРОВАННЫЕ МНЕНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ О ТОМ,
 ЧТО ИХ БОЛЬШЕ ВСЕГО СБЛИЖАЕТ СО СВОИМ НАРОДОМ, %**
 (итог превышает 100 %)

Язык	66,1	63,5	73,2
Родная земля, ее природа	62,5	60,8	68,6
Чувство общности происхождения, историческая судьба	60,7	39,2	28,2
Обряды, обычаи, традиции	41,1	48,7	20,0
Черты характера, темперамента, манеры поведения	14,3	28,4	10,5
Национальная одежда и пища	8,9	5,4	5,9
Религия	7,1	5,4	1,4
Совместная экономическая и хозяйственная деятельность	3,6	12,6	6,8
Внешний облик	3,6	4,1	4,5

* По данным опроса делегатов III съезда финно-угорских народов Российской Федерации (Москва, 12—14 октября 2005 г., 56 чел.).

** По данным опроса участников Международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы функционирования родных языков» (Ижевск, 25—28 октября 2005 г., 72 удмурта и 2 марийца).

*** По материалам исследования среди населения коми-национальности в Республике Коми в возрасте 15 лет и старше по республиканской выборке (октябрь—ноябрь 1992 г.).

знака характерны противоречивые показатели: от более 60 % среди делегатов съезда до чуть менее 18 % у сельских мордвин. Этот признак чаще отмечают представители актива народов (делегаты съезда, актив мордовского национального движения (53,0 %), контрольная группа (48,5 %), также в основном состоящая из активных членов народов), чем обычные респонденты с невысоким образовательным уровнем (например, сельские мордвины). Следует отметить невысокий процент данного признака и среди представителей других народов, в основном русских. Однако для финно-угров, у которых родной язык становится все менее значимым признаком идентитета, это служит маркером аккультурации и ассимиляции. Причиной такого положения, на наш взгляд, является плохое знание истории своих народов, которая недостаточно изучается в учебных заведениях, а также отсутствие доступной научно-популярной литературы.

В экспертных опросах конца 2005 — начала 2006 г. в Мордовии на вопрос об этнообразующих признаках большинство респондентов в целом (актив мордвин — 100 чел.; студенты-мордвины — 100; студенты-русские — 100; сельские мордвины — 96 чел.) дали ответ «родная земля, ее природа». Родной язык оказался на втором месте, общность исторической судьбы — на третьем, а национальные традиции — на четвертом. Другими словами, общая историческая территория, имеющая ныне национально-административный статус, респондентами воспринимается как главный фактор, определяющий национальную идентификацию, более важный, чем родной язык. Факты свидетельствуют о том, что многие финно-угры России, полностью перейдя на русский язык и явля-

ясь «продуктом русской культуры», тем не менее продолжают считать себя представителями финно-угорских народов. Более того, чувство национальной принадлежности у них даже обостряется. Подобные явления отмечаются во всем мире. Например, ирландцы и шотландцы практически полностью перешли на английский язык, но сохранили свою национальную принадлежность. То же самое касается различных народов Латинской Америки, говорящих на одном, испанском, языке, и многих народов других континентов земли.

Такие признаки, как совместная экономическая и хозяйственная деятельность, черты характера, темперамента, манера поведения, не дают сколько-нибудь значительных различий между финно-уграми и, например, русскими. В разных опросах первый признак дает лишь от 3 до 13 %, второй — от 12 до 28 %. В первом случае ничего удивительного нет — все российские финно-угры давно включены в единое экономическое пространство, причем практически не осталось таких отраслей экономики, которые были бы специфичны для коренных народов. Исключение составляет лишь оленеводство, которое является также образом жизни для многих манси, хантов и ненцев. Такая, считавшаяся ранее традиционной, отрасль, как рыболовство, испытала на себе значительный приток рабочей силы извне.

Заметим, что и оленеводство сейчас испытывает на себе последствия давления моноструктурной экономики, опирающейся на топливно-энергетический комплекс. Так, например, экспертный опрос делегатов VIII съезда коренных малочисленных народов Севера показал, что реализация права на ведение традиционного хозяйства находится лишь на шестом месте среди основных про-

Таблица 2

**РАНЖИРОВАННЫЕ МНЕНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ ОБ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМАХ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА,
НАИБОЛЕЕ АКТУАЛЬНЫХ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ
(итог превышает 100 %)**

<i>Создание рабочих мест для аборигенов</i>	49	80,3
<i>Обеспечение жильем</i>	43	70,5
<i>Реализация права на сохранение традиционной культуры и языка</i>	27	44,3
<i>Алкоголизм значительной части населения</i>	26	42,6
<i>Законодательное обеспечение жизнедеятельности аборигенов</i>	23	37,7
<i>Реализация права на ведение традиционного хозяйства</i>	20	32,8
<i>Отток молодежи из сел в города</i>	14	23,0
<i>Альтернативная гражданская служба для юношей призывного возраста</i>	7	11,5
<i>Трудности с получением полноценного образования в сельских школах (нехватка учителей, слабая материальная база)</i>	6	9,8
<i>Вовлечение аборигенов в религиозные секты</i>	4	6,6
<i>Другое</i>	4	6,6

блем⁴. Экспертов в основном волнуют проблемы создания рабочих мест и обеспечения жильем, что актуально и для других финно-угорских народов (табл. 2). Несмотря на то что многие эксперты не ведут традиционного хозяйства, их мнение относительно мер, которые были приняты государством по решению проблем северных народов через развитие традиционных отраслей их хозяйствования, важно (табл. 3, 4).

Такие признаки, как «внешний облик», а также «национальная одежда и пища», не играют ключевой роли в национальной идентификации респондентов. Более высокие значения они получили среди опрошенных сельских жителей — мордвин и коми — по 11,5%. Видимо, это своеобразная «компенсация» значительно более низкого, чем у других, рейтинга общности происхождения, исторического прошлого. Все же за счет представителей малочисленных народов Севера параметр «внешний облик» в общем составил 9,1%: ханты, манси и особенно ненцы антропологически отличаются от представителей других окружающих их народов.

Несмотря на значительную пропаганду религиозных ценностей, православной церкви как одного из основных институтов российского общества, религия также не является этноконсолидирующим фактором для финно-угорских народов. В исследовании 1992 г. лишь 1,4 % коми-респондентов назвали ее в качестве одного из признаков национальной консолидации. Правда, опрос 2006 г. дал здесь уже 6,1 %. В целом же разброс значений составляет от 3 % среди активистов мордовского национального движения до 25 % среди студентов-мордвин, что в общем подтверждает рост влияния религии на различные сферы жизнедеятельности людей в последнее время. При этом студенты в целом отводят религии

Таблица 3

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС
«ВЕДЕТ ЛИ ВАША СЕМЬЯ
ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО?»**

<i>Да</i>	24	39,3
<i>Нет</i>	37	60,7
<i>Всего</i>	61	100,0

Таблица 4

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС
«КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ,
ОПРАВДАЛИСЬ ЛИ НАДЕЖДЫ НА ТО,
ЧТО ВЕДЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО
ХОЗЯЙСТВА МОЖЕТ РЕШИТЬ
МНОГИЕ ПРОБЛЕМЫ НАРОДОВ СЕВЕРА?»**

<i>Да, оправдались</i>	12	19,7
<i>Не очень-то оправдались</i>	32	52,5
<i>Совсем не оправдались</i>	3	4,9
<i>Другое</i>	4	6,6
<i>Затрудняюсь ответить</i>	10	16,4
<i>Всего</i>	61	100,0

более значительное место, чем люди старших поколений, а финно-угры — менее значительное, чем представители русской национальности.

Важным элементом национального идентитета являются также традиции, обычаи и обряды, особенно у финно-угорских народов Российской Федерации, так как у многих из них трансмиссия знаний о собственных народах, передача исторического опыта, часто происходит, к сожалению, исключительно устным путем. Недостатки образовательной системы в плане обучения языкам, истории народов, а также информационных систем (СМИ и т. д.) продолжают актуализировать устную традицию, семейное национальное воспитание. Как показывают опросы, традиции, обычаи и обряды по важности для идентитета респондентами ставятся на третье-четвертое место рядом с чувством общности происхождения, исторической судьбой. Ученые-языковеды, студенты-мордвини и сельские мордвини отводят традициям третью позицию (табл. 5), делегаты съезда, актив мордовского движения и респонденты контрольной группы — четвертую.

Следует отметить, что русские респонденты в меньшей степени маркируют данный признак как этнодифференцирующий, чем представители финно-угорских народов. Это прослеживается во всех опросах. Аналогичная картина наблюдается и с такими признаками, как язык и родная земля. Для русских, судя по всему, язык не является «больной» проблемой. Согласно ранжированию, он, как правило, находится на второй позиции.

Исходя из результатов предыдущих исследований, а также проведенных нами экспертных опросов первая позиция в ранге этнообразующих признаков всегда принадлежала родному языку. Так было и в исследовании по Республике Коми в 2003 г.: первое место с 73,2% занимал язык; второе с 68,6% — родная земля, ее природа. В 2006 г. признаки поменялись местами, причем разрыв между ними стал значительно больше.

При ранжировании ответов студентов Мордовского госуниверситета были получены похожие результаты. Понятно, что для русских студентов язык является в меньшей степени этнодифференцирующим признаком, но результаты опроса ставят больше вопросов, чем дают ответов. Сравнительные исследования, проведенные по

общереспубликанской выборке в Коми, тоже свидетельствуют о смене приоритетов. Означает ли это существенный сдвиг в национальном идентитете и самосознании?

В структуре национальной идентификации выделяются два основных компонента: когнитивный и аффективный (эмоционально-ценностный). Первый объединяет знания и представления о национальной принадлежности, о своей и чужих этнических группах (этническая осведомленность), самоназвание (этнический ярлык-этноним), основные критерии этнической идентификации, этнодифференцирующие и этноидентифицирующие признаки. Второй компонент включает в себя удовлетворенность собственной этнической принадлежностью, оценку ее значимости, желание принадлежать к этнической группе, а также комплекс этнических чувств (гордости, любви, преданности, приверженности, солидарности, самоуважения и достоинства, обиды, стыда, вины, ущемленности, униженности и др.)⁵. Аффективный компонент в значительной степени проявляется в историческом сознании, исторической памяти, в чертах характера, темпераменте, манере поведения индивида, что в целом отражает его отношение к факту собственной национальной принадлежности, к своей этнической общности в целом, а также ее оценку.

Под значимостью национальной идентичности понимается субъективная важность этнической субидентичности человека. В соответствии с валентностью идентичность характеризуется как позитивная или негативная. Позитивная идентичность является наиболее естественной, нормальной и более распространенной для большинства людей формой, когда чувство национальной принадлежности порождает ощущение стабильности, безопасности и защищенности. Негативная идентичность, которая является результатом неблагоприятного межэтнического сравнения, отражает негативную оценку представителей своей этнической группы. Чаще она присуща представителям недоминантных национальных групп и меньшинств и связана с комплексом таких обусловленных национальной принадлежностью чувств, как неуверенность, неполноценность, униженность, ущемленность, стыд за свой народ и др.

Среди финно-угорских народов Российской Федера-

Таблица 5
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС
«ЧТО ВАС БОЛЬШЕ ВСЕГО СБЛИЖАЕТ, РОДНИТ СО СВОИМ НАРОДОМ,
ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВАШЕЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ?», %

<i>Обряды, обычаи, традиции</i>	<i>41,0</i>	<i>48,6</i>	<i>33,0</i>	<i>23,0</i>	<i>34,4</i>
<i>Родная земля, ее природа</i>	<i>58,0</i>	<i>60,8</i>	<i>67,0</i>	<i>66,0</i>	<i>51,0</i>
<i>Чувство общности происхождения, историческая судьба</i>	<i>45,0</i>	<i>39,2</i>	<i>28,0</i>	<i>33,0</i>	<i>17,7</i>
<i>Язык</i>	<i>63,0</i>	<i>63,5</i>	<i>50,0</i>	<i>39,0</i>	<i>56,3</i>

Таблица 6

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «КАК ВАМ КАЖЕТСя,
ЛЮДИ ВОКРУГ ВАС ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОД-ДВА В ЦЕЛОМ
СТАЛИ БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ ГОВОРить НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ыЗЫКАХ
В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ ИЛИ НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСь?», %**

<i>Безусловно больше</i>	<i>8,0</i>	<i>6,0</i>	<i>7,0</i>	<i>11,5</i>	<i>1,8</i>	<i>1,8</i>
<i>Скорее больше</i>	<i>16,0</i>	<i>27,0</i>	<i>21,5</i>	<i>20,8</i>	<i>9,1</i>	<i>13,8</i>
<i>Ничего не изменилось</i>	<i>16,0</i>	<i>42,0</i>	<i>29,0</i>	<i>27,1</i>	<i>41,5</i>	<i>41,1</i>
<i>Скорее меньше</i>	<i>47,0</i>	<i>12,0</i>	<i>29,5</i>	<i>22,9</i>	<i>23,8</i>	<i>27,3</i>
<i>Безусловно меньше</i>	<i>13,0</i>	<i>9,0</i>	<i>11,0</i>	<i>13,5</i>	<i>10,6</i>	<i>11,0</i>
<i>Затрудняюсь ответить</i>		<i>4,0</i>	<i>2,0</i>	<i>4,2</i>	<i>13,2</i>	<i>4,9</i>

ции негативная национальная идентичность — достаточно распространенное явление. В качестве наглядного примера можно привести неупотребление родных языков в общественных местах, на работе, вытеснение языковой практики исключительно в семейно-бытовую сферу. Различные опросы в целом демонстрируют эту тенденцию (табл. 6).

Считают, что люди стали меньше говорить на мордовских языках, сельские мордвины — 36,4 %, студенты — 40,5, причем студенты-мордвины — 60,0 %. Это в целом вписывается в ассимиляционную, а точнее в аккультурационную направленность языковых и национальных процессов среди российских финно-угров. Различные социологические исследования последнего времени показывают, что молодые люди меньше используют свой родной язык, чем люди старших поколений, или вовсе его не знают⁶. Высокий процент студентов-мордвин, ответивших, что говорить на национальных языках стали меньше, на наш взгляд, демонстрирует еще одно явление. Как правило, это выходцы из сельской местности, где национальные языки чаще употребляются в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в общественных местах. При попадании студентов в городскую среду сфера бытования их родных языков резко сужается, что нередко приводит к смене ими своей национальной идентичности, особенно на факультетах и специальностях, которые не связаны с дальнейшим изучением родных языков.

Полагают, что в общественной практике национальных языков в основном ничего не изменилось русские студенты Мордовского госуниверситета — 42,0 %, жители Республики Коми — 41,5 %. Русские студенты также ответили, что национальные языки стали больше звучать в общественных местах: 33 % против 21 % противоположных ответов. Следует отметить, что опрошались студенты гуманитарных факультетов, которые в отличие от мордвин стали чаще сталкиваться с носителями национальных языков. Все же реальная общественная языковая практика говорит об уменьшении доли национальных языков. Например, совокупность отрицательных

ответов коми-респондентов очень близка к нейтральным — 38,3 %, а доля тех, кто считает, что коми язык стал звучать в общественных местах меньше, в 2,5 раза превышает долю тех, кто уверен в обратном.

Однако мнения экспертов и специалистов рисуют другую картину. Так, положительно оценили общественную практику своих языков почти 38 % делегатов съезда финно-угорских народов. Хотя положительных и отрицательных оценок примерно поровну, разница в ответах экспертов и рядовых респондентов налицо. Еще больше положительных ответов было получено в опросе специалистов-языковедов — 47,3 %, а также активистов мордовского национального движения — 64,0 % (табл. 7). Доля положительно ответивших на этот вопрос значительно отличается от той, которая, например, была получена в республиканском опросе 2006 г. среди представителей коми-национальности.

На наш взгляд, возникшие противоречия могут быть объяснены рядом причин. Первая и самая главная заключается в том, что предыдущие 10—15 лет были отмечены активизацией национального самосознания финно-угорских народов, в том числе его политизацией. Все это проявилось в отношении к родным языкам как маркерам национального возрождения. Республиканскими и региональными властями были приняты меры по их сохранению и развитию. Это видят и чувствуют представители финно-угорских элит, которые активно участвуют в данном процессе⁷. Однако до простых обывателей в массовых формах — в образовании, СМИ, книгоиздании, делопроизводстве, повседневном быту — эти изменения не доходят или доходят со значительным опозданием. Как показывает исторический опыт, в частности недавний — 1950—1960-х гг., шаги по восстановлению общественного, в том числе государственного, статуса национальных языков осуществляются гораздо сложнее (и во временном измерении), чем таковые по их ограничению.

Вторая причина заключается в территориально-временных различиях вышеназванных мер. Если в Республике Коми они стали приниматься еще в начале

Таблица 7
**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС
 «КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ЛЮДИ ВОКРУГ ВАС
 ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОД-ДВА В ЦЕЛОМ СТАЛИ БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ
 ГОВОРИТЬ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ
 В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ ИЛИ НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ?», %**

Безусловно больше	5,9	14,9	28,0
Скорее больше	19,6	32,4	36,0
Ничего не изменилось	23,2	25,7	15,0
Скорее меньше	25,0	17,6	18,0
Безусловно меньше	8,9	8,1	2,0
Затрудняюсь ответить	5,4	1,4	1,0

1990-х гг., то в Удмуртии и Мордовии — позже. В Коми к настоящему времени потеряна динамика этого процесса, с чем и можно связать отрицательные оценки респондентов. В Удмуртии же процесс находится на пике развития, а в Мордовии — в его начале. Отсюда и столь «восторженный» взгляд мордовской национальной элиты.

Аналогичная ситуация складывается и с использованием национальных языков на работе⁸. Если среди специалистов-языковедов не используют родной язык на работе или используют его редко 14,9 %, то коми-респонденты показали 61,1 %. Следует отметить, что применение родного языка не есть полная погруженность в соответствующую атмосферу. Из языковедов часто используют родной язык 60,9 %. Инструментарием Коми республиканского исследования 2003 г. предусматривались лишь два ответа на данный вопрос: «да, использую» и «нет, не использую». В исследовании 2006 г. вопрос был поставлен несколько иначе с целью определения соответствующей языковой атмосферы респондентов: «На каком языке или языках Вы обычно общаетесь на работе?» Структура ответов говорит о незначительной доле присутствия родного языка в трудовой сфере представителей коми. Сельские жители не так уж часто используют коми-язык, что, естественно, не способствует его развитию в целом.

Таким образом, из полученных данных вырисовывается противоречивая картина: одно мнение — у экспертов, совсем другое — у рядовых респондентов.

Несмотря на положительные сдвиги в области применения родных языков финно-угорских народов Российской Федерации, они пока не стали востребованными как общественное явление, в том числе в трудовой сфере. О положительной оценке общественной востребованности финно-угорских языков даже в их республиках говорить рано. А следствием негативной оценки своей этногруппы и самоотождествления с ней может быть стремление сменить свою языковую ориентацию и соответственно национальную принадлежность (Н. Tajfel, J. C. Turner и др.).

Одним из важнейших элементов самоидентификации личности выступает ее национальная принадлежность. Как уже было отмечено, истинная национальная идентичность человека может не совпадать с официально предь-

являемой или приписываемой национальной (этнической) принадлежностью. Национальная принадлежность — нахождение человека в составе определенной национальности, адекватным выражением которого служит национальное самосознание личности. Это способность человека быть индивидуальным субъектом национальных ценностей, носителем национальной чувствительности, гордости и достоинства. Свою национальную принадлежность человек определяет по собственному волеизъявлению. Национальная принадлежность отличается от подданства, выражающего принадлежность человека к конкретному государству. Если гражданство человека имеет правовую природу, то национальная принадлежность предполагает лишь моральные обязательства. Отказ административных органов записать в паспорте национальность, которую избрал гражданин, расценивается как ограничение его прав⁹.

В обществе бывают лица, имеющие двойное гражданство, но не может быть человека вне определенной национальной общности. Лица, занимающие переходное положение между двумя национальностями, являются маргиналами. Термин «национальные маргиналы» употребляется для обозначения особого статуса и поведе-

ния, сознания и психологии тех субгрупп людей, которые в силу различных обстоятельств находятся между национальными группами. В ситуации маргинальности оказываются так называемые культурные гибриды (Р.Парк), балансирующие между доминирующей в обществе группой, полностью никогда их не принимающей, и группой, из которой они выделились. Некоторые исследователи относят к национальным маргиналам и тех людей, которые по признаку родного языка находятся в составе иной группы, чем их родители¹⁰. В России бытует мнение, что «маргинализованные националы», утратившие связь со своей национальностью, навязывают обществу собственное видение национальных проблем. Многие из них считают ассимиляцию прогрессивным процессом, подводя теоретическую базу под нарушение системы федеративных отношений, недооценку значимости национально-культурной автономии, под развитие одностороннего национально-русского билингвизма.

Методикой социологического опроса 2007 г. не предусматривалось предъявление участникам перечня финно-угорских народов, как это было во время переписи населения. Национальность респондентов записы-

Некоторая путаница отмечается с этнонимами «мари», «мариец». Например, 324 респондента марийской национальности в Республике Марий Эл назвали своих матерей «марийка», 41 — «мари». Правильное написание этнонима «мари» наиболее распространено у молодежи¹². Это свидетельствует и о том, что в системе школьного образования данная проблема решается.

В социологических опросах крайне редко встречаются ответы о двойной национальной принадлежности. Так, по исследованному массиву в 7558 чел. собственную двойную принадлежность отметили четыре респондента (коми-русский, русский-татарин, украинец-белорус, финн-швед), отца — один (немец-поляк), детей — трое (татарин-русский, метис). Также в трех случаях вместо национальной назывались сословная и территориальная принадлежность. По отношению к матери — сибирячка и казачка, по отношению к ребенку — казак.

На вопрос о значимости национальной принадлежности небольшое число (в среднем только 7,1 % по всем регионам) респондентов, участвовавших в исследовании, ответили, что она совсем не значима для них. Максимальный процент ответов был получен в Удмуртской Республике (15,1 %) и Самарской области (13,6 %). Причем если в Удмуртии не выявлено различий относительно национальной принадлежности ответивших подобным образом, то в Самарской области представители других национальностей (16,5 %) преобладают над мордвинами (10,7 %). В связи с этим следует отметить, что для представителей не финно-угорских национальностей (в основном русских) национальная принадлежность значима несколько в меньшей степени. Так, в среднем по регионам национальная принадлежность совсем не значима для 5,2% финно-угров и для 8,0 % представителей других национальностей. Наряду с Самарской областью наибольшая дифференциация выявляется в республиках Коми и Марий Эл.

В табл. 8 приведены данные по регионам и представителям финно-угорских национальностей, где указанная разница заметна, но в меньшей степени. В данных регионах опросы проводились методом «снежного кома», что, на наш взгляд, в целом повлияло на невысокие проценты в ответах респондентов.

Обратная дифференциация, когда для финно-угорских народов в большей степени совсем не значима национальная принадлежность, чем для представителей других национальностей, наблюдается в Коми-Пермяцком округе — 8,1 против 4,8% и в Ханты-Мансийском автономном округе — 9,9 против 5,4%.

Таким образом, было установлено, что этническая принадлежность сохраняет свою значимость для большинства жителей исследованных регионов разных национальностей. Значимость (очень значима, значима) национальной принадлежности колеблется в диапазоне от 67,3 % в Республике Мордовия до 57,6 % в Удмуртской Республике по первой группе регионов (в ситуации немобилизованной этничности) и от 80,2% в Ямало-Ненецком автономном округе до 45,9% в Самарской

валась непосредственно с их слов, по самоопределению. Так, несмотря на то что опрос проходил и в Ижемском районе Республики Коми, и в ряде северных регионов, где проживает этнографическая группа коми-ижемцев, никто из респондентов не идентифицировал себя как коми-ижемец. Только трое назвали своим родным языком коми-ижемский; в данном случае эти ответы не выходят за рамки диалектной формы коми-языка. Среди опрошенных за пределами Республики Коми лишь несколько человек привели старое название коми, проживающих севернее коми-пермяков, — «зыряне». Этноним «ингерманландец(ка)» также встречается несколько раз среди пожилых жителей Республики Карелия, их дети идентифицируются уже как финны. Встает вопрос: а так ли необходимо при всероссийской переписи населения дробить народы на этнографические и территориальные группы, как это, например, было с коми-ижемцами и другими народами в 2002 г.? Не предмет ли это для чисто этнографических исследований?

Ответы на вопрос о национальности у мордвинцев отличаются наибольшим разнообразием. В женском роде встречаются 13 видов ответов: масторава (по эрзя-мордовски буквально «мать-земля», «родина-мать»), мокша, мокшанка, мордвинка, мордвинка-мокша, мордвинка-эрзя, мордовка, мордовка-мокша, мордовка-эрзя, эрзя, эрзя-мордвинка, эрзя-мордовка, эрзянка. В мужском несколько меньше — лишь 9: мокша, мокша-мордвин, мокшанин, мордвин-мокша, мордвин-эрзя, мордвин, эрзя, эрзя-мордвин, эрзянин. Если отвлечься от «масторавы», следует признать, что все остальные термины довольно распространены и это свидетельствует о полнейшей неразберихе в данной сфере¹¹. Например, в Ульяновской области все 68 респондентов мордовской национальности ответили, что они мордвины, мордовки. В Самарской области из 121 человека 96 заявили, что они мордвины, мордвинки, 13 — эрзя-мордвинки, 8 — мордвины-эрзя, 2 — мордвины-мокша, 1 — мокша-мордвин и 1 — мокшанин. В Башкортостане из 35 респондентов 32 — мордвины, мордовки, 1 — мордвин-мокша, 1 — мокша, 1 — эрзя.

Самая большая неразбериха наблюдается в Мордовии, где эта проблема через систему школьного образования могла бы быть решена достаточно быстро. Здесь, говоря о национальности своих матерей, мордвины 197 раз написали «мордвинка», 88 — «мордовка», 17 — «эрзя» или «эрзянка», 10 — «мокша» или «мокшанка», 1, как уже говорилось, — «масторава». В отношении матерей респондентов, назвавшихся русскими, термин «мордовка» встречается 42 раза, «мордвинка» — 38 раз и т.д. В то же время следует отметить, что эти разночтения не свидетельствуют о наличии каких-либо существенных, именно национальных разногласий в мордовской среде. Так, из 586 респондентов, опрошенных в Мордовии, Башкортостане, Самарской и Ульяновской областях, 562 (96,1 %) отнесли себя к мордовской национальности и лишь 23 (3,9 %) не упомянули о ней при ответе на данный вопрос, назвав себя эрзей, эрзянами (15 чел.) мокшей, мокшанами (8 чел.).

Таблица 8
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТА «СОВСЕМ НЕ ЗНАЧИМА»
НА ВОПРОС «В КАКОЙ СТЕПЕНИ ЗНАЧИМА
ДЛЯ ВАС ВАША НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ?» В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ РЕГИОНА И НАЦИОНАЛЬНОСТИ, %

	финны	а
Республика Карелия	финны	1,6
	вепсы	1,4
	русские и другие	6,2
Ямало-Ненецкий АО	ненцы	3,8
	русские и другие	7,5
Республика Башкортостан	мари	4,0
	удмурты	3,7
Ленинградская область	русские и другие	8,1
	вепсы	3,2
	финны	2,7
	русские и другие	5,9

области — по второй.

В целом же больших различий в отношении к собственной национальной принадлежности среди этнических групп в регионах не наблюдается. По первой группе некоторое исключение представляет лишь Мордовия, где для респондентов мордовской национальности она несколько ниже, чем для русских и татар. Так, очень значимой и значимой национальной принадлежностью является для 60,0 % респондентов-мордвы, 70,4 — русских, для 75,8 % татар. При этом доли ответивших «очень значима» среди русских и мордвы различаются несущественно: так считают 21,3 % мордвы, 24,9 — русских и 45,5 % татар, что подтверждает факт самоидентификации последних в качестве культурно выделенного меньшинства. Для русских и мордвы в Республике Мордовия психология меньшинства нехарактерна, это и проявляется в невысокой степени акцентуации этничности.

Однако при анализе ответов на тот же вопрос мордовской диаспоры Самарской и Ульяновской областей обнаруживается противоположное соотношение показателей значимости национальной принадлежности (табл. 9).

Подобное соотношение может означать, что представители мордовского народа в своей республике чувствуют себя более уверенно (обладают более высоким политическим статусом), чем в областях, и реже сталкиваются с дискриминацией по национальному признаку. О том же свидетельствуют, в частности, и результаты анализа ответов на вопрос об эффективности национальной политики, проводимой в областях. В Самарской области 35,5 % представителей мордвы и 21,5 % представителей других национальностей недовольны положением дел в

области национальной политики, в Ульяновской — 22,1 и 14,7% соответственно.

Таким образом, самоидентификация в качестве национального меньшинства характерна и для ряда финно-угорских народов из второй группы регионов, хотя следует иметь в виду, что часть респондентов из этой группы можно отнести к категории этнически мобилизованных.

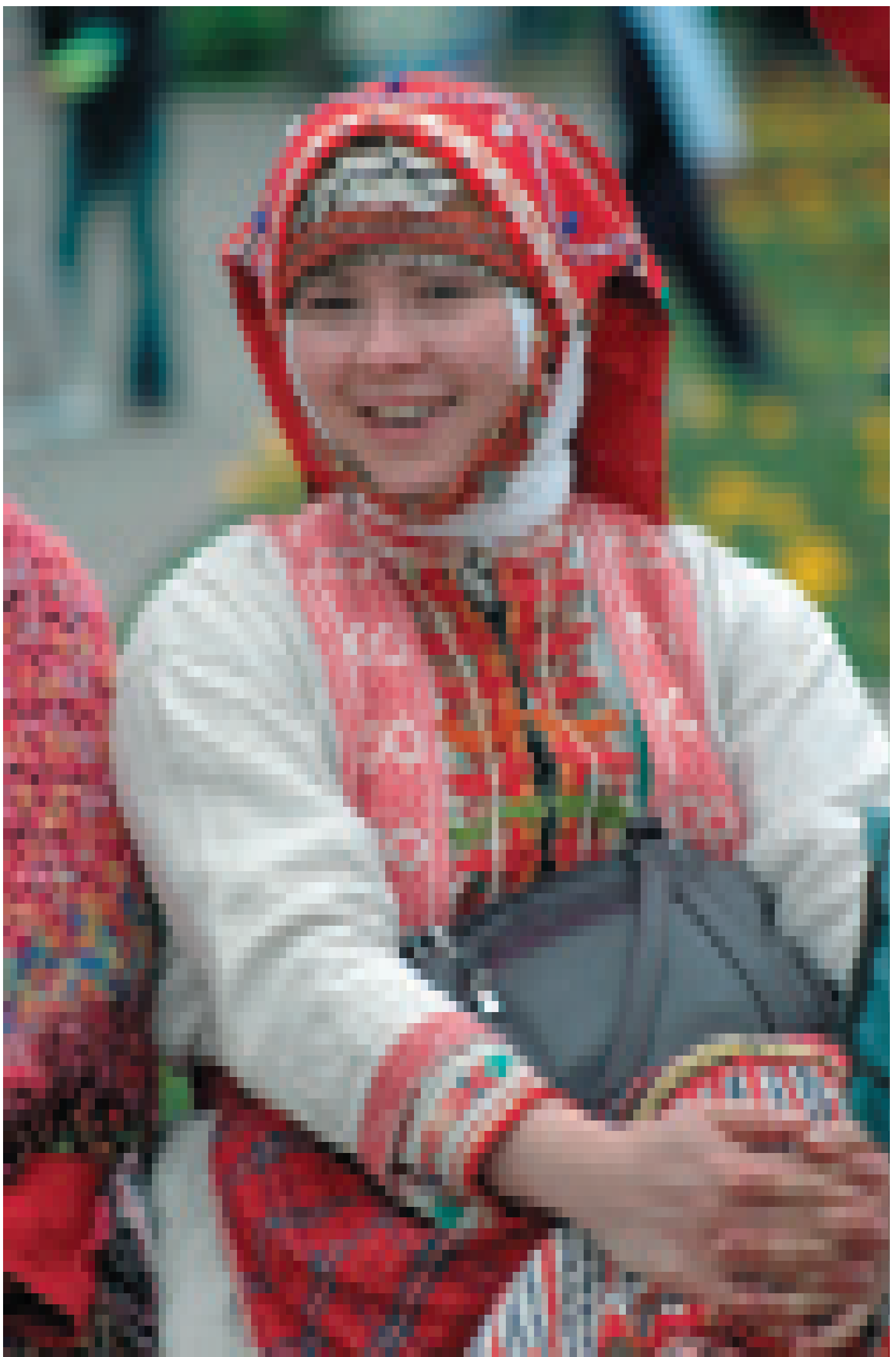
Наибольшая относительная акцентуация этничности наблюдается у финнов в Ленинградской области — более 30 %, у мордвы в Самарской области и ненцев — более 20 %. Причем в структуре значимости национальной принадлежности у ненцев и финнов в Республике Карелия преобладает ответ «очень значима», у карел в Тверской области — «значима».

Своеобразная картина складывается в Республике Башкортостан. Наиболее акцентуированы там мари, численность которых среди финно-угорских народов наибольшая и которые компактно проживают в сельской местности. Меньше «ценят» свою национальную принадлежность представители мордвы, проживающие в основном в городах, и удмурты, диаспора которых относительно малочисленна.

В регионах, где финно-угры не являются представителями «титულных» наций (в разговорной речи их часто называют финно-угорской диаспорой) и составляют весьма незначительную часть населения, наблюдается весьма большой разброс мнений, обусловленный прежде всего региональными особенностями. Тем не менее и в этих регионах подтверждается значимость национальной принадлежности для жителей России. Так же как и в «метрополиях», для мордвин и удмуртов она менее значима по сравнению с другими финно-уграми.

Таблица 9
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «В
КАКОЙ СТЕПЕНИ ЗНАЧИМА ДЛЯ ВАС ВАША
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ?», %

Мордовия	мордва	21,3	38,7	59,9
	русские и другие	25,9	44,9	70,8
	все	24,4	42,9	67,3
Самарская область	мордва	10,7	45,5	56,2
	русские и другие	9,9	25,6	35,5
	все	10,3	35,5	45,9
Ульяновская область	мордва	19,1	51,5	70,6
	русские и другие	16,2	47,1	63,2
	все	17,6	49,3	66,9

Не финно-угорское (главным образом русское) население многонациональных областей Поволжья (Самарской и Ульяновской) придает меньшее значение своей национальности, а финны, наоборот, высоко ценят свою принадлежность к финской нации.

Заметных различий в отношении к значимости своей национальной принадлежности в зависимости от образовательного уровня респондентов по регионам выявлено не было. В некоторых из них отмечается тенденция снижения уровня этой значимости с ростом образовательного уровня. Показательна в данном отношении Республика Мордовия. Здесь только 5,3 % людей с начальным или неполным средним образованием ответили, что для них национальная принадлежность совсем не значима, тогда как в среднем по региону этот показатель равен 10,1 %. Примерно такая же ситуация сложилась в Ульяновской (где также проживают мордвины) и Ленинградской областях. Обратная картина наблюдается в Ямало-Ненецком автономном округе, где на долю респондентов с самым низким образовательным уровнем приходится 9,1 % подобных ответов при 5,7% в среднем по округу. Однако в целом меньше значения придают своей национальной принадлежности люди с высшим образованием. Среди них также достаточно велика доля тех, для кого она совсем не значима (8,6 %), и, наоборот, относительно мала

доля высоко ценящих свой национальный идентитет (табл. 10).

Практически прямо противоположная ситуация характерна для Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Там для людей с высшим образованием национальная принадлежность крайне значима. Разница в соотношении данной значимости между ними и другими образовательными группами респондентов составляет порядка 22—30 %. Однако это скорее исключение из правила — в целом рост образовательного уровня людей не сопряжен с повышением значимости этнической принадлежности, уровня национальной самоидентификации и в конечном счете национального самосознания. Также не выявлена зависимость рассматриваемых показателей от поло-возрастного состава респондентов. Для финно-угорских народов национальная принадлежность чуть более значима, чем для русских, — разница составляет 3,4 %.

Итак, национальный фактор достаточно долгое время играл и сегодня продолжает играть значительную роль в жизни народов и государств. В данном отношении финно-угры мало чем отличаются от представителей других национальностей, большинство из которых также заявили о значимости своей национальной принадлежности. Это говорит, во-первых, о том, что по уровню

Таблица 10
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, В КАКОЙ СТЕПЕНИ ЗНАЧИМА ДЛЯ ВАС ВАША НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ?», %
(в зависимости от уровня образования)

<i>Республика Мордовия</i>	<i>очень значима</i>	<i>26,3</i>	<i>22,5</i>	<i>24,6</i>	<i>26,2</i>	<i>24,4</i>
	<i>значима</i>	<i>47,4</i>	<i>45,9</i>	<i>47,7</i>	<i>47,1</i>	<i>47,6</i>
<i>Коми-Пермяцкий округ</i>	<i>очень значима</i>	<i>16,7</i>	<i>25,0</i>	<i>22,1</i>	<i>36,4</i>	<i>23,0</i>
	<i>значима</i>	<i>45,8</i>	<i>35,0</i>	<i>46,5</i>	<i>39,4</i>	<i>43,9</i>
<i>Ямало-Ненецкий автономный округ</i>	<i>очень значима</i>	<i>62,5</i>	<i>60,0</i>	<i>68,6</i>	<i>90,9</i>	<i>67,1</i>
	<i>значима</i>	<i>45,5</i>	<i>41,2</i>	<i>55,8</i>	<i>28,6</i>	<i>43,4</i>
<i>Ульяновская область</i>	<i>очень значима</i>	<i>39,8</i>	<i>76,5</i>	<i>90,7</i>	<i>68,6</i>	<i>80,2</i>
	<i>значима</i>	<i>30,0</i>	<i>14,6</i>	<i>18,5</i>	<i>15,0</i>	<i>17,6</i>
<i>Ленинградская область</i>	<i>очень значима</i>	<i>30,0</i>	<i>56,1</i>	<i>46,2</i>	<i>45,0</i>	<i>46,3</i>
	<i>значима</i>	<i>80,0</i>	<i>70,7</i>	<i>64,6</i>	<i>60,0</i>	<i>66,9</i>
	<i>очень значима</i>	<i>30,4</i>	<i>27,2</i>	<i>14,0</i>	<i>0,0</i>	<i>19,1</i>
	<i>значима</i>	<i>52,1</i>	<i>53,3</i>	<i>53,3</i>	<i>56,5</i>	<i>53,7</i>
	<i>всего</i>	<i>82,6</i>	<i>80,9</i>	<i>67,4</i>	<i>56,5</i>	<i>72,8</i>

национального самосознания финно-угры не уступают народам других языковых групп, и, во-вторых, о том, что в указанных регионах национальность, а следовательно, межнациональные отношения еще долго будут актуализированы и еще не одно поколение будут играть большую роль в жизни людей, сохранении социально-политической и социально-экономической стабильности.

Ключевые слова: финно-угорские народы, национальная идентичность, ассимиляция, этносоциология.

Примечания

¹ Джунусов М. С. Национализм : слов.-справ. М., 1998. С. 79.

² Социология : энцикл. / сост. А. А. Грицанов и др. Минск, 2003. С. 344.

³ Конюхов А. К. Историческое сознание коми народа: состояние и тенденции развития : дис. ... канд. социол. наук. М., 1993. С. 102—104.

⁴ Экспресс-информация по итогам экспертного опроса делегатов VIII съезда коренных малочисленных народов Севера. В период с 7 по 20 декабря 2004 г. сотрудниками Комитета социально-политического анализа и общественных связей Администрации губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры был проведен экспертный опрос делегатов VIII съезда коренных малочисленных народов Севера. Опрос проводился во всех муниципальных образованиях автономного округа, кроме г. Покачи. Всего опрошен 61 респондент.

⁵ Социология : энцикл. С. 351.

⁶ См.: Этнолингвистическая ситуация в Республике Коми (2003 г.): Отчет по социологическому исследованию / Зубова Р. И., Конюхов А. К., Кузванова О. И. и др. Сыктывкар, 2003.

⁷ «Элита — определенная группа, представители которой по своему социальному статусу, общепризнанному авторитету, профессиональным и индивидуальным качествам занимают ведущие позиции в том или ином социальном (национальном) слое, а иногда и в обществе» (цит. по: Социология. Основы общей теории : учеб. для вузов / отв. ред. акад. РАН Г.В. Осипов, действительный член РАЕН Л. Н. Москвичев. М., 2005. С. 888.

⁸ Данный вопрос был предусмотрен лишь в инструментарии экспертного опроса в Ижевске, где опрашивались специалисты-языковеды. В Республике Коми в ходе республиканских исследований вопрос об использовании коми-языка на работе задавался в 2003 и 2006 гг. представителям коми и других национальностей. В связи с этим постановка вопросов и альтернативы несколько отличаются друг от друга. Тем не менее сравнения возможны, динамика процесса выявляется.

⁹ Джунусов М. С. Национализм. С. 204.

¹⁰ Там же. С. 118.

¹¹ Совершенно ясно, что из норм русского языка вытекают: «мордвин, мордвинка» как показатели национальности (по аналогии с «латыш, латышка»); «мордонец, мордовка» как указание на место жительства («латвиец, латвийка»). Иногда традиционно употребляется исторический обобщающий термин «мордва» (по аналогии с «литва»). Что же касается терминов «мокша», «эрзя» (по аналогии с татарским «мишари» или русским «скобари»), то это — не национальность, а субэтническая принадлежность, отражающая архаическое, может быть еще племенное, деление. Тем не менее в различных регионах складываются свои традиции (примеч. В.К. Абрамова).

¹² Из рукописи Г. И. Шкалиной «Результаты социологического опроса, проведенного в Республике Марий Эл в октябре 2007 г. в рамках проекта «О положении финно-угорских народов в Российской Федерации»». С. 5.

Михкель Веске в Казани

К 165-ЛЕТИЮ СО ДНУ РОЖДЕНИУ М. П. ВЕСКЕ (1843—1890)

Я. Прозес,
зам. директора общественного движения «Финно-Угрия»
(г. Таллин, Эстония)

Èàçáíñééé óíèááðñèòáð.
Èèòíáðáòèý XIX á.

© Я. Прозес, 2008

В Эстонии М. Веске известен как выдающийся языковед, поэт и деятель эпохи национального пробуждения. Популярны его песни в стиле народных «Поднимемся в горы» и «Когда я покинул дом родной». Наряду с исследованием эстонского языка внимание ученого привлекали и иные сферы, например, восточные языки и, конечно же, финно-

По документам, Михкель Веске родился 17(29) января 1843 г., сам он считал днем своего рождения 16 января, и эта дата ошибочно вошла в официальные источники. Он был первым высокообразованным лингвистом эстонской национальности, который в 1872 г. в Лейпциге был удостоен докторской степени за свою работу по сравнительно-исторической грамматике финно-угорских языков. Лейпциг уже тогда признавался одним из ведущих центров языкознания. С 1874 по 1885 г. М. Веске преподавал эстонский язык в Тартуском университете, а 1885—1886 г. провел в Венгрии, где, наверное, первым из эстонцев необычайно быстро усвоил венгерский язык. По праву он мог бы стать первым профессором эстонского языка в Тарту, однако в период русификации на дальнейшую судьбу ученого повлияла, по-видимому, его приверженность национальной идее. Так, под влиянием обстоятельств, М. Веске вынужден был продолжить свою научную деятельность в Казанском университете. Найти это место ему помог И. А. Бодуэн де Куртенэ, всемирно известный основоположник Казанской лингвистической школы, тогда работавший в Тарту. М. Веске был преподавателем финно-угорских языков в Казанском университете до своей внезапной смерти в 1890 г.

Официальное назначение Михкеля Веске на место преподавателя финно-угорских языков Казанского университета состоялось 8 февраля 1886 г., а прибыл он в Казань, по данным Пауля Алвре и Ивана Смирнова, лишь к осеннему семестру 1887 г. В феврале 1887 г. М. Веске приехал из Венгрии в Санкт-Петербург, а в апреле был уже в Москве, где быстро выучил русский язык. Позже, правда, выяснилось, что его знаний недостаточно

для того, чтобы обеспечить себе слушателей. В Москве ученый встретился с прибывшим из Казани литератором Юханом Кундером, который поделился с ним своими казанскими впечатлениями. М. Веске туда спешить не стал. И все же 6 августа он покинул Москву и направился в Казань, куда прибыл 10 августа, а 3 сентября читал в университете лекцию на тему «Значение и достижения финнологии».

Считалось, что М. Веске был профессором Казанского университета, но документального подтверждения это положение не находит. Поскольку он не владел русским языком в достаточной мере, у него был только один ученик — Н. Титов. Однако, как отмечает И. Смирнов, казанский период М. Веске в истории российской науки не прошел бесследно: ученый опубликовал несколько книг и статей. Кроме того, он осуществил две экспедиции к финно-угорским народам и собрал около 200 «черемисских и мордовских песен». Работы М. Веске, несмотря на свою незавершенность, получили признание: 16 июня 1889 г. ему был пожалован чин статского советника.

В Казани М. Веске жил в стесненных условиях. Хотя заработная плата у него была немаленькая, но долги были столь велики, что из 200 руб. на руки ему выдавалось лишь 30. Жил он на Никольской площади в доме Юшкова на третьем этаже (квартира 14), в низкой комнате с небольшими окнами. Его кровать ютилась за книжными полками. М. Веске был невысок, всего 164 см, холост. Ел он обычно один раз в день — вечером, а потому страдал от недоедания. Работал по ночам. Его лучшим другом был мариец профессор всеобщей истории Казанского университета Иван Смирнов (1856—1904), который позже во многих своих работах упоминал об

этом. И. Смирнов составил биографию М. Веске, а также библиографию его работ, опубликовал ряд статей о нем и некролог.

Будучи в Казани, М. Веске заинтересовался волжскими языками. С точки зрения марийского языка важнейшее значение имеет предложенное им диалектное членение в работе «Исследования о наречиях черемисского языка» (Казань, 1889), которая содержит много материала, собранного самим М. Веске в 1888 г. На базе собственного и уже опубликованного материала по марийскому языку М. Веске попытался выяснить фонетические закономерности как в горном и луговом наречиях, так и в их говорах. Уже в начале своей работы он опроверг предположение, что граница между горным и луговым диалектами протекает вдоль реки Волги. При этом М. Веске оперировал в основном такими понятиями, как «западномарийский» и «восточномарийский». Западномарийское наречие делится у него на козмодемьянскую (горномарийскую) и яранскую (современную северо-западную) подгруппы. Восточномарийское наречие включает в себя как современный луговомарийский диалект, так и малмыжский и уржумский говоры действительно восточномарийского диалекта.

Рассматривая проблемы фонетики марийского языка и передачи марийских звуков на письме, М. Веске привнес в марийский язык букву *ы*, обозначающую редуцированный звук. Насколько известно, до него никто этого не сделал. Впервые в азбуке эта буква появилась в 1893 г. В эстонский язык он ввел марийское слово *nulgo* (мар. *nulgo*) «пихта».

В своих работах М. Веске проанализировал опубликованное Библейским обществом в 1821 г. в Петербурге «Евангелие от Матфея» на марийском языке, а также горномарийскую грамматику Ф. Й. Вейдемана «*Versuch einer Grammatiker der tscheremissischen Sprache*» (1847). «Много неточностей я обнаружил там, как и в изданной в 1837 году в Казани горномарийской «Черемисской грамматике», — писал М. Веске. Эта его работа заслужила весьма положительную оценку и признание известной исследовательницы горномарийского языка доктора филологических наук Лидии Васиковой.

Самое значительное по объему исследование М. Веске тоже написано в Казани: в 1890 г. увидел свет первый том его труда «Славяно-финские культурные отношения по данному языку», в котором он попытался выявить славянские и финно-угорские взаимные заимствования. Это исследование в финно-угроведении было первым в своем роде. В предисловии к нему М. Веске подчеркнул, что для изучения славянских и финно-угорских культурных связей необходимо знать современное и прошлое расселение племен, их историю, быт, обычаи и этнографию. Способствует этому словарный запас языка. Те поверхностные сопоставления слов, которые тогда проводились, ученого не удовлетворяли. Он убедительно показал, что вся Северная Россия когда-то была заселена финно-угорскими племенами, о чем в первую очередь свидетельствуют многочисленные гидронимы.

М. Веске скончался 4 мая 1890 г. от разрыва сердца, излагая ученикам свою еще не законченную научную работу. Предполагалось даже, что смерть его не была естественной. Вскрытие, однако, показало, что

у него было большое сердце. Похоронили М. Веске на лютеранском кладбище в Казани, но позже по ходатайству председателя Общества эстонских литераторов К. А. Херманна прах перевезли в Тарту. Его предали земле 21 октября 1890 г. на новом университетском кладбище. В последний путь ученого провожали тысячи людей. В 1899 г. на месте погребения был установлен памятник — бюст работы известного скульптора Вейценберга, который, к сожалению, был разрушен после Второй мировой войны. Остался лишь постамент. После смерти М. Веске место преподавателя финно-угорских языков в Казанском университете долго оставалось вакантным, пока его не занял Николай Андерсон, тоже эстонец, отец известного фольклориста Вальтера Андерсона.

Однако вернемся к Михкелю Веске и его экспедициям. Свое первое путешествие в Марийский край он осуществил летом 1888 г. вместе с профессором И. Смирновым и руководителем этнографического музея Казанского университета Петером Траубенбергом. Основной целью было приобретение экспонатов для музея, этнографическая коллекция которого была довольно бедной. Насколько известно, Михкель Веске был первым эстонцем, который написал о марийцах и мордве в эстонской периодической печати: 2 сентября в 9-м номере журнала «Ома таа» («Своя земля») вышла его статья «Исследовательская поездка к черемисам». Согласно экспедиционным материалам на эстонском языке, участники отправились в путь в июне, поначалу вдвоем с И. Смирновым: из Казани по рекам до Козмодемьянска, далее на перекладных в Яранский уезд, потом в Ветлужский, Уржумский и Малмыжский уезды — до реки Вятки проехали 500 верст. Оттуда пароходом по Вятке и Каме, пока не добрались до марийцев, проживавших в Уфим-

ской губернии. Возвращались по Каме до Волги и по ней в Казань. На пароходе проплыли 1500 верст.

Читателям М. Веске сразу сообщает, что «удалось увидеть и услышать много нового». Прежде всего, по дороге из Козмодемьянска в Вятскую губернию он любовался древним, девственным лесом: «...деревья здесь высокие, стройные и пышные». Позже, проехав через марийскую деревню, он увидел лесок, который оказался священной рощей, и захотел пойти туда. Однако кучер заметил, что таких священных мест по пути будет немало, но посещать их без разрешения не стоит. М. Веске не мог отвести глаз от этой рощи: «...как будто древний лесок в Эстонии... первобытная, священная роща... ну прямо такая же». В другой деревне с названием Ломбенур (*нур* — то же, что в эстонском *nurt* «пашня») путешественники сделали остановку, разместились у хозяина, имевшего самовар. Это было четырехугольное помещение, «называлось оно *кудо* или *куды*, по-эстонски *koda* или *kodu*, но здесь просторнее и чище, чем большинство таких помещений или летних кухонь в Эстонии».

Далее следует описание собравшихся людей, которые любезно предлагали одежду и украшения. «Марийские мужчины носят белую рубашку с красивой разноцветной вышивкой на груди, не отсутствует в узоре и красная нитка. У большинства спереди карман, как носили в старину в Вильяндиской земле. Пояс у них плетеный, на ногах лапти, у некоторых сапоги. У женщин длинная домотканая

Оёёоà à ìàðèéñèì ñàéà.
Óìóìàðàóèý Ì. Àññàáúàáà.
ìà÷ àèì ÓÓ à. ÌÐËÌ

рубашка до колен с красивой пестрой вышивкой на груди, рукавах, по воротнику и подолу. Вышивки свидетельствуют овысоком мастерстве черемисских женщин, которое передается из поколения в поколение. На груди, нашее и на голове женщины носят разнообразные украшения, частично дорогие, среди которых много серебра. Головной убор у них напоминает широкую шапку, примерно как у молодых из волости Тарвасту. У девушек на голове лента, расшитая бусами, конец ее висит над распущенными волосами. Надо сказать, что все это красиво, но в то же время некоторые украшения картину портят. Все женщины обматывают голени черным шерстяным материалом, что делает ноги толстыми. На ногах у них лапти из липового лыка, тесемки завязываются до колена». Ученый недоумевает: как это женщины с украшениями на шее стоимостью до десяти рублей могут носить на ногах плохонькие лапти? Лицом же марийки, по его мнению, похожи на эстонку и финку, но волосы у них большей частью черные. «Мне показалось, что эстонские девушки и молодки красивее черемисок. О мужчинах судить не могу, лицом и телосложением они, как и эстонцы, но среди наших мужчин больше крепких и грузных, чем среди черемисов». Далее М. Веске пишет о пристрастии марийцев к куреву. Гостей угощали обильно. Суп разливали из посуды, называемой по-марийски *падъ*, по-эстонски же это *pada*.

Обращаясь к трудовым отношениям, М. Веске отмечает, что батраков у марийских крестьян нет. Все мужчины — хозяева и землевладельцы, земля между деревнями поделена на полоски. В основном на хозяина приходится по 8—12 десятин. Поля плодородны, зерновые совсем как в Лифляндии. По людям видно, что они хорошо питаются. «Черемисы живут в хорошо построенных, чистых, без дыма комнатах». Поместий нет.

Описывает ученый и священную рощу. Марийцы крещенные, но и рощу почитают. М. Веске показалось, что они не видят разницы между посещением церкви и священной рощи, разговор сводится лишь к тому, что с крестом, а что без креста. В рощу ходят с жертвоприношениями — хлебом, зерном и пивом. И. Смирнов и М. Веске с трудом пробирались по нетронутому лесу, в котором упавшие деревья не убираются и кустарник не вырубается, пока не добрались до поляны, там были скамейка и недалеко от нее кострище. Присев на скамейку, М. Веске любовался первобытной мощью природы и остался бы надолго в роще, если бы И. Смирнов не отозвал его (очевидно, у того было иное отношение к священной роще). Между прочим, эстонца удивило, что «православие России, располагая достаточными силами, чтобы за один день уничтожить все черемисские святилища... не применяет эту силу, как это делалось в свое время по всей Европе; православие дает народу возможность самому прийти к христианству, стремится лишь добром через своих миссионеров пробудить язычников и обратить их в христианство. В Австрии и других придунайских странах лютеранство менее свободно, чем языческие верования в землях Поволжья!»

В отчете об экспедиции М. Веске отмечает важнейшие результаты ее работы:

1. Внесены существенные поправки в «Список населенных мест Нижегородской губернии» относительно численности черемисов и мест их проживания в этой губернии. В Макарьевском уезде обнаружено 8 деревень вместо 5, а в Васильевском уезде — 15 вместо двух.
2. Определены три типа марийского национального костюма и нанесены на карту границы их распространения.

Æðáóú — ðañïðyàèòàèè ÿçú÷âñèèò ïèâïèé.
làðèéóú (= ððàièñù). Èííáò XIX á. Ôííáú ÐŸì

3. Изучались диалектные отношения горных и луговых черемисов.
4. Получены некоторые предметы старины, имеющие большое значение в аспекте колонизации черемисов.
5. В селе Коксамари (Чебоксарский уезд, Казанская губерния) изучались принципы организации рыболовческой артели.
6. На основе материалов по решениям пертнурского волостного суда (Козмодемьянский уезд) составлено представление о состоянии правовой грамотности горных черемисов.
7. Собрано много новых данных о свадебных, погребальных и поминальных обрядах; изучалось географическое распространение уже известных из литературы элементов обрядности.
8. Дополнены данные литературы о жертвоприношениях добрым духам и божествам, а также о численности последних.
9. Записывались пословицы, народная поэзия и сказки.
10. Собирались тавро и другие отличительные знаки собственности, которые представляют собой зачатки пиктографии.

Весной 1889 г. И. Смирнов обратился с ходатайством о предоставлении средств на новую экспедицию, поскольку первая удалась и была плодотворной, о чем свидетельствуют исследование М. Веске и работа самого И. Смирнова «Черемисы. Историко-этнографический очерк». Ходатайство было удовлетворено, и 1 мая М. Веске отправился в экспедицию. 15 мая к нему присоединились И. Смирнов и П. Траубенберг. Марийцев они посетили в деревнях Цалым-Сол, Сала-болк и Петнур. В этой экспедиции М. Веске записал более 100 народных песен и собрал много лексикографического материала, уделив особое внимание терминам, которыми марийцы обозначали отдельные явления окружающей их природы. Вторая экспедиция в большей мере была

посвящена мордве. Эстонского ученого сопровождал при этом преподаватель Учительского семинара для инородцев М. Кобаев (1864—1931), мордвин по национальности (его настоящее имя Макар Евсевьевич Евсевьев). Сначала они побывали у терюхан (обрусевшей мордвы), где М. Веске удалось все же записать несколько мордовских слов и заметить, что терюхане и русские одеваются по-разному.

Далее участники экспедиции двигались через заселенные эрзянами земли Арзамасского и Сергачовского уездов в сторону Симбирска. По дороге М. Веске записывал лексику и свои замечания по поводу произношения некоторых звуков, с помощью М. Кобаева собирал эрзянские песни. Между прочим, ученый установил, что в эрзя-мордовский диалект (каковым он считал эрзянский язык) входит несколько говоров. (Более подробно эта экспедиция описана В. И. Беззубовым в опубликованной в 1960 г. в Саранске статье «Научно-педагогическая деятельность Макара Евсевьевича Евсевьева»).

современная этномузыкология волго-уралья

Н. И. Бояркин,
доктор искусствоведения, профессор,
заведующий кафедрой народной музыки Института
национальной культуры МГУ им. Н. П. Огарева,
Л. Б. Бояркина,
кандидат искусствоведения, профессор кафедры
народной музыки

ки отдельных народов и не дают целостного системного представления о ней², что, безусловно, сказывается не только на качестве исследований, но и на подготовке специалистов данного профиля. Настоящая статья имеет целью привлечь внимание ученых к этой назревшей проблеме.

Современное этномузыкальное знание республик региона явилось следствием развития более ранних традиций, но вместе с тем имеет и свои особенности. В числе его важнейших направлений — работа по созданию качественной фактологической базы. Подлинно научный статус обрели полевые исследования, основанные ныне на методиках электроакустической, в том числе многоканальной, звукозаписи. В целом в методике нотаций произведений народной музыки преодолен композиторский подход, который вплоть до 1970-х гг. занимал главное место в публикациях фольклора. Схематичные расшифровки напевов отдельных песен не давали сколько-нибудь целостного представления о жанровом и стилевом составе фольклора, его ареальных и субэтнических традициях, скорее, они отражали художественные предпочтения авторов. Переход к строго научным нотациям звукозаписей, в значительной мере — к структурно-аналитическим транскрипциям по методу Е. В. Гиппиуса (в частности, партитурным, сделанным учеными региона в числе первых в отечественном этномузыкальном знании), сбор, камеральная обработка и систематика многообразных сведений по функционированию произведений в быту, изучение их историко-этнографического контекста привели к осознанию единичного исполнительского факта фольклора как специфического документа культуры в системе подобных ему типологических явлений этнической традиции.

Результатом широко развернувшейся в последние десятилетия в республиках Волго-Уралья экспедиционной деятельности явилось также включение в научную фактологию народной исполнительской терминологии — чрезвычайно ценного и информативно богатого источника, своеобразной музыкальной теории, в специфической

ἰὰ δαζαῖδιδία: ἰῖδαῖαῖνῆῆῆῆ ἰὰδῖαῖῖῖῖῖ ἰόζυῖῆῖῖῖ ἰῆ-ῆῆῆ XX ἂῆῆῆ.
Ἐς ῆῆῆῆ Ἀ. Ἰ. Ἀῖῆῆῆῆῖῖῖῖῖῖ «Mordwinische Melodien»
(Helsinki, 1948). Ὀῖδῖ Ἀ. Ἰ. Ἀῖῆῆῆῆῖῖῖῖῖῖ 1914 ἂ. ἂ ῖ. ῖῖῖῖῖῖῖῖ
ῖῖῖῖῖῖῖῖῖ. ἰῆῖῖ ῆς ῖ. ῖῖῖῖῖῖῖῖ Ἀῖῖῖῖῖῖῖῖῖ ῆῆῖῖῖῖῖ ἰῆ ἰῖῖῖ
(ἂῖῖῖῖῖ ῆῆῖῖῖῖῖ)

© Н. И. Бояркин, Л. Б. Бояркина, 2008

Íròà èç ñ. Áíðèñèèíí
 èãðããò ìà àãøéãìà (òéãé-òà),
 Íðíóíð èç ñ. Íáàÿ Øàíòàèà —
 ìà ààéãã (ñèðèéèà)

¹ Дулат-Алеев В. Р. Текст национальной культуры: Новоевропейская традиция в татарской музыке. Казань, 1999. С. 16—17.

² Проблема истории науки еще в 1970-е гг. стала предметом специального обсуждения на IV Международном конгрессе финно-угроведов. Ей была посвящена работа подсекции «History of Science», на которой выступили многие известные венгерские и немецкие специалисты: M. Fogarani, F. Szilagyi, Ch. Gläser и др. Как одну из приоритетных задач профессор Геттингенского университета Tibor Kesztlyüs выдвигал работу в области создания международных библиографических систем (см. его публикацию: Finno-Ugristik und das Deutsche Bibliothekssystem // Congressus Quartus internationalis Fenno-Ugristarum : Summeries. Budapest, 1975. S. 111). Имеющиеся библиографические списки (в монографиях, диссертациях, статьях) по музыке народов региона дают представление лишь о части литературы, но и они не всегда доступны исследователям. Ценные источники по этномузыковедческой литературе без их выделения в социальные разделы содержатся в ряде трудов международных конгрессов, научных обществ, сборниках статей и материалов конференций, а также в указателях литературы национальных НИИ региона, например: Советское финно-угроведение: 1975—1980 : материалы к V междунар. финно-угор. конгрессу. Турку, 1980. М., 1980 ; Советское финно-угроведение: 1975—1980 : материалы к VI междунар. финно-угор. конгрессу. Сыктывкар, 1985. М., 1985 ; Suomalais-Ugrilaisen Seuran. Julkaisut: 1886—1983. Helsinki, 1983 ; Javori J. Az uráli népek irodalmának bibliográfiája (1975—1994). Szombathei, 1995 ; Публикации и исследования музыкального фольклора финно-угорских народов СССР в Советском Союзе за 1973-1977 гг. // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллинн, 1980 ; Публикации и исследования музыкального фольклора финно-угорских народов СССР в Советском Союзе за 1978—1983 гг. // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллинн, 1986 ; Библиографический указатель научных трудов за 50 лет (1930—1980) / сост. С.С. Присягина. Йошкар-Ола, 1981 ; Систематический указатель к «Запискам» и «Трудам» МНИИЯЛИЭ: 1940—1982 / сост. М. Ф. Жиганов. Саранск, 1982 ; Чувашский фольклор : библиогр. указ. / сост. П. Н. Метин. Чебоксары, 1980 и др. На сегодняшний день капитальными работами, охватившими фольклорную литературу, опубликованную в России, Венгрии, Германии, Финляндии, являются публикации: Володина Т. В.: Библиографический указатель по фольклору хантов (1980—1999 гг.). Томск, 2000 ; Бояркина Л. Б. Хоровая культура Мордовии: Фольклор, традиции, современность : энцикл. справ. / под ред. Н. И. Бояркина. Саранск, 2006.

В современном музыкознании республик Волго-Уральского региона отчетливо выявились две области исследований; одна из них, получившая название «этномузыкология» («этномузыкознание», «музыкальная фольклористика», «музыкальная этнография»), — связана с изучением народной музыки, другая, условно называемая «общее музыкознание» или «академическое музыкознание», — с профессиональным композиторским и исполнительским творчеством. Направления и проблематика современных музыковедческих исследований многообразны, они затрагивают вопросы о генезисе и развитии народной и профессиональной музыки, их связях с другими видами искусств, социальные функции в прошлом и современности, о месте и роли в художественном воспитании и образовании и т. д.

Этномузыкология Волго-Уралья занимает достаточно видное место в российском этномузыкознании. Она «...в решении проблем специфики национально-музыкального заметно опережает академическое музыкознание... опережает не только потому, что специфика национального музыкального творчества является, фактически, основным предметом изучения для этномузыкознания, но и вследствие историко-культурных характеристик самого предмета изучения»¹. Зародившись в первой половине XIX в. в рамках отечественной этнографии, музыкальная фольклористика уже к началу XX столетия стала значительной составной частью краеведения, вышла за пределы российской науки, а исследуемые ею песенные напевы и инструментальные наигрыши в числе музыкальных традиций других народов Евразии явились предметом сравнительных исследований в европейских странах.

За более чем полуторавековой период изучения музыки народов Волго-Уралья сложились методология и методика ее исследований, устойчивые представления о ней, создана обширная литература, насчитывающая многие сотни различных публикаций. Однако большинство работ по истории этномузыкознания региона касаются частных вопросов изучения музы-

Áínàíáéü iïðäíāñēíé řāðíāíé íóçúèè «Āāéāā iïðí» («Çāāíüāý řāñíý»)

форме отразившей представления о природе и развитии явлений музыкального творчества в разные исторические периоды. Возросшие требования к фактологии и источниковедению науки, необходимость в экспедициях «вести следствие», «отделять закономерное от случайного» (Е. Гиппиус) способствовали совершенствованию не только теоретических, но и эмпирических методов исследований. Наряду с электроакустической записью, интервьюированием этнофоров в практику полевых исследований все чаще включаются анкетирование и эксперимент, позволяющие с достаточно высокой степенью достоверности подтвердить или опровергнуть имеющиеся представления о типичности явлений, их устойчивости в среде традиционных исполнителей, ареалах распространения и т. д.³

Работа по совершенствованию и созданию качественно новой фактологической базы этномузыкологических исследований реализуется в упорядочивании многочисленных материалов в фондах звукозаписей научных национальных институтов, консерваторий, университетов, издании сборников и многотомных антологий. Публикации по коми, татарским, мордовским, чувашским и удмуртским песням⁴ стали значительным вкладом в отечественную и мировую науку. Они способствовали формирова-

нием народной музыки, но и профессионально ориентироваться в вопросах традиционной стихологии, песенной поэтики и в вопросах хореографии»⁶.

Исследования на практике подтвердили перспективность новых методологических подходов, в них определились направления последующей деятельности по изучению традиционного и современного народного песнетворчества. Значительная часть теоретической литературы имеет важное, а в ряде случаев основополагающее значение для понимания специфики фольклорных традиций, в ней подвергнуты анализу наиболее острые проблемы жанрово-стилевого содержания традиционного и современного песнетворчества, его системообразующие доминанты, особенности музыкального мышления и этнокультурного контекста, семантики и обрядовой символики, типологической природы этнических и этнолокальных музыкальных систем и их связей с языками народов региона⁷.

Актуальную и сложную проблему, более полувека привлекающую к себе внимание специалистов, составляет один из объединяющих феноменов музыки народов региона — *пентатоника* (шире — *ангемитоника*). Активные усилия, предпринимаемые отечественными и зарубежными учеными в области изучения этой пробле-

³ В качестве примера можно сослаться на проведение масштабного полевого исследования ареалов распространения народных инструментов в Мордовии в конце 1980 — начале 1990-х гг. с помощью вопросника (Мордовские народные инструменты и инструментальная музыка / сост. Н. И. Бояркин; ред. И. В. Мациевский. Саранск, 1988. С. 52), материалы которого использовались при создании диссертационных исследований, монографий и учебных пособий.

⁴ См. некоторые из них: Микушев А. К., Чисталев П. И. Коми народные песни: [в 3 вып.]. Сыктывкар, 1966—1971 (3-й вып. в соавт. с Рочевым Ю. Г.), повторное издание вышло в 1990-е гг.; Нигмедзянов М. Н. Татарские народные песни. М., 1970; Его же: Татар халык жырлары. Казань, 1976; Его же: Татарские народные песни. Казань, 1984; Памятники мордовского народного музыкального искусства: в 3 т. / сост. Н. И. Бояркин; под ред. Е. В. Гиппиуса. Саранск, 1981—1988; Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: Антология / авт.-сост.: М. И. Чувашев, И. А. Касьянова и др. Самара, 2001 (опубликованы нотации звукозаписей М. И. Чувашева); Песни низовых чувашей: В 2 кн. / Сост. М. Г. Кондратьев. Чебоксары, 1981—1982; Песни средненизовых чувашей / сост. М. Г. Кондратьев. Чебоксары, 1993; Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. Удмуртские народные песни. Ижевск, 1989; Удмуртский фольклор: Ижевск, 1991; Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов: Вып. 1. Ижевск, 1992; Чуракова Р. А. Песни южных удмуртов. Вып. 2. 1999; Ходырева М. Г. Песни северных удмуртов. Вып. 1, 1996; Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов: Вып. 1. 1995; Вып. 2, 2004.

⁵ Прежде всего имеются в виду публикации нотаций магнитофонных экспедиционных записей 1958—1979 гг. L. Vikar'a и G. Bereczki в Будапеште: Cheremis Folksongs, 1971; Chuvash Folksongs, 1979; Votyak Folksongs, 1989; Tatar Folksongs, 1999, а также малоизвестное для российского читателя сравнительное исследование I. Saastamoinen'a «Kansat soittavat: Alkumusiiikin Idhteilla» (Helsinki, 1985), содержащее среди 143 типических образцов музыки народов мира и значительное количество песен народов Волго-Уральского региона из разных источников, в том числе расшифровок звукозаписей, изданных на грампластинках фирмой «Мелодия».

⁶ Цит. по стенограмме доклада Е. В. Гиппиуса «Проблемы собирания и изучения традиционного и современного песенного искусства и инструментальной музыки народов Поволжья», прозвучавшего на научной конференции Союза композиторов РСФСР «Взаимосвязи традиционного музыкального искусства народов Поволжья» (Чебоксары, 24—27 марта 1975 г.).

⁷ См. работы М. Н. Нигмедзянова (Народные песни волжских татар. М., 1982; Татарская народная музыка. Казань, 2003), Н. И. Бояркина (Мордовское народное музыкальное искусство. Саранск, 1983), Л. Б. Бояркиной (Песенное искусство зрянских переселенцев Заволжья // Памятники мордовского народного музыкального искусства. Т. 3. Саранск, 1988), М. Г. Кондратьева (О ритме чувашской народной песни: К проблеме количественности в народной музыке. М., 1990; Чувашская Савра Юрә и ее татарские параллели. Чебоксары, 1993), И. М. Нуриевой (Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999), М. Г. Хрущевой (Удмуртская обрядовая песенность. М., 2001), Н. Ю. Альмеевой (Жанровая система и этномузыкальный диалект: К проблеме классификации явлений татарской музыки устной традиции // Искусство устной традиции. Историческая морфология: сб. ст. СПб., 2002; О музыкальном воплощении татарского байта (введение в изучение проблем) // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях. Ижевск, 2002; Песенная традиция пестречинских крышен (бассейн реки Мечи) // Там же), З. Н. Сайдашевой (Песенная культура татар Волго-Камья: Эволюция жанрово-стилевых норм в контексте национальной истории. Казань, 2002), а также неопубликованные диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения Э. Р. Каюмовой (Татарская народно-песенная культура нового времени: Проблемы традиционного мышления и жанровой атрибуции. СПб., 2004), С. В. Ильиной (Ритмические основы традиционного песенного творчества волжских татар и чувашей: к проблеме формульности. Чебоксары, 2004).

нию новых направлений в современной финно-угристике и тюркологии, послужили прочной базой сравнительных исследований как для российских этномузыковедов, так и для ученых Венгрии, Финляндии, Эстонии, Бельгии, Германии — стран, где финно-угорско-тюркско-славянская проблематика традиционно являлась одним из важных направлений музыкальной компаративистики⁵.

Новая фактологическая база во многом определила в целом высокий уровень теоретического осмысления проблем, аргументированность научных выводов и заключений. *Появилась* разнообразная по жанрам и видам *качественно новая этномузыковедческая литература*, насчитывающая в наши дни сотни публикаций — монографий, статей, сборников трудов, предисловий к нотным изданиям. Важно то, что она преимущественно *принадлежит полевым исследователям*, постигавшим фольклорную традицию «изнутри», в самой народной среде живого ее функционирования. Иначе говоря, в республиках сложился *новый тип исследователей*, обладающих глубокими знаниями полевого материала и современной теории, в том числе смежных областей науки. Во многом реализованными оказались пожелания Е. В. Гиппиуса, высказанные им на одной из первых конференций, посвященных проблемам собирания и изучения музыки народов Волго-Уральского региона, о том, что «в идеале каждый музыковед-фольклорист должен не только заниматься изуче-

ное отличие религии от науки), положения о пентатонике, высказанные в статье, по существу, ни доказать, ни опровергнуть не представляется возможным, поскольку они не могут быть проверены наукой. Автор, собственно, и не приводит каких-либо доказательств, например, того, что «интенсивное обогащение пентатонного языка полутоновыми интонациями в творчестве татарских композиторов XX столетия» согласуется с антропософским учением¹⁶.

Коренной перелом в изучении песнетворчества народов Волго-Уралья этномузыкологами был сопряжен в основном с преодолением малоэффективных для исследования народной музыки методологических подходов, распространенных в этномузыкознании региона в ранние периоды его развития. Один из них заключался в императивном влиянии литературоведения на исследование жанра народной песни, ее стихосложения, в объяснении поэтики сквозь призму идейно-тематических особенностей текстов. Пришло понимание того, что народная песня являет собой исторически сложившуюся иерархическую систему музыкальных и поэтических структурных компонентов, обнаруживающих различные формы взаимосвязей и корреляций, и элементы литературоведческого анализа могут быть применимы в ограниченных пределах в совокупности с иными подходами.

Другим ценным завоеванием в методологии исследований конца прошлого столетия стало преодоление европоцентристского подхода к анализу музыкального строя народных песен, более научно обоснованное оперирование понятийным фондом европейского музыкознания, выработанным в процессе научного постижения иной по своей природе музыкальной традиции (западно-европейской композиторской музыки последних трех-четырёх столетий), нежели народная музыка (особенно восточно-европейская).

«Молодым» направлением этномузыкознания региона является *исследование традиционного многоголосия*. До последнего времени исключение составляло лишь многоголосие мордовской народной песни, которое еще в 1914 г. достаточно полно и квалифицированно было записано фонографным способом, а затем запечатлено известным финским этномузыкологом А. О. Вьяйсяненем в капитальном труде «Mordwinische Melodien» (Helsinki, 1948). Образцы мордовских напевов, опубликованные ранее М. Е. Евсевьевым, А. А. Шахматовым, Л. П. Кирюковым, хотя и содержали многоголосные элементы, но, поскольку были записаны слуховым методом, могли вызвать сомнение. Если большинство тех, кто был знаком с мордовской музыкой, имели представление о наличии в ней многоголосия (правда, часто объясняемого заимствованием у русских, о чем без какой-либо аргументации высказал предположение Вьяйсянен), то о многоголосных формах у других финно-угров и тюрков региона вообще речь не шла.

Экспедиционная деятельность и включение в область исследований традиционной инструментальной музыки «опрокинули» устоявшиеся мнения о сугубо монодийной природе музыки народов региона. В наши дни становится очевидным, по крайней мере для занимающихся музыкой региона отечественных ученых, что в певческом и инструментальном многоголосии народы Волго-Уралья обнаружили свою самобытность и самостоятельность, что они имеют стадильно различные многоголосные формы, типы исторически сложившихся мелодико-многоголосных систем, в тех или иных корреляциях соотносимых с формами монодийного интонирования как внутри одного этноса, так и в целом у народов региона. Об этом убедительно свидетельствуют и новейшие многоканальные записи, партитурные транскрипции мордовских, башкирских, коми, удмуртских и татаро-кряшенских песен¹⁷.

Приоритетной проблемой современного этномузыкознания Волго-Уралья является *изучение исторических взаимосвязей* традиционного музыкального творчества финно-угорских, тюркских и русского народов. Долгое время эти взаимосвязи рассматривались односторонне; наблюдаемые в культурах сходные элементы объяснялись влиянием культуры титульной нации на творчество народов региона. Важную роль в смене научной парадигмы в осмыслении проблемы сыграли труды отечественных этномузыкологов, и прежде всего

⁸ Материалы конференций, проведенных Казанской консерваторией с интервалом в 20 лет (1957, 1973, 1993), весьма наглядно отражают историю формирования научного интереса не только к данной проблеме, но и в целом к изучению народной музыки региона, методам ее использования в композиторском творчестве.

⁹ В числе значимых трудов по пентатонике народов региона — очерки В. М. Беляева 1950-х гг. «Татарская музыка», «Башкирская музыка» и его капитальная монография «Ладовые системы в музыке народов СССР» (В. М. Беляев: 1888—1968 / сост. А. В. Беляев; ред.-сост. И. К. Травина. М., 1990), оказавшие огромное влияние на последующее изучение проблемы, особенно в плане ее объяснения с точки зрения теории эволюции. См. также: Гиршман Я. Пентатоника и ее развитие в татарской музыке. М., 1960; Исхакова-Вамба Р. Ангемитоника как музыкальная система. М., 1990; Сураев-Королев Г. И. Многоголосие и ладовое строение мордовской народной песни (мордовская многоголосная пентатоника) // Тр. МНИИЯЛИЭ. Сер. филологическая. Саранск, 1964. Вып. 26 и др.

¹⁰ Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры. Казань, 1995. С. 5.

¹¹ Там же. С. 46.

¹² Назовем лишь одну из огромного числа публикаций — многочисленные книги С. Н. Лазарева «Диагностика кармы» (СПб., 1995—2003).

¹³ Моносыпов Ш. Х. Пентатоника в свете антропософии // Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 16.

¹⁵ См.: Евгений (Березиков Е. Е.). Космическое сознание: Новая шестая раса людей. М., 1996.

¹⁶ Моносыпов Ш. Х. Пентатоника в свете антропософии. С. 19.

¹⁷ К настоящему времени этномузыковедческая литература (нотные издания, статьи, тезисы) о многоголосии народов региона насчитывает значительное число работ. Назовем некоторые из них: Альмеева Н. Ю. Песенная культура татар-кряшен: Жанровая система и многоголосие: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 1986; Ее же: Гетерофонная фактура (Опыт анализа архаического многоголосного пения татар-кряшен) // Судьбы традиционной культуры: сб. ст. СПб., 1998; Бояркин Н. И. Мордовская народная музыка: Многоголосные инструментальные традиции: учеб. пособие. Саранск, 2004; Его же. Types of Mordvinian instrumental folk music // Folk Belief Today. Tartu, 1995; Его же. Mordvalaiset // Kansanmusiikki. 1990. №3 (Finland); Бояркина Л. Б. Гетерофония календарных и семейно-обрядовых эрзя-мордовских народных песен // Музыка в обрядовой и трудовой деятельности финно-угров. Таллинн, 1986; Ее же. Вокальная диафония эрзянской свадьбы // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллинн, 1986; Герасимов

О. М. Жанровая и региональная обусловленность многоголосия мари // *Вопр. нар. многоголосия*. Тбилиси, 1988 ; Мамаева М. Н. Полифония в марийской музыке (в аспекте взаимодействия фольклорной традиции и профессионального творчества): дис. ... канд. искусствоведения. М., 1996 ; Нуриева И. М. Удмуртский фольклор: Песни завятских удмуртов. Ижевск, 2004. Вып. 2. (Удмурт. фольклор).

Значительное число работ посвящено межэтническим связям: Альмеева Н. Ю. Квинто-квартетная фактура (Один из типов многоголосия у татар-кряшен и его аналоги у народов средневожского региона) // *Вопр. нар. многоголосия*. Тбилиси, 1988 ; Ананичева Т., Суханова Л. Песенные традиции Поволжья. М., 1991 ; Бояркина Л. Б. К проблеме изучения мордовского субстрата в русской музыке // *Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях*. Ижевск, 2002 ; Земцовский И. И. Музыка устной традиции мордвы: Памятники и проблемы // *Фольклор в творчестве мордовских писателей и композиторов*: тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1986. Вып. 86 ; Лобанов М. А. Контрастная полифония в мордовско-эрзянских свадебных причитаниях // *Фольклор и современная духовная культура финно-угров*. Саранск, 1993 ; Рюйтел И. Исторические пласты эстонской народной песни в контексте этнических отношений. Таллинн, 1994.

Проблематика традиционного многоголосия народов Волго-Уральского региона и его взаимосвязей нашла широкое обсуждение на специальных научных конференциях в Воронеже (Песенное многоголосие народов России: тез. докл. М., 1989; см. тез. Т. Ананичевой, Н. Гиляровой — русско-мордовские связи, Н. Бояркина — мордовско-финно-угорские связи, Н. Жулановой, Л. Шипицыной — коми-пермяки, Р. Чураковой, Е. Бойковой — удмурты, Х. Ихтисамова — тюркские народы), а также в Таллинне (Soome-ugrilaste vokaalne mitmehäälsus slaavi ja balti rahvaste muusikakultuuri kontekstis. Tallinn, 2004; см. тез. Н. Альмеевой, Н. Бояркина, Л. Бояркиной, И. Нуриевой, муз. выступления с научными комментариями Е. Hartikainen, M. Kall-berg, A. Koht-Rahtola, S. Kosonen, A.-K. Liedes).

Из новейших нотных публикаций см. сб. «100 песен и инструментальных наигрышей народов России» (М., 2004), в котором представлены транскрипции певческого многоголосия мордвы — Н. и Л. Бояркины, башкирское горловое пение с кураем — Х. Ихтисамов, гетерофония марийцев — О. Герасимов, коми-пермяцкое многоголосие (с русским текстом, инструментальное многоголосие на дудках пöлян, тип флейты Пана) — Н. Жуланова, удмуртское — Е. Бойкова, чувашское совместное пение — М. Кондра-тьева.

мы (только в Казани ей были посвящены три конференции⁸, опубликованы монографии и статьи⁹), позволяют говорить о ряде существенных закономерностей указанного феномена, а именно: его широчайшем распространении и многообразии форм проявления в музыке народов, исторически сложившейся модальной системе в ряду других ладов (диатоника, миксодиатоника, геммиолика, хроматика, экмелика и т. п.), структурно-типологических особенностях ангемитоники и их связи с исполнительскими формами вокального и инструментального интонирования.

Вместе с тем различный уровень изученности культур региона, многообразие этнических, субэтнических, ареальных традиций, целей и исследовательских подходов (в их числе — до конца не изжитая при анализе пентатоники европоцентристская теория музыки, а также подходы, неорганично заимствованные из смежных наук — этнологии, философии и др.) не позволили разработать результативный метод исследования проблемы, прийти к однозначным, неоспоримым выводам по целому ряду вопросов. Как следствие этого, одним из центральных нерешенных вопросов пентатоники, выявившимся уже в период формирования интереса к ней как к научной проблеме, остается вопрос ее генезиса.

В этом отношении весьма показательны материалы межреспубликанской научной конференции (1993 г.), опубликованные в сборнике «Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры» (Казань, 1995), в котором наряду с музыковедческими аспектами изучения проблемы, затрагивающими теорию и историю пентатоники в многообразных связях с иными формами музыкального мышления в широких контекстах межэтнического взаимодействия, представлены и нетрадиционные для музыковедения региона философские, эстетические и культурологические подходы исследований. В сборнике содержится ряд интересных положений, которые весьма неоднозначно трактуют явление. Так, по мнению Ю. Н. Холопова, пентатонику «следует трактовать как всеобщую необходимую ступень развития»¹⁰. И. М. Жордания не исключает, что возникновение ангемитоники как системы, отличной от столь же самостоятельной гемитоники, могло быть каким-то образом связано с тоновыми языками. Р. А. Исхакова-Вамба считает, что ангемитоника вообще «не есть отдельная обособленная область музыкального мышления. Она — одна из сторон этого мышления»¹¹.

Очевидно, больше всего вопросов у музыковедов может вызвать объяснение генезиса явления, предложенное Ш. Х. Монасыповым в статье «Пентатоника в свете антропософии». Автор переносит проблематику в область, далекую от традиционного музыковедения, — мистико-философской («тайноведческой») доктрины, возникшей в западной философии в первой четверти XX в., а в постперестроечное время в России и странах Содружества оказавшей заметное влияние на нетрадиционную медицину, сенсористику и парапсихологию¹².

Согласно учению антропософистов (Р. Штейнер, В. Вюнш, А. Хуземанн) музыкальное искусство возникло не столько в результате «подражания человека звукам природы» (главное положение концепции К. Шторка), «сколько в связи с взаимодействием его с космическими вибрациями, звучаниями»¹³. Кратко коснувшись истории вопроса, излагаемой в трудах антропософистов («овладение семиступенными ладами», эпохи «кварты», «терции», «секунды»; как известно, нечто подобное уже было в музыковедении), автор отмечает: «Правильно осмысленная, преодолевающая «тяжесть» секундовых тяготений, человеческая душа получит возможность вновь обрести пентатонное настроение незамкнутости. <...> Таким образом, будет открыта новая эра в ладовом мышлении»¹⁴. Подобные идеи, высказываемые в статье, находятся в русле мистических представлений, которые получили в последние годы широкий выход в массовую религиозно-философскую литературу. В соответствии с одними из таких представлений современное человечество стоит на пороге новой, шестой, расы, в которую смогут войти только избранные, возвысив свое астральное и ограничив, «принизив» физическое тело¹⁵. Как и догматы любой религии, оперирующей в познании верой, а не научной логикой (в этом — кардиналь-

Е.В. Гиппиуса, И.И. Земцовского, М. А. Лобанова, И.В. Мациевского, а также их учеников и последователей, занимавшихся изучением русской музыкальной культуры и часто касавшихся проблем ее взаимосвязей с музыкой финно-угорских и тюркских народов¹⁸. Однако серьезно эта проблема только начинает подниматься музыковедами региона. Несоизмеримо больших успехов в ее изучении достигли фольклористы-филологи и этнографы (последние особенно в области материальной культуры).

Одна из основных причин того, что вопросы финно-угорско-славянских и тюркско-славянских этномузыкальных отношений не нашли должного научного освещения, заключается в слабой изученности традиционной русской музыки региона. Публикации полевых материалов и теоретических исследований¹⁹ касаются преимущественно отдельных жанрово-стилевых видов народно-песенных традиций и не дают целостного представления о русской музыке региона, о процессах, происходящих в ней в наши дни. Трудности изучения проблемы объясняются не только малым числом специалистов, спорадически занимающихся ею, и огромной территорией, подлежащей полемому обследованию, но и необычайно пестрой картиной русских традиций. С одной стороны, они сохранили многие элементы музыкальных традиций других ареалов расселения русского народа (историки отмечают несколько волн колонизации региона), а с другой — «культура народов Поволжья — в разных зонах по-разному — оказала существенное воздействие на культуру и быт русского населения»²⁰. Продвижение музыковедческих, да и в целом историко-этнологических исследований в немалой степени затруднено и тем, что в регионе интенсивно проходили процессы ассимиляции (замеченные еще В.О. Ключевским), в связи с чем в наши дни не всегда просто бывает определить национальный состав русских сел — в них проживают коренные русские, обрусевшие иные народы (например, мордва) или те и другие (в ряде русских сел Мордовии, Пензенской, Тамбовской и других областей жители и ныне различают «русские концы» и «мордовские концы»).

Одним из перспективных направлений, заявившим о себе созданием серии трудов по финно-угорским и тюркским народам, стала *этноорганология*. Предмет ее исследований — музыкальные инструменты и инструментальная музыка, фактологическая база — звукозаписи и нотации произведений, инструменты (как продукт материальной культуры), многообразные полевые сведения об использовании инструментов в быту, историко-этнографическая и искусствоведческая литература (в том числе древние рукописные памятники), материалы, хранящиеся в отечественных и зарубежных архивных и музейных фондах. Этноорганология народов региона нашла освещение в монографических публикациях и диссертационных исследованиях Р. Ф. Зелинского²¹ (башкиры), П. И. Чисталева²² (коми), Н.И. Бояркина²³ (мордва), О. М. Герасимова²⁴ (мари), Д.А. Абдулнасыровой²⁵, Г. М. Макарова²⁶, Р. Ф. Халитова²⁷ (татары). Отдельные вопросы по народному инструментарию и инструментальной музыке рассматриваются в статьях других ученых — В. А. Альбинского, В. М. Газетова, А. М. Карпова, В.И. Колмыкова, В. В. Кошелева, Н. А. Красовской, Ш.П. Монасыпова, М.Н. Нигмедзянова, Б. И. Рабиновича, В.С. Чернова, И.Г. Шабердина, Ф.В. Эшмяковой и др. Некоторые работы посвящены проблемам сходств и различий в инструментальных культурах народов региона; наиболее крупная из них — сравнительное историко-этнографическое описание В.И. Яковлева²⁸.

Как одно из перспективных научных направлений современного этномузыкознания в рамках этноорганологии в последние десятилетия выделилась *музыкальная археология*. Она на тысячелетия раздвинула хронологические рамки фактологической базы, обогатила ее материальными источниками — инструментами и музыкальными орудиями древности. Это направление более всего связано с исследованиями Н. И. Бояркина²⁹ музыкальных орудий и инструментов из древнемордовских памятников и памятников финноволжской общности, а также из раскопок городецкой, дьяковской и фатьяновской

¹⁸ См., например: Гиппиус Е. В. Сборники русских народных песен М. А. Балакирева // Балакирев М. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано / ред., предисл., исслед. и прим. Е. В. Гиппиуса. М., 1957; Земцовский И. И. Мелодика календарных песен. Л., 1975; Его же. О значении угро-финского фольклора для исследования славянской народной музыки // Музыкальный фольклор финно-угорских народов и их этномызыкальные связи с другими народами : тез. докл. Таллинн, 1976; Лапин В. А. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций). М., 1995; Старостина Т. А. К проблеме многосоставности высотной структуры: на примерах архаического многоголосия и музыки позднего Стравинского // И. Ф. Стравинский : сб. ст. М., 1997.

¹⁹ Из наиболее крупных трудов, посвященных русским фольклорным традициям Волго-Уралья, а также их взаимосвязям с традициями финно-угорских народов, назовем работы: Енговатова М. Е. Закамские протяжные песни и некоторые вопросы типологии жанра : дис. ... канд. искусствоведения. М., 1989; Ее же. Протяжные песни Ульяновского Заволжья. М., 1981. (Из коллекции фольклориста); Гилярова Н. Н. Новогодние поздравительные песни Рязанской области. М., 1985. (Из коллекции фольклориста); Нижегородская свадьба: Пушкинские места, Нижегородское Поволжье, Ветлужский край / изд. подгот.: М. А. Лобанов, К. Е. Корелова, А. Ф. Некрылова. СПб., 1998; Предания и песни Болдинской старины / изд. подгот.: Ю. Левитина, И. Сидорова, Л. Доронина, М. Лобанов. Горький, 1972; Яхонтова Е. С. Музыкальный быт современного русского села (на материале одной локальной традиции Поволжья) : дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1985; Бояркина Л. Б. Эрзя-мордовское народное песенное искусство Среднего Заволжья и его взаимосвязи с традиционной русской песней : дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1985; Шергина А. А. Национальное своеобразие коми народной песенности в сравнении с русским музыкальным фольклором. Сыктывкар, 1984 (Научные доклады. Вып. 106); Образцы народного многоголосия / Сост., общ. ред. и предисл. И. Земцовского. М.; Л., 1972;

Кроме публикаций указанных авторов, ряд статей по проблеме принадлежит В. А. Альбинскому, М. Б. Чернышевой, П. И. Чисталеву, С. В. Стародубцевой, Т. А. Старостиной, Т. М. Ананичевой, Н. Д. Бордюг, М. И. Родителевой, Н. М. Савельевой и др.

²⁰ Пименов В. В., Кузеев Р. Г. Введение // Народы Поволжья и Приуралья : ист.-этногр. очерки. М., 1985. С. 8.

²¹ Зелинский Р. Ф. Композиционные закономерности башкирских программных инструментальных кюев : дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1977.

²² Чисталев П. И. Коми народное музыкальные инструменты. Сыктывкар, 1984.

²³ Бояркин Н. И. Мордовское народное музыкальное искусство. Саранск, 1983; Его же. Феномен традиционного инструментального многоголосия (на материале мордовской музыки) : дис. ... д-ра искусств. СПб., 1995; Его же. Мордовская народная музыка : Многоголосные инструментальные традиции : учеб. пособие. Саранск, 2004. Ч. 1.

²⁴ Яковлев В. И. Традиционные музыкальные инструменты Волго-Уралья : ист.-этногр. исслед. Казань, 2001.

²⁵ Халитов Р. Ф. Татарские народные музыкальные инструменты : дис. ... канд. искусствоведения. Ташкент, 1987.

²⁶ Герасимов О. М. Народные музыкальные инструменты мари. Йошкар-Ола, 1996.

²⁷ Абдулнасырова Д. А. Татарская народная скрипичная традиция: Модус культуры и музыкальный феномен : дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2000.

²⁸ Макаров Г. М. Традиционные аэрофоны татар Волго-Камья (Проблемы генезиса и исторической реконструкции) : дис. ... канд. искусствоведения. Казань, 2004.

²⁹ См. некоторые его работы: Мордовская инструментальная сигнальная музыка // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллинн, 1986; О некоторых принципах изучения музыкальных инструментов из археологических памятников волжских финнов // Проблемы этногенеза народов Волжско-Камского региона в свете данных фольклористики. Астрахань, 1989; Политембровые комплексы музыкальных инструментов в искусстве древности // Бояркин Н. И. Мордовская народная музыка: Многоголосные инструментальные традиции. Саранск, 2004. Ч. 1.

³⁰ Паасонен Х. О так называемых иранских словах в мордовском языке // Известия ОАИЭ при Казанском ун-те. Казань, 1893. Т. 2, вып. 2; Paasonen H. Zur frage von der urverwandschaft der finnisch-ugrischen und indoeuropäischen sprachen // Finnisch-Ugrische Forschungen, 1907. Bd. 7. Heft 1—3.

культур, с которыми финно-угры имели генетические и тесные историко-культурные связи. Изучение археологических памятников позволило выявить не только сами инструменты, но и, что особенно важно, их политембровые комплексы в системе синкретического искусства, создавшие предпосылки для появления этнически детерминированных исполнительских форм и темброидеалов, реликты которых обнаруживаются в современной народной музыке, а также, например, в мордовском, чувашском, крышено-татарском диалектах. Удалось установить, что финно-угорские субстраты звуковых орудий, перекрывающие этнические и региональные особенности, образуют развитую органофоническую систему в синкретических комплексах древнего искусства, уходят корнями собственно в прафинно-угорскую общность и растворяются в стихии различных этнических смещений в культуре Поволжья, Приуралья и Среднего Дона.

Данная проблематика в последнее время начинает разрабатываться и на лингвистических материалах. Назовем лишь одну из последних работ, а именно диссертацию Г. М. Макарова, в которой весьма тщательно анализу подвергнуты некоторые субстраты индоиранских музыкальных традиций в культуре народов региона, в частности татар, мордвы, чувашей; тем самым на новом материале подтверждены положения, выдвинутые на рубеже XIX—XX вв. известным финским исследователем Х. Паасоненом, об индоиранских реликтах в языках народов края³⁰.

Интерес к изучению субстратов древних цивилизаций Востока в культуре народов Волго-Уралья проявили и многие современные европейские ученые. Весьма ярким свидетельством тому может служить осуществленный чуть более десяти лет назад французскими исследователями — музыковедом Ф. Грюнд и этнографом Ш. Кацнадаром — в рамках программы ЮНЕСКО «По шелковому пути» цикл лекций ученых нашего региона в Бельгии, Германии, Франции, Швейцарии, Голландии и других странах Европы. Лекции сопровождались концертами народных исполнителей из Башкирии, Республики Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Чувашии.

Исследования последних десятилетий заметно повлияли на сложившиеся под влиянием М. Буха, Р. Лаха, Н. С. Трубецкого, П. Панова, А. Вяйсянена, А. Хямляйна³¹ и более поздних авторов, например Л. Викара³², первоначальные, долго господствовавшие в западной музыкальной компаративистике, не во всем точные представления о музыке народов Волго-Уралья. Начался пересмотр некоторых,

Áiñàíáëü ïðäíàñéíé
 íóçüéè «Óiðàìà».
 Èçäàìéà Finlandia
 Records.

казалось бы, вполне устойчивых выводов, таких, как представления о сугубо монодийной природе финно-угорских и тюркских традиций, о субстратах в них славянских элементов, о характере тюрко-финских взаимодействий. Облик наших культур в современной западной компаративистике (A. Asplund, H. Boone, E. Emsheimer, L. Felföldi, U. Kolk, K. Lásar, A. Lintrop, I. Rützel, I. Saastamoinen, I. Sarv, E. Schmidt, P. Szöke, Gy. Szomjas-Schiffert, L. Vikar, V. Voigt и мн. др.) все более и более предстает как спонтанно сложившийся многосоставный историко-стилевой комплекс, обладающий внутренней целостностью³³. Исследования в этом направлении кажутся весьма перспективными; этномузыкологи предлагают новейшие методы и методики, ведут поиски нового терминологического аппарата для определения в целом специфики феномена музыкальных культур региона. В этом плане представляются интересными предлагаемые Н. Ю. Альмеевой и М. И. Кондратьевым в качестве аналитических дефиниций понятия «Средневожская цивилизация»³⁴ и «Волго-Уральская музыкальная цивилизация»³⁵. Действительно, «при естественных различиях тюркских и финно-угорских культур Волго-Уральского региона обнаруживается единый срез, который делает их явлениями одного порядка»³⁶.

Разработка вопросов теории и истории народной музыки имеет неоспоримое значение не только для понимания ее природы, общественных функций и эстетики, но и для изучения многообразных проблем профессиональной музыкальной культуры, региональных композиторских школ, специфики выразительных средств, творческого метода композиторов, исполнительского, в том числе массового самодеятельного (любительского), искусства. В изучении своего предмета академическое музыкознание

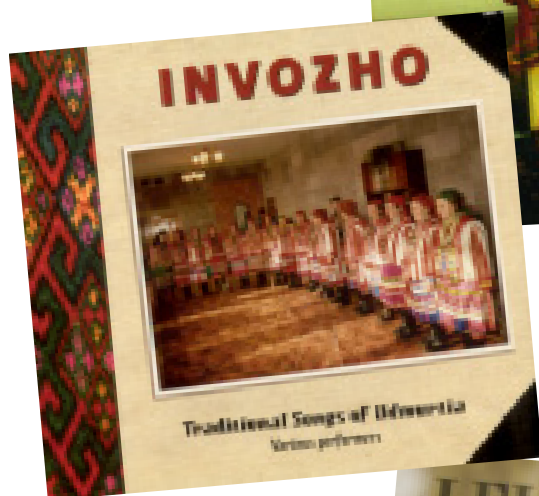
республик Волго-Уралья как исторически относительно молодая область искусствознания унаследовало в целом методологию исследований отечественной — русской и многонациональной советской — науки, а через нее и концептуальные подходы европейской музыкальной теории конца XIX — начала XX в., включающей в себя учение о гармонии, полифонии, музыкальной форме, метро-ритме и т. д.

Вместе с тем современное музыкознание региона вбирает в себя и методологию анализа, выработанную этномузыкологией (учение о ладе, ритмической типологии, фактуре). Это вполне закономерно и объяснимо при исследовании стилистики композиторских сочинений, в той или иной степени обусловленной традиционным народным мелосом и не всегда поддающейся объяснению при использовании инструментария и теоретических подходов, выработанных на основе анализа европейской профессиональной музыки последних столетий. Надо полагать, что влияние этномузыкологии на методологию исследований профессиональной музыки региона будет возрастать по мере изучения структурно-типологических особенностей народной музыки, их отражения в композиторском творчестве.

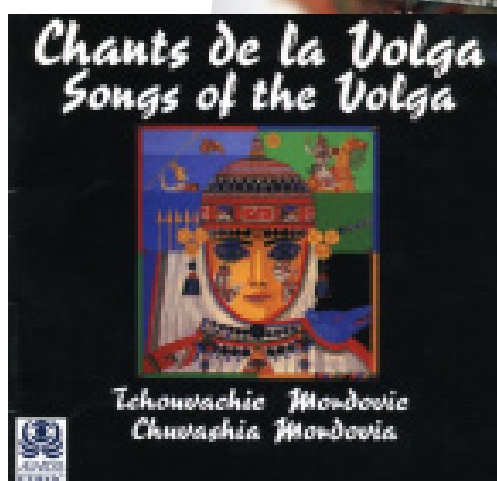
Итак, современная этномузыкология Поволжья и Приуралья — составная часть отечественного и мирового музыкознания, сложное и динамично развивающееся явление, имеющее свои приоритеты, историю, предмет, проблематику и направления исследований. Специфика изучения ее *истории* — формирования и развития, анализа общего и специфического (того, что выделяет музыкознание региона) — в значительной мере обуславливается предметом исследования, а именно традиционной музыкой народов региона, сложившейся в одной из сложных контактных зон Евразии, где, с одной стороны, сильные корневые основы финно-угорской и тюркской древности, а с другой — столь же сильные диффузионные элементы, возникшие в Средневековье и более позднее время в процессе многообразных смещений и контактов; а также профессиональной музыкальной культурой, сформировавшейся на основе сложноорганизованной этнической, субэтнической и диалектной мозаичности музыкальных традиций, развивающейся на данной основе и до сих пор испытывающей императивное влияние этих традиций.

Ключевые слова: этномузыкология, этноорганология, фактология, жанр, структура, лад, многоголосие, взаимосвязи.

İđäiäñëää İaðiäiüä İäñie è
 éíñòðóíáíòàëüüä İàëäðúøè.
 Èçäiäèä Pan Records
 (Áíëèäíäëy).

Èaðäëüñëää, İaðëéñëää,
 óäiódòñëää, İđäiäñëää,
 òëíñëää, èíäáðíäí-èäíñëää
 è yñóííñëää İaðiäiüä İäñie à
 èñííëíäíëè òëíñëíäí äíñàíäëy
 «Èä-ëí». Èçäiäèä Àëäääíëè
 Ñèäääëèòñä (Òäëüñëéè).

×óààðñëää è İđäiäñëää İaðiäiüä İäñie. Èçäiäèä Auvidis
 France (Òđäíöëy).

³¹ Речь главным образом идет о следующих работах: Buch M. Die Wotjaken. Eine ethnologische Studie. 2. Ausg. Helsingfors, 1882; Wichmann Y. Wotjakische sprachproben. I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche. Helsingfors, 1893; Pannoff P. Phonographierte wotjakische, permiakische und tatarische Lieder // Zeitschrift für Musikwissenschaft, 1929. 11 Jahrgang. August — September; Lach R. Vorläufiger Bericht über die im Auftrage der Kais // Akademia der Wissenschaften erfolgte Aufnahme der Gesänge russischer Kriegsgefangener im August bis Oktober 1917. Wien, 1918; Idem. Die Musik der turk-tatarischen, finnisch-ugrischen und Psychologischen Bedeutung für die Entstehung der musikalischen Formen (Mitteil, der Anthropol. Ges.). Vol. 50. Wien, 1920; Idem. Gesänge russischer Kriegsgefangener. Bd. I. Wien; Leipzig, 1926; Idem. Gesänge russischer Kriegsgefangener. Bd. I. 2. Abteilung. Wien; Leipzig, 1933; Härmäläinen A. Das kultische Wachsfeuer der Mordwinen und Tscheremissen // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 1936—1937. Os. XLVIII; Krohn J. Melodien der Permier // Ibed; Väisänen A. O. Das Zupfinstrument Gusli bei den Volgavölkern // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. 1928. Os. LVIII; Idem. Wogulische und ostjakische Melodien / Phonographisch aufgenommen von A. Kannisto und K. F. Karjalainen. Helsinki, 1937; Idem. Mordwinische Melodien. Helsinki, 1948.

³² Крупнейший венгерский исследователь музыки финно-угорских и тюркских народов Волго-Уралья Л. Викар, в частности, считает, что «старая самобытная угро-финская музыка не знала полифонии» (см. об этом его многочисленные, но по существу не подтвержденные научным анализом высказывания, содержащиеся в статье к его систематике Archaic Types of Finno-Ugrian Melody // Studia Musicologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. 14). По мнению И. М. Нуриевой, в этих утверждениях «определенную роль сыграл и психологический фактор: неприятие развитого многоголосия с позиции строго унисонной венгерской традиционной культуры» (Нуриева И. М. Удмуртские песни в записи Ласло Викара // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях. Ижевск, 2002. С. 318).

³³ Свидетельством этого могут служить публикации по Волго-Уральскому региону большого числа авторов, участников VIII Международного финно-угорского конгресса: Summaria acraasium in sectionibus et symposiis factarum. Jyväskylä (Finland), 1995. Pt. II. (Раздел В: Этнология и фольклор. С. 161—245).

³⁴ Кажется, впервые Н. Ю. Альмеева употребила данное понятие в ст.: Проблемы музыкального фольклора татар-кряшен // Artes Populares. Budapest, 1985. № 14. С. 134.

³⁵ Кондратьев М. Г. Музыкальная культура чувашей как часть Волго-Уральской музыкальной цивилизации // Чувашская республика на рубеже тысячелетий: История, экономика, культура. Чебоксары, 2000; Его же. Музыкальная культура чувашей // Чувашское искусство: Вопросы теории и истории. Чебоксары, 2003. Вып. 5.

³⁶ Альмеева Н. Ю. Обрядовый фольклор в этнокультурном контексте (к вопросу о региональной этномузыкологии) // Музыкальная наука Среднего Поволжья: Итоги и перспективы. Казань, 1999. С. 65.

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕНЕЦКИХ ПЕСЕН ПОЛУОСТРОВА КАНИН

Я. Ниemi (Jarkko Niemi),
заведующий отделением музыкальной антропологии
Университета Тампере (Финляндия)

Канинские ненцы — самая западная территориально выделенная группа тундровых ненцев, проживающая на Европейском Севере России. В настоящей статье определяются основания для их выделения как особой этнографической группы и по музыкальным признакам. В контексте аналитической презентации канинских напевов коснемся вопроса теоретико-методического плана: какими должны быть научное понимание и интерпретация чрезвычайно сложных песенных стилей коренных северных народов? В российском музыковедении этот вопрос поставил — именно относительно северных песенных стилей — Э. Е. Алексеев уже в 1970—1980-х гг.¹ Его исходная идея о значимости звуковысотной и метроритмической функциональности в формировании музыкальной структуры заслуживает большого внимания, поскольку имеет прямое отношение к аналитическому пониманию северных и вообще внеевропейских форм традиционной музыки².

Концептуализация песен и их музыкальных параметров в северных культурах — по крайней мере в культурах северных самодийцев — приравнивается к концептуализации языка. То же самое касается концептуализации эстетики музыкального выражения. Певцам-мастерам и их слушателям достаточно петь, слушать, реагировать на исполненное, так же как и в речи: носитель культуры осваивает язык своей культуры постоянно, в течение длительного времени. Особая учеба не нужна. Подобная ситуация складывается с традиционной музыкой: песенный репертуар и техника исполнения осваиваются в длительном естественном процессе. Поэтому особый концептуальный язык применительно к музыке названных культур не нужен. Песня — это естественная система

© Я. Ниemi, 2008

передачи культуры, имеющая глубокие исторические корни. Ее понимание должно включать в себя понимание организации речевого текста.

Подчеркнем, что это наше личное представление, возникшее в результате многочисленных разговоров с отдельными ненецкими певцами-мастерами. Конечно, было бы наивно отождествлять данное мнение с «окончательной правдой» о целой культуре, не говоря уже о культурном ареале ненцев — от полуострова Канин Архангельской области до таежных просторов лесных ненцев Пуровского района в Сибири. Это часть отдельного, важного методологического вопроса: как исследователь определяет методы сбора данных для своего исследования? Как поддерживает свой авторитет? Как убеждает читателя, что именно он призван репрезентировать чужую культуру и что материалы, выбранные им, на самом деле репрезентируют изучаемую культуру? Наиболее надежным кажется такое положение, когда исследователь делает исходные точки зрения как можно более прозрачными, когда он определяет себя как репрезентанта чужой культуры и оговаривает репрезентативность выбранных им материалов.

КАНИНСКИЕ НЕНЦЫ

Тундровые просторы Европейского Севера России разделены по ландшафту на отдельные более или менее компактные полосы. К западу от Северного Урала, до реки Печоры, находится огромная Большеземельская тундра. От дельты Печоры до реки Индигирки тянется Малоземельская тундра, а оттуда до основания полуострова Канин — Тиманская. Крайняя западная тундровая зона Архангельского Севера — полуостров Канин — родина самых западных европейских тундровых ненцев.

Ненцы являются представителями самодийской языковой группы, доисторические корни которой проистекают с юга Западной Сибири. Самодийская экспансия на Север, по европейским тундрам — длительный процесс, который закончился на границе исторического времени. В Средневековье самодийские группы заселили вышеупомянутые европейские тундровые полосы, которые отнюдь не пустовали: ученые³ считают, что самодийские группы встречались с разными древними неизвестными группами северян и в течение длительного времени, в результате войн, столкновений, союзов и межэтнических браков слились в народы, о которых у нас есть сведения сегодня.

Приблизительно так складывалась и этническая история канинских ненцев. Они представляют собой особую группу ненцев как по диалекту ненецкого языка, так и по этнографии. Есть различные свидетельства связи канинских ненцев с саамским населением Кольского полуострова, позднее — с северными коми-оленеводами на полуострове Канин и в отдельных случаях на Кольском. Далее, как известно, берега Белого моря — до самого полуострова Канин — с конца XVII в. стали территорией русских поморов⁴.

На судьбу коренного населения Архангельского Севера во многом влияли вышеназванные межэтниче-

ские, географические, экономические и административные факторы этих территорий как частей Российской империи. «Самоядь» была известна уже новгородским купцам⁵, а в Московской Руси коренные жители Севера стали плательщиками дани. При подобных обстоятельствах понятно, что процесс русификации наиболее интенсивно шел именно у западных ненцев.

Однородность ненецкого населения на полуострове Канин наблюдается и сегодня. Следы старых родоплеменных отношений у канинских и у других ненецких групп ощущаются, например, в фамилиях. Так, хотя у канинских ненцев распространены фамилии Ардеев, Бобриков, Каныков, Латышев, Бармич и др., они или русифицированы, или заимствованы у русских, но многие ненцы еще помнят свои старые ненецкие корни. Так, Ардеевы происходят из ненецкого рода Вэ"ли, Бобриковы — из рода Сядэй⁶.

ПЕСНИ КАНИНСКИХ НЕНЦЕВ

Сведения о песнях канинских ненцев исключительно редки. Их жизнь и быт изучены этнографами, лингвистами и краеведами, но специальных музыковедческих работ практически нет. «Классикой» ненецкого устного народного творчества являются «Эпические песни ненцев», составленные З. Н. Куприяновой⁷. В этой публикации большая часть текстов ненецких повествовательных песен записана в 1948, 1949 и 1959 гг. в Малоземельской тундре, что западнее Печоры. В известной и во многом информативной статье Б. М. Добровольского⁸ «О напевах ненецких эпических песен» отражены следы той же напевной протяжности, какую в большей степени мы наблюдаем в песнях канинских ненцев. Поскольку Добровольский имел в своем распоряжении полные расшифрованные тексты песен, он мог четко интерпретировать и разделять напевы на мелострочки. В этой статье, однако, обсуждаются напевы малоземельских ненцев; сведений же о канинских там нет.

Сравнение малоземельских материалов с канинскими дает основание полагать, что ненецкие песни на западе от Печоры имеют некоторые общие черты, не встречающиеся в песнях восточных ненцев. Вспомним, что в более поздних собраниях и публикациях ненецких песен Малоземельской и Тиманской тундры, например А. А. Гомон⁹, наблюдаются те же стилиевые черты. Из-за невозможности опираться на ненецкие тексты песен выводы автора о песенном стиле сосредоточиваются в основном на ладовом плане.

Записи песен именно канинских ненцев единичны. В наши дни песенное творчество канинских ненцев представлено почти без исключения песнями и исполнением Елизаветы Павловны Ардеевой — уроженки Канинской тундры. Она сохранила обширный репертуар повествовательных и личных песен и уже давно стала главным представителем своей культуры. Елизавета Павловна является общеизвестным ненецким исполнителем, уже давно поет на сцене как на канинских, так и на иных эстрадах, вплоть до Франции.

В марте 2002 г. мы участвовали в путешествии президента Ассоциации ненцев Ненецкого округа «Ясавэй» В. В. Пескова по зимним стойбищам оленеводов и поселкам. Главной целью у нас была работа в селе Несь со знатоками песенного фольклора. В этом селе в беседах с Е. П. Ардеевой выяснилось, что в послевоенное время стали более планомерно проводиться культурно-просветительные мероприятия, включая и выступления мастеров местной культуры. Талантливые певцы Канинской тундры Е. П. Ардеева и Александра Ефимовна Маркова (Латышева) часто вызывались исполнить песни своей родины. Интересно, что их искусство практически не подвергалось никакой аранжировке или фольклоризации. Пели они по очереди, а не вместе, так как групповое пение не является характерным для ненцев, пели в стиле своих предков, и, таким образом, их репертуар сохранился до наших дней в относительно традиционном виде.

Песни в исполнении Е. П. Ардеевой были записаны в 1970-х гг. на ненецком окружном радио, а одна — на

как в третьей строке 'арка тюняхана'), затем — шестисложная строка, после чего — окончательный евфонический слог [цэй]:

(а -р(а) -ков)нар-ка тю-ня- ха- нов(а) (цэй)

Стихосложная система допускает и исключительные словосочетания. Если в первом слове только один слог: *не папакодов*, то после первого слова (слога) ставится лополнительный слог [цэй]: *не [цэй]* который не повторя-

не сложного слова, например: *ха-са-ва* (мужчина) произносится *ха-сов*.

Структура напева, с одной стороны, очень развернутая, а с другой — середина строки с основным шестисложным текстом идет, почти как речитатив, на одном звуке. В макроструктуре напева заметны чередование двух звуковысотностей (в нотировке *си* и *до-диез*) и организация этого чередования в парных мелодических строках (А и В). Распевные сегменты напева выявляют и другие звуковысотности (*ми* и *ля*), которые вместе с основными можно понять как ангемитонный звукоряд *ми—до-диез—си—ля*.

Что касается звуковысотной структуры, вывод возможен только на общем уровне: в напеве чередуются две относительно близкие звуковысотности в интервале секунды или терции. Напев украшен и верхним, и нижним звуковысотными уровнями (*ми* и *ля*), которые расширяют диапазон вверх и вниз. Одновременно общий звуковысотный уровень песни постепенно повышается: звук, который обозначается нотой *си* в самом начале песни, в конце звучит уже как *ре-диез*. Это типичное явление в исполнительской практике традиционной песни, особенно в сольных стилях без участия аккомпанирующих инструментов.

Второй пример — повествовательный *хынц* в исполнении Александры Ефимовны Марковой (Латышевой) — знаменитой фигуры среди канинских певцов-мастеров. В начальном эпизоде песни описывается стойбище Сэродэта, где живет женщина Тасийне — под контролем ее снохи, которая имеет колдовскую силу. Муж Тасийне — Сэродэта — собирается в дальний путь в город Салехард.

Óúö «Iáa OàñááIá», eñi. Á. Á. Iàðèiáa. Iàðüýi-Iàð, 21.8.1994. ÇIèñIá

Шестисложная основная строка этой песни поется с добавлением окончательного евфонического слога [ïэй]. Однако в начале песни есть «исключения» из основы. Только в четвертой строке обнаруживается шестисложная норма (тип 2+2+2, хотя и в одном слове):

Се-ра-дэ-то-ко-нов(а)ïэй)

Силлабо-метрическая оппозиция типов 2+2+2 и 3+3 выявляется в третьей строке:

ка-е-цэ-(ей)и-ле-дем(а)ïэй)

В ладовой интерпретации мы сталкиваемся с процессуальными, открытыми формами. На первый взгляд, в напеве определяется кварто-терцовый трихорд (до-фа-ля (бемоль)). Однако ладовая основа выявляется более однозначно в окончательном сегменте певческой строки (ля-бемоль — си-бемоль — до). Учитывая распространенность горизонтальных по звуковысотному аспекту напевов, интерпретируем точ до как устой напева. Тогда как до фа ля можно считать как более свободный скачок вверх, типичный именно для напевов Е.П. Ардеевой и А. Е. Марковой.

Представленные здесь два напева повествовательно-го характера интересны тем, что песня, напетая с такой раз для тественно, очень для ческого компонента сюжет разворачивается довольно медленно. Подобные песни требуют много физических сил; исполнители часто делают передышку, обсуждают события, описываемые в песне, пьют чай, а потом поют дальше. Если в последней песне одна мелодическая строка поется приблизительно 10 секунд, в исполнении другого знатока канинского фольклора, Василия Ананьевича Канюкова, она звучит 5–7 секунд и сюжет песни разворачивается значительно быстрее.

ЛИЧНЫЕ ПЕСНИ — УБЕ"МА

Личные песни северных народов — своеобразный социальный институт¹⁵, где создается музыкальный, звуковой портрет человека и его социального окружения. Личные песни служат и своего рода биографией человека. Из них мы узнаем главные события жизни человека, его мечты, и социальные отношения, состав семьи и т. д. В традиционном смысле личные песни можно отождествлять с именем как символом идентитета человека. В ненецком институте личной песни представлены правила и запреты исполнения — тем более что многие из них отражают социальную картину настоящего времени и живущих сейчас людей. Хороший исполнитель может сохранить в памяти историю стойбища или поселка.

Помещаем здесь две личные песни в исполнении Е. П. Ардеевой и А. Е. Марковой, где говорится о людях, живших более полувека назад, чьи песни-судьбы стали

уже историей.

Áíáðèèá' yáá'î, èñî. Á. Ì. Áðàáááá. Nâëï íáñü, 7.3.2002. Çàïèñü è ïòèððîâèà: ß. îèâèè

В песне Бобрикова старший брат, отправляясь на войну, дает наставления младшему, как жить и сохранить семью. Напев песни довольно простой и, по сути, основан на чередовании двух центральных тонов (си и ля). Остальное — скачки или вверх (ми, ля²), или вниз (соль). Присмотревшись, в песне можно выявить еще один интересный момент, относящийся к структуре напева: роль основных, опорных тонов (си, ля) тесно связана с метрическим кодом, а скачки вверх или вниз, наоборот, довольно часто находятся в безударных позициях.

Порядок мотивного чередования закономерен: чередуются два типа строки (см. А и В в нотировке).

Метрическая схема проста — шестисложная строка поется с окончательным евфоническим добавлением:

па-пов Ñор-те-(е)й-ме-вз-е(й)ïэй)

В личной песне Баркулёва рисуется картина спокойной жизни жены и мужа — единоличников-оленоводов — Пыль Баркулёвой и Олега Латышева.

Музыкальный фрагмент с нотами и русскими словами: О-ла Ла-ту-со-к(а) (128), Па-к(а) Пар-ку-л(а) (128), (а) ко-ла ма-ла мо-ла (128), а-в(а) сер-ть(я) тар-ча (128), та-р(м)-ча та-р(м)-ча та-р(м)-ча, на-ко-ко-ла та-р(м)-ча.

Áàðéóé, á' yáá'ia, eñi. A. Á. ìàðéiàà. ìàðüýí-ìàð, 21.8.1994. Çàienü è ñòèððîâêà: ß. Íèâèè

В этой песне метрическая основа весьма проста: после шестисложного стиха следует длительная концовка:

а-в(а) сер-ть(я)' тар-ча (128)

Наблюдается также простой принцип мотивного чередования на уровне строки. Почти закономерно чередуются два типа строки (А и В в нотировке). Правда, в третьем метрическом сегменте заключение осуществляется или на уровне тона *ми* (строка А), или скачком вверх *до-диез*² — *ре*² (В).

В ладовом отношении этот напев характеризуется четырьмя довольно устойчивыми тональными уровнями (ми¹, ре¹, ми², ре²), которым добавляются оба (ми¹, ре¹), однако в отличие от прелюдии (ми¹, ре¹), проступают две тональные опоры (*ля*² и *ми*²). *Ми* является кадансовым звуком и поэтому логично выступает как основной тон лада.

* * *

В будущих публикациях будет дана более объемная презентация мелодий канинских ненцев, и тогда будет возможно основательнее представить канинские напевы. Из-за малочисленности материалов остаются открытыми вопросы: насколько песенные стили приведенных здесь образцов в действительности отражают традиции канин-

ских ненцев или же мы можем говорить только о воплощении музыкального пространства именно этих исполнителей? Существует ли подобное в мужской традиции? Из единичных примеров песен в мужском исполнении, причем только в жанре повествовательной песни хынц, возникает ощущение, что сходные напевы чрезвычайно широкого диапазона у мужчин не встречаются.

В изучении музыкальных традиций народов Севера необходимо пересмотреть методику анализа исходя из самого конкретного материала. Так, например, более результативно работу с подобными канинскими напевами начинать с определения метрически основных опорных звуковысотных уровней. Однако, как видно уже при предварительном анализе, метрические сегменты текста песни не дают однозначного решения этой проблемы. Организация текста в стихотворной, метрической форме в песне оформляет метроритмический базис, но сам напев имеет явно автономный характер. Это одно из самых очевидных различий между ненецкими песнями и, допустим, финско-карельскими причетами, где функция звуковысотности тесно связана с ударением в словах, что является также одним из принципов речитации. В этом смысле редкие ненецкие песни полуострова Канин или других районов несправедливо называть речитативными из-за автономии напева от текста.

Своеобразие стиховой структуры песни — одно из самых удивительных явлений ненецкой певческой культуры, общее как для канинских, так и для пуровских или

енисейских песен ненцев. По нашему мнению, феномен ненецкого песенного стиха вполне заслуживает того, чтобы быть представленным в издании ЮНЕСКО «Шедевры устного нематериального наследия человечества».

Примечания

- ¹ Алексеев Э. Е. Проблемы формирования лада (на материале якутской народной песни). М., 1976. С. 112—118 ; Его же. Ранне-фольклорное интонирование — звуковысотный аспект. М., 1986.
- ² См. подробнее: Niemi J., Lapsui A. Network of songs. Individual songs of the Ob' Gulf Nenets: Music and local history as sung by Maria Maksimovna Lapsui. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 248. Helsinki, 2004. S. 40, 43—44.
- ³ См. например: Васильев В. И. Полуостров Канин // Васильев В. И., Гейденрейх Л. Н. Тундра Канинская. М., 1977. С. 1—108 ; Его же. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979.
- ⁴ См.: Евсюгин А. Д. Ненцы архангельских тундр. Архангельск, 1994.
- ⁵ **Ключевые слова:** полуостров Канин, ненцы, этномышленность, стилизация, особенности песен, индивидуальный стиль, седелъ-хьенардоч. Д. Указ. соч. С. 13.
- ⁶ См. подробнее : Васильев В. И. Проблемы... С. 134—139.
- ⁷ Куприянова З. Н. Эпические песни ненцев / ред. Е. М. Мелетинский. М., 1965.
- ⁸ Добровольский Б. М. О напевах ненецких эпических песен. Эпические песни ненцев / ред. Е. М. Мелетинский. М., 1965. С. 757—780.
- ⁹ Гомон А. А. О некоторых особенностях традиционных ненецких импровизаций. Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами / ред. И. Рюител. Таллинн, 1980. С. 205—213 ; Gomon A. Expanded Melodic Scale in the Oral Tradition of the Nenets Folksong // Ural-Altai Yearbook 62. Bloomington, 1962. С. 75—87.
- ¹⁰ Под полярной звездой — традиционный и современный ненецкий и печорский фольклор (Мелодия М90 48949 008, 1989 г.).
- ¹¹ Musiques de la toundra et de la taïga URSS: Bouriates, Yakoutes, Tougouses, Nenets et Nganasan (Maison des Cultures du Monde, Inedit, MCM 160 004, 1987 г.).
- ¹² См.: Niemi J. The Nenets songs — A structural analysis of text and melody. Tampere, 1998 ; Скворцова Н. М. О музыке традиционных ненецких песен // Фольклор ненцев в записях 1911, 1937, 1946, 1953, 1965—1987 годов / сост. Е. Т. Пушкарева, Л. В. Хомич. Новосибирск, 2001. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; т. 23).
- ¹³ С точки зрения лингвистики первая объемная презентация этой темы содержится в работе: Хелимский Е. А. Глубинно-фонологический изосиллабизм ненецкого стиха // Journal de la Société Finno-Ougrienne 82. Helsinki, 1989. S. 223—268.
- ¹⁴ Относительно расшифровки и перевода текстов — это совместная работа не только с Е. П. Ардеевой и А. Е. Марковой, но и особенно с профессором Марией Яковлевной Бармич, заведующей кафедрой уральских языков в Институте народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), которой хотим выразить нашу глубокую благодарность.
- ¹⁵ См. подробнее, например: Пушкарева Е. Т. Личные песни ненцев // Современное финно-угроведение — опыт и проблемы / ред. О. М. Фишман, Е. А. Рябинин и И. В. Дубов. Л., 1990. С. 81—85 ; Niemi J. The Nenets songs... ; Niemi J., Lapsui A. Network of songs...

Поступила 11.09.2008

летние университеты венгрии: практический опыт для финно-угроведов

Ю. Н. Сушкова

кандидат исторических наук, заведующая кафедрой
международного права Мордовского государственного
университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск, Мордовия)

В июле — августе 2008 г. в Венгрии были организованы Летние университеты, в которых наряду с изучением венгерского языка, истории и культуры Венгрии рассматривались вопросы, касающиеся современного положения финно-угорских народов мира. Проведение подобных семинаров является своеобразной визитной карточкой двух крупных университетов Венгрии — Дебреценского (г. Дебрецен) и Западно-Венгерского (г. Сомбатхей). Организаторы данных программ на протяжении ряда лет стараются, с одной стороны, создать все необходимые условия для изучения венгерского народа, а с другой — познакомить и сблизить представителей финно-угорских народов для большего понимания ими друг друга, укрепления внутригосударственных и международных связей. Участие автора в первой программе стало возможным при поддержке Министерства образования Венгрии, предоставившего грант на стажировку, а во второй — благодаря стипендии Западно-Венгерского университета (кафедры уральской филологии).

Семинар по хунгарологии (изучению Венгрии. — Ю. С.) проходил на базе Дебреценского университета с 20 июля по 2 августа. Организация языковых курсов для Дебрецена является традиционной и имеет весьма символическое значение, поскольку не только отображает наиболее существенные этапы в истории самой Венгрии, но и в некоторой степени выступает индикатором интереса к венгерскому народу, его языку, истории и культуре. Впервые состоявшийся в 1927 г. Летний университет проходил ежегодно до 1936 г., затем его проведение было прервано Второй мировой войной и возобновлено лишь в 1949 г. В условиях изменений политической системы Венгрии во второй половине XX в. семинар в

1958 г. вновь прервался на целых девять лет. С 1967 г. по настоящее время он проводится регулярно. Много изменений произошло за эти годы! Так, в работе первого семинара участвовало 25 чел., в этом же году стажировалось более 100 чел. из

200 стран мира, в том числе России, США, Канады, Бразилии, Турции. Самыми многочисленными были группы из Франции, Италии, Австрии, Польши.

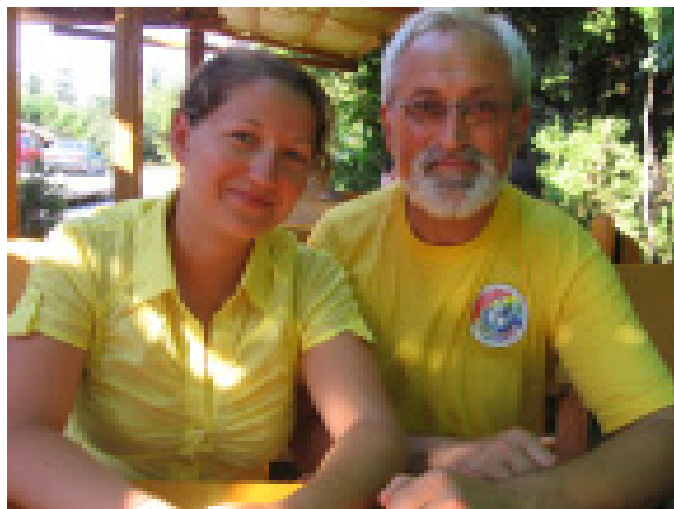
Среди участников семинара были государственные служащие, деятели культуры и науки, студенты, и среди них французский поэт Жан Люк Моро и немецкий поэт Барбара Фришмут. Всех гостей Летнего университета в Дебрецене объединяла одна идея — как можно глубже изучить язык, историю, государственно-правовое устройство, особенности культуры Венгрии. Примечательно, что многие участники семинара рассказывали о своих венгерских корнях, чем и объясняли такой живой интерес к глубокому познанию Венгрии. Молодежь, несмотря на то что родилась и проживает в далеких от Венгрии странах, очень активно демонстрировала стремление к изучению языка своих родителей, бабушек и дедушек.

В последнее время проблема изучения родного языка широко обсуждается государственными и общественными деятелями, учеными. В связи с этим опыт решения аналогичных вопросов в Венгрии может быть небезыntenесен. Деятельность Летних университетов прежде всего нацелена на повышение уровня знания языка. По мнению венгерских языковедов, для хорошего овладения разговорной речью необходимо, как минимум, 300 часов языковой подготовки. В рамках одного Летнего университета продолжительностью четыре недели участникам предоставляется возможность изучать язык

в течение 120 часов (по 6 часов в день). Важнейшим условием освоения языка является наличие необходимой учебно-методической литературы. По словам директора Летнего университета профессора Джозефа Геллена, подготовка учебника по венгерскому языку была самым сложным делом, поскольку «создавать интересные по содержанию, соответствующие современным реалиям книги, написанные в хорошем стиле, требует большого таланта». Учебники, по которым осуществлялось преподавание в последние годы, писались в течение ряда лет (Hungarolingua 1 — 1991 г., Hungarolingua 2 — 1993, Hungarolingua 3 — 1999 г.). В дальнейшем все книги были распространены по различным университетам и колледжам мира, где изучался и преподавался венгерский язык. В настоящее время Европейской комиссией определены новые стандарты к учебникам по иностранным языкам. Учебник должен состоять из шести частей (книг) — A1, A2, B1, B2, C1, C2, изучив которые обучающийся может овладеть навыками разговорной речи на данном языке.

Научно-образовательная программа в Дебрецене сопровождалась рядом культурных мероприятий, среди которых особое впечатление произвели итоговый концерт Венгерской консерватории им. Ф. Листа, национальные танцы и песни, театрализованные представления по мотивам фольклорных произведений. Без преувеличения можно сказать, что участники семинара в полной мере окунулись в атмосферу этнической культуры и, несмотря на непродолжительное время, смогли очень подробно изучить историю венгерского народа.

Другим уникальным форумом для финно-угроведов был XIV Летний университет «Хунгарология», организованный кафедрой уральской филологии Западно-Венгерского университета и прошедший в г. Бадачоньто-

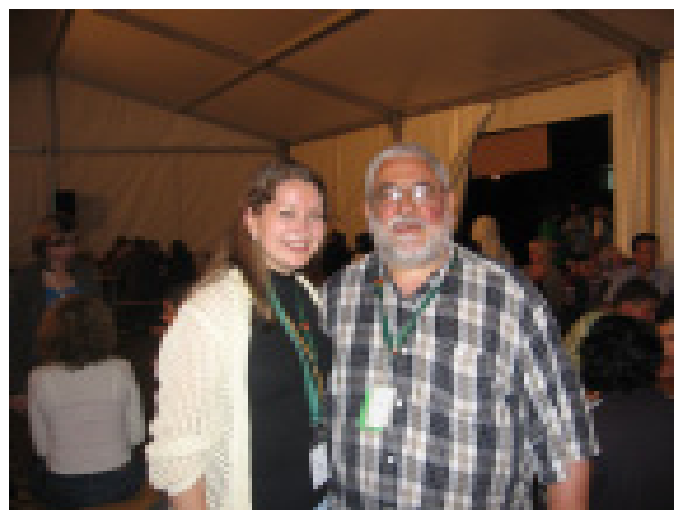

Р. I. Nóvóéiàà è В. Ióhòàè

май с 18 по 29 августа. Традиции проведения данного мероприятия были заложены заведующим вышеуказанной кафедрой профессором Яношем Пустаи, который ежегодно собирает в стенах Западно-Венгерского университета группу специалистов из России, занимающихся проблемами финно-угорских народов мира. В этом году участниками университета были представители республик Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Пермской области.

Спектр обсуждавшихся вопросов был весьма обширным: проблемы сохранения родного языка, двуязычие, история финно-угроведения, правовое положение финно-угорских народов, реализация Болонского процесса и др. Перед участниками с докладами выступили известные венгерские финно-угроведы Петер Домокош, Янош Пустаи, Петер Бокани, Иштван Козмач, Пал Тамаш, Римма Даллош, Ласло Клима, Ференц Мучи. В их докладах звучало несколько основных тезисов, главный из которых

— необходимость говорить на родном языке, расширять сферу его применения, сохранять и развивать этническую культуру. «Подобно тому как мы боремся за сохранение каждого цветка на этой планете, мы должны бороться за каждый язык. В этом праве все народы равны между собой», — подчеркнул в своем докладе Янош Пустаи. По мнению Петера Домокоша, «финно-угроведение (уралистика) — огромная наука, которая состоит из группы дисциплин, связанных с финно-угорскими народами. Основа этих дисциплин — язык и языкознание. Если бы не было языка, то в серьезной форме нельзя было бы говорить о других проблемах финно-угорских народов».

Многие исследователи делились своим опытом сотрудничества с финно-угорскими республиками России. Петер Домокош с особым теплом и чувством горечи от утраты вспоминал о своем коллеге и друге, известном мордовском языкеводе А. П. Феоктистове, с которым он неоднократно встречался и работал в России и Венгрии. Иштван Козмач рассказывал о том, как в течение ряда лет сотрудничал с Удмуртским государственным университетом, где одновременно занимался преподавательской и научно-исследовательской работой по изучению удмуртского языка. Янош Пустаи поведал о своих встречах с государственными и общественными деятелями Мордовии. Особенно ему запомнилось мероприятие с участием Главы Республики Н. И. Меркушкина, на котором было принято очень важное, на его взгляд, решение об издании на мокшанском и эрзянском языках энциклопедии «Мордовия» и книги «Мордва».

Изучив этноязыковую ситуацию в финно-угорских республиках, венгерские ученые пришли к выводу о необходимости принятия срочных мер по поддержанию языков как со стороны общественности, так и со стороны государства. Относительно сложившегося в данной сфере положения в Мордовии исследователи однозначно отметили неразрывность языковой проблематики с современными этническими процессами в целом. Вопрос сохранения языка прямо связан с сохранением мордвы

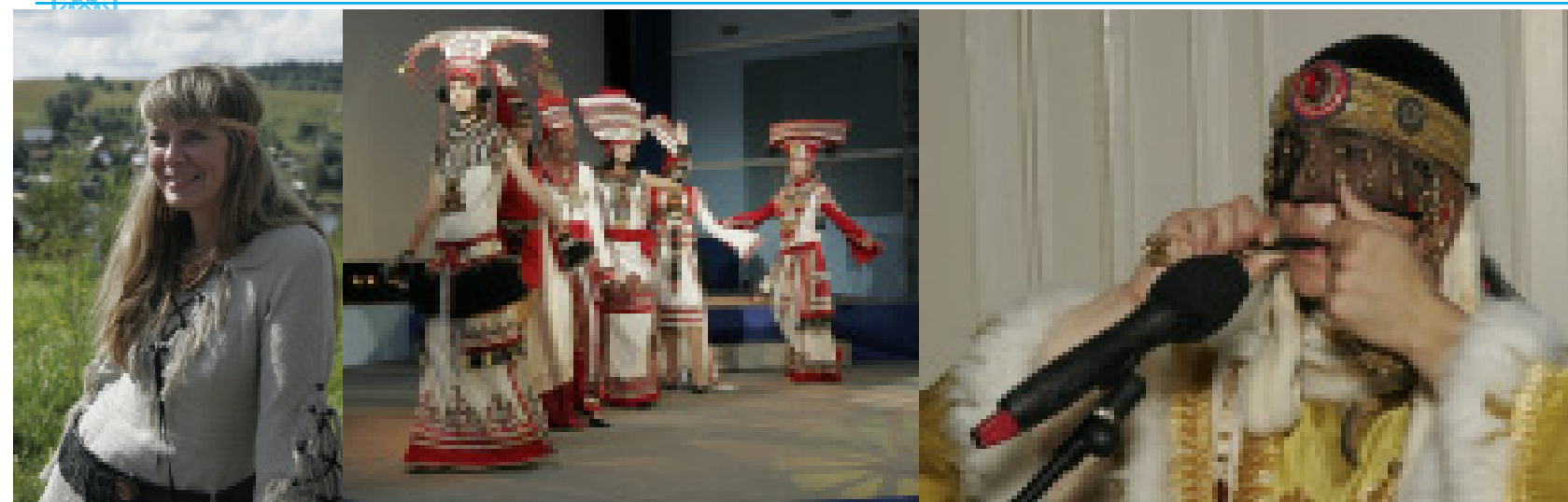
как единого этноса. «Если мордва будет разделена на два народа — мокшу и эрзю, то и они, и их языки будут потеряны», — единодушно признали все выступавшие.

Венгерские коллеги выступают за активное продолжение культурного, научного, образовательного сотрудничества. С этой целью в г. Бадачоньтомай был открыт новый институт — Fennó-Ugricum Collegium, директором которого стал Янош Пустаи. Предполагается, что одним из направлений деятельности института станет реализация совместных проектов по вопросам филологии, правоведения, этнографии и других наук, в которых рассматриваются те или иные аспекты финно-угроведения. В качестве предложения была высказана идея о разработке терминологии на том или ином финно-угорском языке для того, чтобы в дальнейшем на ее базе подготовить учебники для школьников. С этой целью в институт целесообразно пригласить двух специалистов: учителя, владеющего соответствующим финно-угорским языком, и лингвиста, оказывающего профессиональное содействие в выработке терминологии. Помимо данного проекта были высказаны и другие предложения о возможностях сотрудничества.

Участие в Летних университетах Венгрии существенно обогатило российских финно-угроведов и дало им новый импульс к продвижению своих исследований, применению их в практической работе. Зарубежный позитивный опыт решения тех или иных вопросов является важнейшим источником знания, с помощью которого возможно не только предвидеть будущее, но и глубже осмыслить настоящее.

«Загляни в прошлое — там ты увидишь будущее», ИЛИ НЕМНОГО О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭТНОФУТУРИСТИЧЕСКИХ ФЕСТИВАЛЯХ «КАМВА» В ПЕРМИ

Е. В. Бутрова,
искусствовед, директор Международного фонда искусств
имени С. Эрьзи (г. Москва)

Ситуация в жизни этнофутуристов в последнее время значительно меняется. Вроде бы совсем недавно идеологическим центром этого популярного течения была Удмуртия, на полянах и в лесах которой разворачивались таинственные действия. В них неизменно вовлекались все, кто хоть немного начал проявлять интерес к этим странным, непривычными даже для искушенной публики, событиям. Очарованные тихой, какой-то мистической красотой удмуртских деревень и природы, мы, городские жители, именующие себя этнофутуристами, устремлялись вслед за художниками и музыкантами в удмуртскую глушь. Там мы снова и снова переживали то волнующее состояние, после которого возвращение к привычной жизни давалось непросто. словно очнувшись после необычного яркого сна, где происходила встреча с чем-то важным, явившимся из глубин подсознания, мы начинали ощущать себя странным образом изменившимися. С тех пор каждый из нас, кто хоть раз побывал на удмуртских фестивалях, может считать себя приобщенным к этнофутуризму. И это имеет большое значение для исследо-

вателя, который вряд ли сможет дать верную и разностороннюю оценку новому явлению без эмоционального погружения в него.

Как любое живое прогрессирующее явление в культуре, финно-угорский этнофутуризм переживает естественные изменения. Так, его центр в настоящее время переместился из Ижевска в соседний регион — столицу коми-пермяцкого края Пермь. И это заметно сказалось на самой концепции фестивального движения: оно стало городским и интересным в первую очередь молодежи. В нем стали отчетливо отражаться актуальные тенденции развития современной художественной культуры, активно включающей в себя мультимедийный и межнациональный компоненты. Этнофутуризм как важная и неотъемлемая часть городской художественной культуры финно-угорских народов — такой угол зрения на популярную тему четко прослеживается в действиях организаторов «Камвы» — фестивалей новой волны. Пермь провела пока только три фестиваля (2006, 2007, 2008), но они уже вызвали значительный общественный резонанс и интерес в куль-

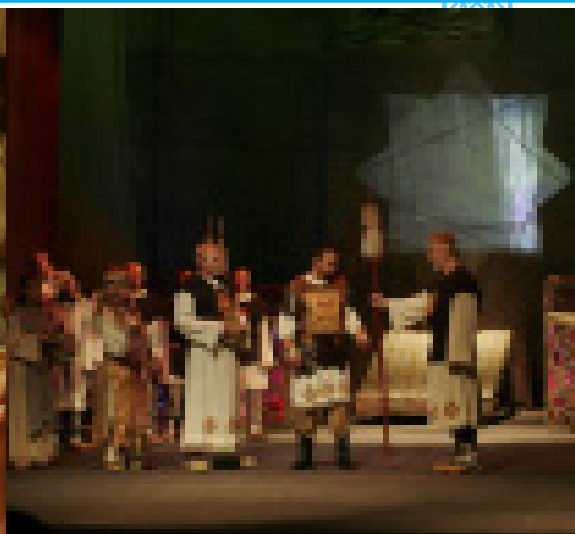
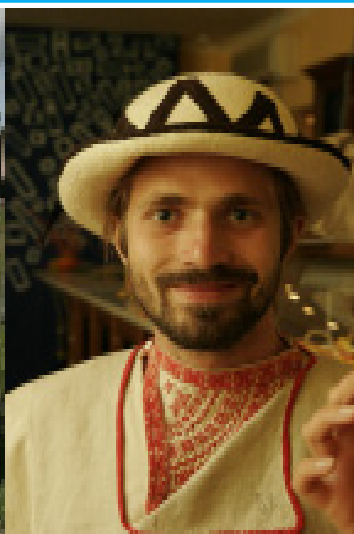
турной среде. Автором идеи, организатором и директором «Камвы» стала Наталья Шостина. Очень важно, что уже существует приличная хроника событий фестивалей, а также обширная пресса, авторитетные суждения и оценки профессионалов. Важной особенностью «Камвы» является умение организаторов реализовать столь крупный массовый проект без привлечения официальных институций, что, как правило, ведет к заорганизованности и регламентации, сковыванию творческой свободы и инициативы. Во многом благодаря этому «Камва» и сумела сохранить свой креативный характер, несмотря на то что бюджет фестивалей был очень значительным. Авторитет и популярность «Камвы» привлекли к ней новую генерацию пермских предпринимателей, в частности «Экопромбанк», ставший генеральным спонсором фестиваля.

В небольшом обзоре невозможно подробно остановиться на программах интереснейших и насыщенных событиями фестивалей, тем более что во время последнего из них состоялась презентация первого номера аль-

нием от «Камвы».

Несомненно, важным позитивным моментом можно считать демонстрацию принципиальной *толерантно-сти* организаторов «Камвы». Среди участников фестивалей неизменно присутствуют представители не финно-угорских народов, что расширяет творческие горизонты современной городской культуры, делает фестивальное движение открытым и привлекательным для молодежной аудитории.

Родственный нам, финно-уграм Поволжья, уральский город Пермь за последние три года сумел организовать и успешно провести уже несколько международных этнофестивалей. За это время его инициаторы накопили значительный опыт, чрезвычайно полезный для всех, кто связан с организацией и проведением молодежных фестивальных проектов. После большого количества правильных слов хочу дать всего лишь один совет тем, кто намерен расти в современной художественной куль-

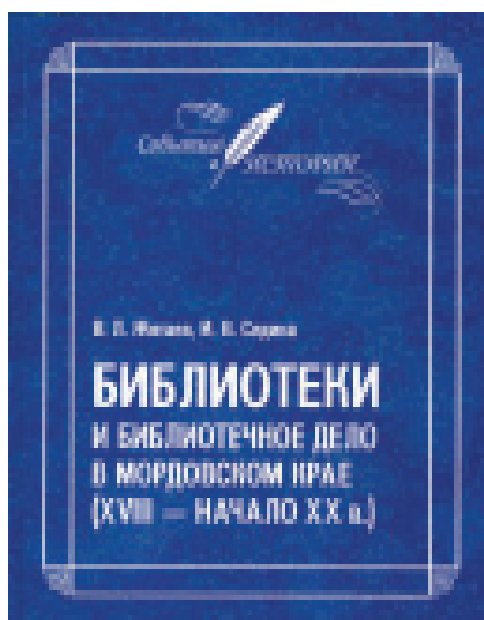
манаха «Камва», содержащего значительное количество информации разного характера. Успешно функционирует сайт www.kamwa.ru. Организаторами была издана обширная рекламная продукция о фестивалях.

Следует все же отметить, что наиболее интересными событиями «Камвы-08» стали многочасовой показ этномоты и музыкальная программа очень высокого уровня. Запомнились также спектакли этнотеатров, авторские перформансы, выставка художников «Искусство света». Большое внимание организаторы уделили и теоретическим проблемам современной финно-угорской культуры, включая проблемы археологии и музеев пермского края, хранения и популяризации национального культурного наследия. И конечно, незабываемым стал вояж гостей и участников фестиваля по реке Каме с посещением древнего городища Анюшкар. Такой резкий переход от нарочито городской среды к реальным истокам истории стал завершающим и едва ли не самым ярким впечатле-

туре. Нужно активнее расширять горизонты и не бояться меняться, от этого творческая личность будет только интереснее и гибче. Надо смелее осваивать современный опыт и уроки коллег.

В Пермь обязательно надо ездить. Чтобы поучиться и лучше понять свое место во времени, в котором довелось жить и работать.

*Автор выражает искреннюю признательность фото-атташе фестиваля «Камва» **Виктору Мельнику** (г. Пермь) за эксклюзивный фотоматериал, любезно предоставленный для настоящей публикации.*

В. Л. Житаев, И. В. Седина
Библиотеки и библиотечное дело в
мордовском крае (XVIII — начало XX в.). —

Среди современных ключевых социокультурных проблем с их региональной спецификой одно из центральных мест занимает проблема сохранения, возрождения и приумножения отечественной культуры, ее основных элементов.

В серии «События в истории», которую выпускает Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, вышла новая книга. Ею стала монография В. Л. Житаева и И. В. Сединой «Библиотеки и библиотечное дело в мордовском крае (XVIII — начало XX в.)». Небольшая по объему, но очень интересная по содержанию, она, на наш взгляд, привлечет к себе большое число читателей, интересующихся историей родного края. Прежде всего, хочется подчеркнуть, что книга пронизана необыкновенной любовью авторов к своей малой родине. На протяжении всей работы они убедительно и настойчиво доказывают, что наш край в прошлые века не был «убогим и забытым», причем их доводы не голословны. Авторы взяли на вооружение большую источниковую базу, которая включает стенографические отчеты губернских, уездных земских собраний, отчеты земских управ, журналы уездных земских собраний, богатый архивный материал. Они выявили ранее не известные исследователям документы, которые дают основание по-новому взглянуть на ситуацию в духовной жизни края.

Без знания истории развития библиотечной сети нельзя говорить об уровне развития культуры мордовского народа на том или ином этапе. Наличие библиотек является одним из показателей уровня интеллектуального потенциала народа, так как с распространением библиотек и книг среди населения связано и развитие грамотности.

Несомненным достоинством монографии является

то, что авторы, работая над ней, рассмотрели все виды библиотек, которые существовали в указанный период. Они дали подробную характеристику деятельности библиотек, существовавших на территории края еще в XVIII в., и пришли к выводу, что уже к середине XIX в. на территории уездов, вошедших впоследствии в состав Мордовии, сформировались зачатки библиотечной системы в виде монастырских, церковных библиотек при церковно-приходских школах, библиотек учебных заведений.

Детальный анализ школьных библиотек позволил авторам сделать умозаключение об их стабильном развитии, о постоянном расширении книжных фондов и об оказании огромного влияния на эстетическое и духовное воспитание не только подрастающего поколения, но и взрослого населения.

Малочисленность публичных библиотек на территории края авторы объясняют отсутствием крупных городов и, в еще большей степени, ограничениями законодательства. Главными из них были запреты в области формирования состава книжных фондов. С 1884 г. Министерство внутренних дел России издавало списки книг, запрещенных к обращению в публичных и общественных читальнях. Публичные библиотеки, как и общественные, были поставлены в определенные рамки, за пределы которых они не могли выходить, а следовательно, читатель не мог получить интересующую его книгу.

Большой раздел книги посвящен бесплатным народным библиотекам и библиотекам-читальням, которые создавались земством в 80-е гг. XIX в. Значение этих библиотек для сельского населения края было велико: они сыграли заметную роль во внешкольном просвещении и самообразовании народных масс.

Пришло время вспомнить забытые имена тех, кто приумножал духовное богатство народа, ведь часто

библиотеки открывались на средства, пожертвованные частными лицами. Авторы провели большую работу, чтобы в своей книге назвать имена благотворителей, к числу которых принадлежали представители разных сословий.

Проанализировав деятельность библиотек для учителей и служащих, авторы констатировали, что за короткий срок эти библиотеки оказали неоценимую помощь учителям в совершенствовании профессионального мастерства, без чего невозможны обучение и воспитание учащихся. Благочиннические библиотеки также внесли большой вклад в духовное воспитание и укрепление нравственности населения.

Важную роль в развитии библиотечного дела в мордовском крае, по убеждению авторов, сыграли земские учреждения, которые были не только жертвователями, но и организаторами внешкольных учреждений, способствовавшими более полному удовлетворению запросов грамотного населения края.

В книге имеется небольшой справочник-приложение, который содержит информацию о библиотеках, существовавших на территории нашего края. Справочник позволяет узнать, когда библиотека была создана, где располагалась и на какие средства существовала, сколько читателей посещали библиотеку и какие книги они в основном читали.

В целом работа представляет собой серьезное научное исследование, ориентированное на современного читателя самого широкого круга — всех тех, кто интересуется историей родного края, и в частности историей библиотек как феномена культуры.

Заведующая отделом теории
и истории культуры ГУ НИИ ГН при Правительстве РМ
Т. М. Гусева

Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений : сб. науч.

**тр. / редкол. : Н. И. Бояркин (отв. ред.),
Л. Б. Бояркина (сост.), М. В. Логинова,
И. В. Отставнова ; вступ. ст. Н. П. Макаркина.
– Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008.**

Сборник научных трудов Межрегионального научного центра финно-угроведения Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева подготовлен кафедрой народной музыки при активном сотрудничестве с крупнейшими российскими и зарубежными специалистами. В нем исследуются проблемы, актуальность которых обусловлена острой потребностью в изучении вопросов формирования музыкальных традиций, их специфики, системообразующих начал, стилистики в широких исторических и межэтнических контекстах. Авторами предлагаются для обсуждения новые методы и методики междисциплинарного анализа и каталогизации, вводятся в оборот современной науки неизвестные ранее разноаспектные эмпирические экспедиционные материалы.

В I разделе на археологическом и лингвистическом материале (Н. И. Бояркин, Г. М. Макаров) рассматриваются проблемы формирования музыкально-инструментальной культуры финно-угров Волго-Камья.

В статьях II раздела (И. И. Земцовский, Й. Жордания, Д. Рачюнайте-Вичиниене, Я. Ниemi, Т. Лейсиё, Ж. Пяртлас, М. Г. Хрущева) исследуются песенные

традиции финно-угорских и самодийских народов в контексте других народов Евразии, предпринимается поиск новых теоретических подходов к их сравнительно-историческому и типологическому изучению.

Опыт теоретического обобщения новейших эмпирических данных содержится в статьях III раздела (Е. А. Дорохова, О. А. Пашина, И. М. Нуриева, Н. Ю. Альмеева). Проблематика работ охватывает взаимосвязи региональных песенных традиций финно-угорских, славянских и тюркских народов.

Последний раздел посвящен вопросам истории финно-угорской этномузыкологии (И. Рюйтел, Л. Б. Бояркина, О. М. Герасимов) и неизвестным экспедиционным открытиям последних лет (Ю. Н. Сушкова, М. И. Лобанов).

Издание адресовано исследователям, аспирантам, преподавателям и студентам, всем интересующимся прошлым и настоящим традиционного народного музыкального искусства.

Древнее поволжье: историческая реконструкция в творчестве художника Михаила Свиязова

Н. С. Осянина

искусствовед, научный сотрудник музея изобразительных искусств им. С. Эрзи (г. Саранск, Мордовия)

Имя Михаила Александровича Свиязова широко известно любителям живописи в Мордовии и за ее пределами.

Художник родился в 1965 г. в г. Саранске. Рисовать начал «раньше, чем ходить». Уже с шести лет неофициально стал посещать занятия в детской художественной школе. В 1980 г. поступил в Саранское художественное училище, в 1989 г. — в Ленинградское высшее художественное училище. В Северной столице начал участвовать в выставках и сотрудничать с художественными галереями Европы, Санкт-Петербурга и Москвы. В 1993 г. стал одним из организаторов общественно-творческого объединения художников «Паритет», в 1998 г. возглавил его.

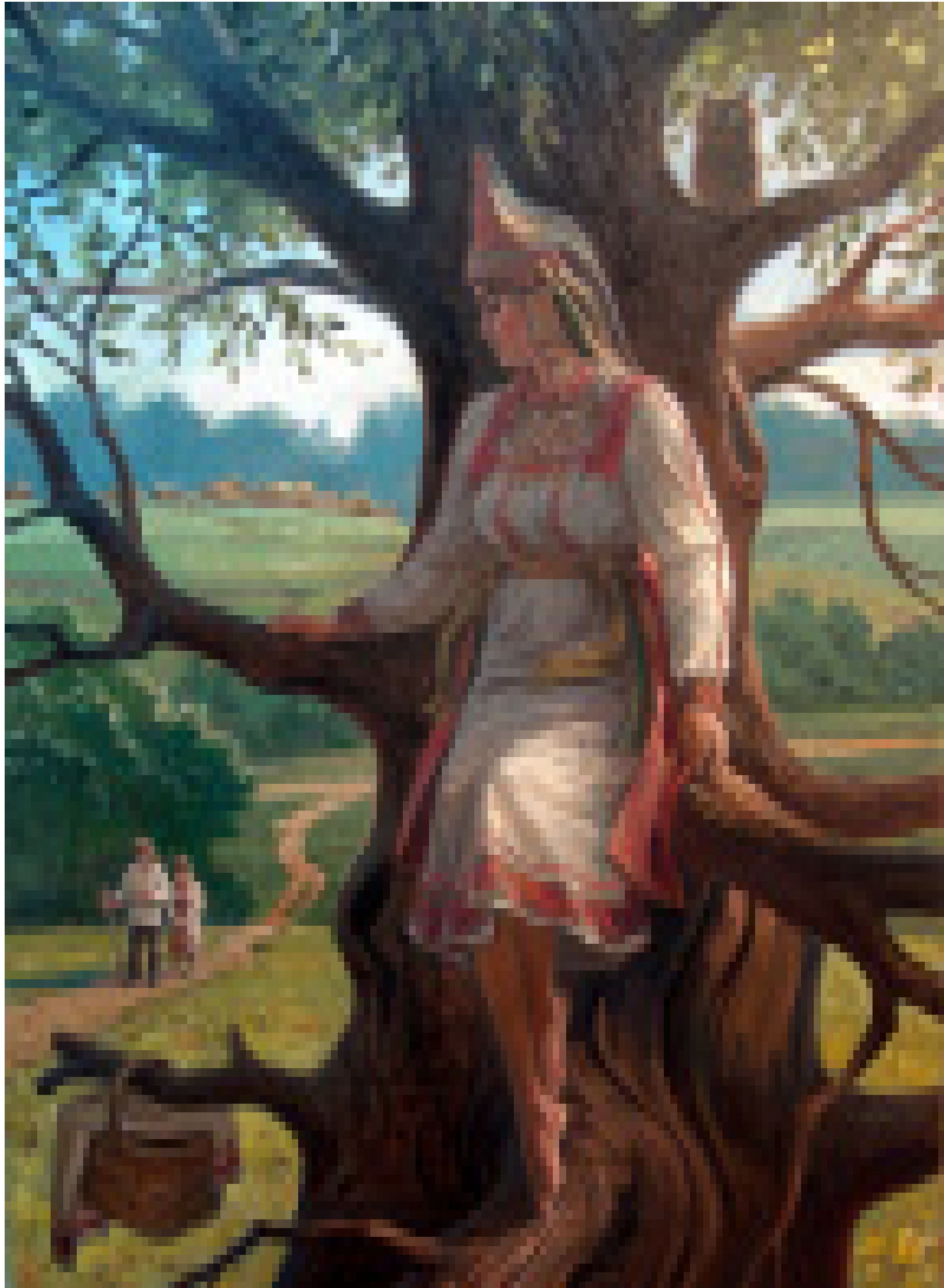

Впервые на саранских выставках картины художника появились в начале 1990-х гг. В 1995 г. была открыта первая персональная выставка его работ. Интуитивно или сознательно он нашел в изобразительном искусстве ту орбиту, которая до него пустовала. Художник одинаково успешно работает практически во всех жанрах живописи: пейзаже (сельском, архитектурном, городском), натюрморте, портрете, бытовом и сказочно-мифологическом. Разноплановость искусства М. Свиязова исходит из его представлений о безграничной свободе творческой личности и искусства в целом.

Особый раздел творчества живописца составляют архитектурные пейзажи, в центре композиций которых — изображение православных храмов. Небольшие часовни, сельские церкви и древние монастыри посреди равнин вселяют веру и надежду в возрождение и процветание родной земли. Своего рода визитной карточкой искусства М. Свиязова стали картины на тему дождя. Дождь на городской улице или в парке легкой серебристой пеленой окутывает здания, деревья, фигуры.

В последнее время в целом ряде произведений Михаил Свиязов обращается к социально значимым темам — экологии, войны в Чечне, мордовской истории. В 2007 г. по заказу Историко-социологического института Мордовского университета он выполнил ряд работ для издаваемых учебников по истории и культуре мордовского края, а также книг «Древняя мордва», «Боги и сказания мордвы». Научным консультантом этих работ стал археолог доктор исторических наук профессор Мордовского университета В. И. Вихляев.

Àèðÿàà. Õ., ì. 2007

Ñòääíáääéíáíä ïðäíäñéíä
ñäëèüä. Ö., ì. 2007

Äðääíáíðäíäñéèä éó+íèèè. Ö.,
ì. 2007

Ïðäíäñéíä ñòääíáääéíáíä äíéñéí.
Ö., ì. 2007

CONTENTS

V WORLD CONGRESS OF FINNO-UGRIC PEOPLES

Presidents' address at the opening ceremony of the V World Congress of Finno-Ugric Peoples (*The Russian Federation — D. A. Medvedev. The Republic of Finland — T. Halonen. The Republic of Hungary — L. Solyom. The Republic of Estonia — T. H. Ilves.*)8

The resolution of V World Congress of Finno-Ugric peoples.....18

Kirdyashov V. F. (*RF, Mordovia*) World Congresses of Finno-Ugric peoples as a factor of unity and conflict (to conclude V World Congress of Finno-Ugric Peoples).....22

Congresses of Finno-Ugric peoples are a bright event in the life of the Russian Federation and some countries in Europe. Their aim is to create conditions for intercultural dialogue, mutual understanding and constructive solution of challenges faced by the Finno-Ugric peoples. The author tried to show the possibility and necessity of spiritual and socio-political consolidation of these peoples, as well as the role they are called to play at the Congress.

If to dream a little... Hannus M. Interview.....28

Pusztay J. (*Hungary*) Reflections on the future of the Finno-Ugric languages in the Russian Federation.....30
The article reviews the situation of Finno-Ugric languages in the Russian Federation. It analyses the possibility of creating a single literary (and at the same time national) language, as well as correcting terminology, which should facilitate the convergence of different versions of one language.

Mosin M. V. (*RF, Mordovia*) Single Mordovia literary language: pro and con.....34
The article discusses the creation of a single Mordovia literary language on the basis of the Moksha and Erzya literary languages. As one of the ways that the author proposes is the development of the early foundations of the two relative languages.

Kuklin A. N. (*RF, Mari-El*) Finno-Ugric world through the prism of the Ural toponymy.....40
The author raises the question of the Ural substratum in Ural-Volga region toponymy, linking it with complex and diverse ethnogenesis challenges of Ural race people. It concludes on the lack of toponymic system grounds consideration of Ural-Volga region as a result of creativity of only the people who are now living there: in this case the chronological sections and facts impacting on the formation of its substratum, superstratum and other events are ignored.

Strogalschikova Z. I. (*RF, Karelia*) Native small peoples of Russia in state policy: the formation of legislation and its implementation in post-Soviet period.....48

The article explores the problems of small native peoples at the present stage of the Russian state, addresses legislative, political and administrative affairs of their interaction.

Nikitina G. A. (*RF, Udmurtia*) Poor, rich and beggary in Udmurt village: historic and contemporary interpretation.....64
Based on folklore-ethnographic data, scientific development of the first Udmurt ethnographer G. E. Vereshchagin, and own field materials on contemporary Udmurt village the author attempts to analyze the view on social inequality, the reasons of this disparity and the perception of it in public consciousness of Udmurt rural society in the late XIX and the turn of XX—XXI centuries.

Konyuhov A. K. (*RF, Komi*) National identity of Finno-Ugric Peoples.....74
The author examines sociological aspect of the national identity of the Finno-Ugric peoples; complex multi-component analysis allows to track the nuances of ethnic self-identification.

Prozes J. (*Estonia*) Mihkel Veske in Kazan. On the 165-year anniversary of the birth of M. P. Veske (1843—1890).....88

Boyarkin N. I., Boyarkina L. B. (*RF, Mordovia*) On modern Ethnic Music Studies of Volga-Ural region.....94
The article highlights the problems of modern Ethnic Music Studies of Finno-Ugric and Turkic peoples of the Volga-Ural region. It analyzes the state of the evidence base of the Study, trends and research subjects.

Niemi J. (*Finland*) Style characteristics of Nenets songs on Kanin peninsula.....104
For the attention of the readers it offers the examples of Nenets songs of Kanin Peninsula of the Arkhangelsk region. Kani Nenets is the Westernmost, geographically separated group of tundra Nenets, living in the northern European Russia. Considering the song traditions of this group of Nenets, the author identifies the reasons for their selection as a special ethnographic group as well as musical grounds.

Summer University in Hungary: Practical Experience for Finno-Ugric scholars.....111

Look into the Past and You will See the Future There or Something about Kamva Ethno-futuristic Festivals in Perm.....114

Libraries and Library in the Mordovia Province (XVIII — beginning of XX century).....116

Финно-угорский мир

Ханты-Мансийск — 2008

Скольким языкам быть у одного народа?

Единый мордовский литературный язык: за и против

Финно-угорский мир сквозь призму уральской топонимии

Бедные, богатые, нищие в удмуртской деревне

Михкель Веске в Казани

Современная этномузыкология Волго-Уралья

Песни канинских ненцев

Национальная идентичность финно-угорских народов

№ 1 2008

финно-угорский

в следующем номере:
Удмуртское население города Ижевска
Языковая среда сельской школы в Карелии
Венгерский джаз в Саранске